КАМЧАТСКИЕ ССЫЛЬНЫЕ
=ТАЙНАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ=

СЕРГЕЙ ВАХРИН

ОРДЕН КРОМЕШНИКОВ

Санкт-Петербург
Свое издательство
2019

Вахрин С. Орден кромешников. — Санкт-Петербург: Свое издательство, 2019. — 340 с.

ISBN 978-5-4386-1712-9

История рода старомосковских бояр Колычевых, представителем которой был Василий Иванович Колычев, сосланный на Камчатку по «делу о царевиче Алексеее Петровиче» как друг его детства. Драма этого рода состояла в том, что бояре Колычевы и цари Романовы были однородцами, но стояли на различных политических платформах и враждовали, пока не уничтожили друг друга …

ВСТУПЛЕНИЕ

Эта книга, вполне вероятно, никогда не была бы написана, если бы, совершенно случайно, при сборе материалов по истории Камчатки, я не нашел бы сообщение (источник которого мне неясен до сих пор) о том, что среди камчатских ссыльных был некий Василий Колычев, сосланный по «делу о царевиче Алексее Петровиче».

Работая над материалами по истории камчатской политической ссылки, мне приходилось распутывать самые невероятные тайные узелки причин ссылки на Камчатку тех или иных «государственных преступников», о вине которых официальные источники по разным причинам умалчивали, а из списка лиц «благородных» (в первую очередь семейных родословных книг) они были исключены. Так появились книги «Встречь солнцу», «Экипаж мятежного галиота», «Фаворит Ее Высочества», «Масонский заговор», «Командиры Охотско-Камчатского края», «Братья Государыни-Невесты»…

Но этот рассказ занимает особое место, потому что при этом своем расследовании я столкнулся с таким невероятным количеством «белых пятен» в отечественной истории, с таким количеством вопросов, на которые не нашел ответов ни в официальных источниках, ни в трудах выдающихся историков…

И вот тогда я и решил познакомить читателя именно с теми вопросами, которые появились у меня самого в результате поисков информации о своем герое и его месте в отечественной истории, и теми выводами, к которым я в итоге пришел.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Но начнем мы свое повествование не с Колычевых, а с Семевских.

И вот почему. Семевские – известные в России люди: братья Михаил и Василий Семевские были маститыми российскими историками.

Михаил Иванович Семевский, помимо всего, был издателем знаменитого, не потерявшего своей исторической актуальности до сих пор журнала «Русская старина», посвященного событиям XVIII столетия.

Как отмечается в его официальной биографии, он и сам был крупным специалистом по XVIII веку: «Его сфера интересов — история XVIII — первой половины XIX в., дворцовые перевороты, политический сыск петровской эпохи, биографии государственных деятелей XVIII в.». А также он создал цикл очерков о политическом следствии времён Петра «Слово и дело», «Императрица Екатерина I и семейство Монсов», «Сторонники царевича Алексея»…».

Правда, при этом обращалось внимание публики на одну весьма любопытную деталь: «Семевский пользовался репутацией человека, способного к этически сомнительным поступкам для того, чтобы добыть интересную рукопись…». То есть он был не просто историком – он был фанатом истории…

Для меня же Михаил Иванович Семевский открылся еще и с другой стороны – он по женской линии сам был представителем рода Колычевых и, конечно же, как и другой представитель этого рода — М. Л. Боде-Колычев, не мог, по моему мнению, пропустить ни одной интересной исторической детали, связанной и с родом бояр Колычевых, и с эпохой, которая представляла и для него самого кладезь для исследования.

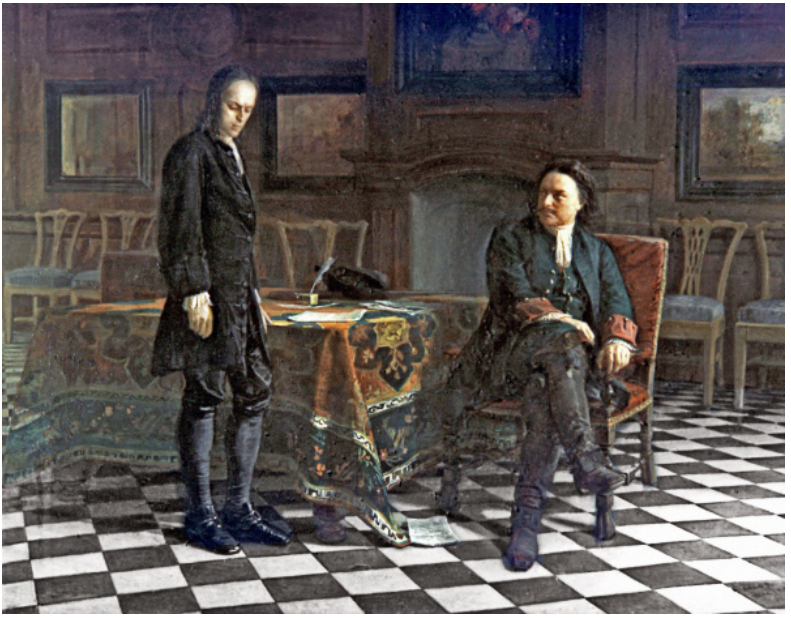

Поэтому одним из первых прочитанных мною очерков о Колычевых и событиях, связанными с делом царевича Алексея, был очерк самого Михаила Ивановича Семевского, опубликованный в журнале «Рассвет» № 1 за 1861 год, который назывался «Кормилица царевича Алексея. 1719 г.».

Нужно добавить, что Михаил Иванович был не только историком, но историком либерального толка, который направлял свои статьи против официальной истории и официальных историков, таких, например, как академик Николай Герасимович Устрялов, который издал к тому времени свой многотомный труд по истории царя Петра, один из томов которого целиком и полностью был посвящен судьбе царевича Алексея Петровича.

И на этот раз публикация Михаила Семевского преследовала всю ту же коварную цель – как можно сильнее уязвить многомудрого ученого, тем более что боготворимый М. Семевским «Колокол» Александра Герцена из лондонского далека известил своих единомышленников: «Золотые времена Петровской Руси миновали. Сам Устрялов наложил тяжелую руку на некогда боготворимого преобразователя».

Причина проста – уязвленное самолюбие: еще раньше, в 1858 году в «Колоколе» (не без участия, как подозревают, все того же Михаила Семевского) было опубликовано письмо, которое сам академик оценил как подложное, о тайном убийстве царевича Алексея (у Н. Г. Устрялова была другая версия, основанная на документах, к которым он имел допуск: царевич уже после объявления приговора был снова пытан и умер под пытками).

Петр I допрашивает царевича Алексея Петровича в Петергофе. Художник Николай Ге

В своем очерке Михаил Иванович Семевский касается темы, имеющей для нашего рассказа исключительное по важности значение, — детского окружения царевича.

Отталкивается он от суждений Устрялова: «До девяти лет царевич Алексей, старший сын Петра Великого, находился под надзором матери, косневшей в предрассудках старины и ненавидевшей все, что нравилось Петру. Окружавшие его родственники с матерней стороны, Лопухины, также, без сомнения, оставили самое невыгодное впечатление в уме слабого отрока…».

Такой приговор делает г. Устрялов над лицами, окружавшими отрока Алексея; подобные же приговоры делали и предшествовавшие ему историки, и во всех случаях приговор этот, быть может, справедливый, тем не менее, голословен. Никто, ни даже почтенный автор «Истории царствования Петра Великого», не взял на себя труда остановиться с надлежащим вниманием над личностями, окружавшими царевича, сколь возможно ближе познакомиться с характером матери-царицы, ее свойственников и свойственниц, наконец, с первыми приставниками и приставницами наследника престола.

Если бы оживились пред нами мамушки, нянюшки, дядьки и учителя царевича, с их предрассудками, с их образом жизни, с их отношениями к своему питомцу и его отцу, для нас сделался бы совершенно понятным весь процесс развития царевича, мы бы ясно и отчетливо видели его во все возрасты Алексея».

И в этом очерке Михаила Семевского, который назывался «Кормилица царевича Алексея. 1719 г.», автор рассказывает о «мамке» царевича и ее муже… Василии Ивановиче Колычеве.

И, конечно же, это было для меня просто фантастическим открытием.

Читаю: «В VI томе «Истории царствования Петра Великого» г. Устрялова помещены драгоценные сведения о событиях последних годов злополучной жизни царевича. Но в этом сборнике материалов вы тщетно будете искать подробных и обстоятельных сведений об отрочестве и юношестве царевича, не найдете и тех характеристик,

о которых мы говорили. Вообще первые страницы в жизни Алексея имеют множество пробелов…

Для замещения их новейший исследователь должен тщательно пересмотреть длинный ряд дел, возникших вследствие суда 1718 года. Эти дела возникали нередко в отдаленнейших углах России, по самым разнообразным причинам; вершились они в стенах Тайной Канцелярии, при чем особенное значение придавали им имена Алексея либо его матери Авдотьи, либо наконец кого-нибудь из важнейших лиц, замешанных в их суде и осуждении. Одно из таких дел, отысканное нами в картонах Тайной Канцелярии петровского времени (Госуд. Арх. При Мин. Иностр. Дел. Дело по бл. реестру XX, д. 52, л. 1-94), впервые выдвигает кормилицу Алексея — личность, вовсе ускользнувшую от внимания г. Устрялова. Нельзя сказать, что найденные нами документы вполне оживляли матушку царевича, близко знакомили с ее характером, ее умом, наконец, тем влиянием, какое могла она иметь на своего питомца, мы не знаем даже, как рано оставила она Алексея; но взамен из тех же документов мы узнаем о последующих отношениях Алексея к мамушке, находим новые светлые черты в его характере, наконец узнаем факты, не бесполезные при знакомстве с любопытною эпохой…

Царевич родился 18 февраля 1690 года. Отец, мать и бабушка, царица Наталья Кириловна, — все были обрадованы рождением Алешиньки. Его окружали самые нежные ласки и заботы; бабушка особенно полюбила внучка и с рук на руки передала его избранной кормилице. То была Марфа Афанасьевна, жена Вас. Ив. Колычова.

Василий Иванович принадлежал к одной из старинных дворянских фамилий; многие из предков его были лицами именитыми в XV, XVI и XVII веках, при дворе великих князей и царей московских; а один из них, Федор Степанович, в иноках Филипп, митрополит российский, приял мученический венец при царе Иване Грозном и причтен к лику святых («Росс. Род. Сборник» Кн. П. В. Долгорукова 1857 г. Ч. IV. Стр. 136–144). При такой славной генеалогии Василий Иванович имел много род-

ственников, владевших людьми и землями, был сам помещик зажиточный и имел связи при дворе обеих цариц. Брат его жены, Иван Афанасьевич, был ключарем Благовещенского Московского собора и пользовался расположением набожных цариц. Нет сомнения, что при его посредстве и при помощи других связей Колычова состоялся выбор Марфы Афанасьевны в кормилицы.

Впрочем, выбор был удачен. Марфа Афанасьевна снискала любовь малютки; ее полюбили царицы, был милостив к ней и сам государь. При отпуске своем кормилица между прочими наградами получила «по указу» несколько лавок, доход с которых был настолько достаточен, что она купила впоследствии деревню близ Арзамаса».

А за что же тогда сослали на Камчатку Василия Ивановича Колычева?

Где та тайна заговора в деле царевича Алексея, подробности которой, по мнению Михаила Ивановича, ускользнули от академика Устрялова: «Чем меньше обращал на него внимания отец, тем более и более замыкался он (царевич Алексей – С. В.) в кружке своих знакомых, тем охотнее доверялся им… Какую же роль играла в числе их Марфа Афанасьевна?

Нет сомнения, что кормилица не брала на себя многого: она искренно и горячо любила царевича: навещала, просила его милости к себе и своим домашним делам, интересовалась его жизнью; но никогда не пускалась в рассуждения об отношениях его к отцу, о действиях монарха, не хулила, не заявляла желаний, чтоб вскормленник ее взошел скорей на родительский престол и т. п. Отчего происходила такая скромность со стороны кормилицы? Страшилась ли она доноса, рокового извета, известного под именем слова и дела? Или, вернее, царевич, любя ее, в то же время не находил нужным говорить кормилице то, что говорил зачастую, под шумок пирушки, своим приятелям, А. Кикину, Эварлакову, Дубровскому, дяде Аврааму Лопухину и друг.

Как бы то ни было, но кормилица не была причастна толком «о том, как худо настоящее при батюшке, и

как хорошо оно будет, если, волею Божиею, воцарится Алексей Петрович». Невинность ее совершенно подтвердилась страшными розысками 1718 г. в Москве, в Суздале и в Петербурге. Ни один из сотни оговоренных лиц не оговорил, в свою очередь, ни кормилицы, ни ее мужа; а нечего сомневаться, что ужасы пытки, исторгавшие из уст допрашиваемых признания в словах, Бог знает, когда и где сказанных, исторгли бы у кого-нибудь обвинение кормилицы, если бы только она в чем-нибудь была виновата. Вся вина ее состояла в той любви и в том добром внимании, которыми никогда ее не оставлял царевич…».

Стоп. Что-то здесь явно не сходится. Судя по другим источникам, Василий Колычев был участником каких-то событий. Если мы внимательно прочитаем книги Николая Павленко о царе Петре и его сыне, то выясняется, что следствием было кое-что установлено в отношении ближайшего окружения царевича: стали известны, например, прозвища, в том числе и Василия Колычева (правда, прозвища Колычева в разных книгах Н. Павленко тоже почему-то разные): «Почти все лица, входившие в окружение царевича, носили особые прозвища, клички, смысл и происхождение которых не всегда понятны. Так, Алексей Нарышкин имел прозвище Сатана, другого, Василия, называли Благодетелем, третьего, Андрея, — Адамом, Ивана — Молохом. (Надо полагать, во всех этих случаях в кличках отразились какие-то черты характера.) Муж кормилицы царевича Василий Колычев именовался Жирондой (в другой же книге Н. Павленко пишет, что кличка Колычева была Ад, а Жирондой (Живондой) называли Еварлакова), протопоп Алексей — Грачом (видимо, из-за некоторого сходства с птицей), подьячий Федор Еварлаков — Засыпкой».

Впоследствии помощник П. А. Толстого по Тайной канцелярии А. И. Ушаков попытался обнаружить в прозвищах членов «компании» конспиративную подоплеку: «…что теми званиями для закрытия писаны некоторых людей, которые в тех письмах подлинные имена и прозвища таили».

Портрет царевича Алексея, сына Петра I, отца Петра II. Художник Кристоф Бернард Франке

Но Ушаков в данном случае ошибался. Прозвища, скорее всего, имели бытовое значение. Члены «компании» и даже сам царевич крайне редко зашифровывали письма — мне известны лишь два таких случая. Подавляющее большинство писем не содержало тайной информации или тайных поручений. Наконец, еще одно противопоказание догадке Ушакова — царевич употреблял прозвища наряду с подлинными фамилиями. Так, 11 марта 1707 года, находясь в Жолкве, он велел пригласить на празднование дня Похвалы Богородицы Благодетеля, Михаила Григорьевича, Василия Ивановича, Федора Борисовича и Грача».

Но теперь вернемся к той тайне, которую попытался раскрыть Михаил Семевский, — о предмете сыска 1719 года, открывшего для истории имя «мамки» царевича и ее мужа.

Это были многочисленные кратенькие письма царевича Алексея к Колычевым. Но в них ничего секретного не было – поздравление мамушки и ее мужа с рождением сына Николая (в 1707 году, хотя у барона Боде сообщается только о рождении у четы Колычевых дочери Анны в 1709 г., вероятно, Николай умер в раннем детстве – С. В.) или радостное сообщение в октябре 1715 года о рождении сына у самого царевича («Сего месяца в 12 день, перед светом, родился у меня сын, которому дано имя Петр»)…

«Радовалась кормилица, служила молебны за здравие новорожденного и дорогого царевича и, разумеется, — пишет М. Семевский, — не предчувствовала, что над головой ее питомца уже скопляются грозные тучи, что еще 11 октября 1715 года (за день до рождения Петра Алексеевича — С. В.) было составлено государем длинное письмо к сыну, наполненное упреками за нерадение о войне и угрозами лишить наследства, вследствие упорства.

22 октября царевич потерял жену, скончавшуюся после тяжкой болезни, и с этой потери начинается та страшная драма между отцом и сыном, которая привела к столь кровавому окончанию. Весь ход этой драмы как

нельзя лучше виден из книги г. Устрялова, и мы не станем повторять известных фактов».

А жаль. Мы надеялись на то, что тайный корреспондент революционно-демократического «Колокола» сообщит нам о трагедии царевича Алексея нечто сенсационное в противовес консервативному академику Н. Г. Устрялову. Ведь дело царевича Алексея и безжалостная расправа с ним царя Петра — до сих пор еще загадка российской истории. Да и сам М. Семевский позволяет себе постоянно напоминать в своем очерке читателю о каких-то известных ему «оговариваниях»: «Любезный вскормленник ни в одном из своих смутных и сбивчивых оговариваний, ни одним словом, ни одним намеком не указал на Марфу Афанасьевну, и она со слезами грусти и сердечной признательности могла на свободе оплакать кончину дорогого ей питомца.

Он испустил дух в Петербурге, в одном из казематов Петропавловской крепости, 26 июня 1718 года».

А дело самой кормилицы, о котором пишет М. Семевский, появилось только в 1719 году: «У нее завелась тяжба с зятем своим, Алексеем Львовым, сутягой искусным и пронырливым». В итоге стало известно о хранящихся у Марфы Афанасьевны письмах царевича, началось следствие, которое для нее самой закончилось благополучно («…найденные письма Алексея Петровича слишком невинны»), а преображенского солдата Алексея Львова под конвоем отправили в Петербург».

А дальше пошло о Львове:

«Чем кончилось дело для Львова <…> из дел не видно.

<…> Столь опытный и искусный судья, каким был Ушаков (один из членов Тайной Канцелярии по делу о царевиче Алексее – С. В.), не мог ошибиться, и он сразу нашел во Львове настоящего преступника.

<…> Довелось ли Львову изведать тяжесть розыска при петербургском допросе, либо просто отделался он нещадным штрафованием батожьем, мы не доискались».

Ушаков, по Семевскому, не мог ошибиться – следовательно, «он сразу нашел» и в царевиче Алексее «насто-

ящего преступника». Но где же здесь сенсация? В свое время этот факт подтвердили 124 высших царских сановника, в том числе и двое по фамилии Колычев, но и по сей день ни один из историков, изучающий «Дело царевича Алексея», не нашел ни одного аргумента, доказывающего некую истинную виновность царевича.

Правда, известно сегодня другое – как (против всех правил сыска!) пытали царевича Алексея, заставляя оговаривать и себя, и других, подписывать заранее подготовленные бумаги, и, в конце концов, довели (извели) его до смерти…

Ошибался сам Михаил Семевский.

И не в том, что Марфа Афанасьевна Колычева (вдова Прохора Булыгина, сестра Ивана Афанасьевича Чириква — ключаря Благовещенского Московского собора) была ни в чем не виновна, а муж кормилицы — Василий Иванович Колычев-Хлызнев вообще умер в 1709 году (тоже странность — эту дату мы даем по сообщению царю самой Марфы Афанасьевны, опубликованном в историческом исследовании М. Л. Боде, а судя по письмам царевича Алексея, Василий Иванович был жив еще и в 1716 году, и царевич интересовался, кто у них родился – сын или дочь?).

Вот что мы находим в летописи рода бояр Колычевых у М. Л. Боде-Колычева об этом Львове: «Лета 1706 г. марта в 7 день стольник Василий Иванович Колычев сговорил я сестру свою родную девицу Агафью Ивановну за жильца Алексея Ивановича Львова… (далее перечисляется очень богатое приданое невесты)».

«Жилец» — не простой преображенский солдат, как пишет М. Семевский, а флигель-адъютант генерал-фельдмаршала Александра Даниловича Меншикова. Поэтому слухи о его аресте в 1719 году, вероятнее всего, сильно преувеличены...

Впрочем, это далеко не единственная «ошибка» Михаила Ивановича Семевского, с которой мы столкнулись в результате изучения некоторых из его работ.

Помимо исторических «расследований» Михаил Иванович «баловался» еще и генеалогией.

В частности, он является одним из разработчиков генеалогии известного рода князей Оболенских-Лыковых, с представителями рода которых нам не раз еще придется встретиться на страницах этой книги.

В данном случае нас интересует завершающая часть его труда: род князей Лыковых, как и род бояр Колычевых и даже самих царей Романовых, угасает в XVIII–XIX веках.

Вот последнее, XXIV, колено знаменитого когда-то рода в изложении Михаила Семевского:

«Кж. Прасковья Алексеевна, за боярином Иваном Кирилловичем НАРЫШКИНЫМ, р. 1658, † 17 мая 1683 (она была мамкою у Царевича Алексея Петровича)».

Обращает на себя внимание какая-то нарочитая небрежность в этой записи.

Во-первых, Иван Кириллович Нарышкин погиб во время знаменитого Стрелецкого бунта 17 мая 1682, а не 1683 года.

Иван Кириллович Нарышкин

Во-вторых, общеизвестно, что Прасковья Лыкова после смерти первого мужа вышла второй раз замуж – за некоего безымянного (так во многих документах)… Колычева.

Почему же Семевский в своем генеалогическом изыскании выбрасывает это имя из истории?

Мы понимаем причину исчезновения имени Колычева из официальных документов: государственных преступников (если таковым был в действительности и Василий Колычев) лишали дворянства и исключали из всех родовых списков. Именно поэтому нет имени мужа Колычева ни в одной родословной книге.

Но в некоторых из них хотя бы фамилия сохранялась.

А Михаил Иванович Семевский работал над специальным очерком, посвященном мамкам царевича Алексея, и неожиданно прошел мимо еще одной – может быть, даже самой важной из всех тех мамок, которые окружали царевича, той, что была из семьи Нарышкиных, – вдовы старшего брата вдовствующей царицы Натальи Кирилловны, княжны Прасковьи Алексеевны Оболенской-Лыковой.

Конечно же, мы не могли не заинтересоваться вопросом о том, как звали мужа еще одной мамки царевича Алексея Петровича Романова — Прасковьи Алексеевны Колычевой?

И ответ оказался на удивление прост: его звали… Василием Ивановичем.

Почему же историк М. И. Семевский этого не заметил?

Разгадка, возможно, проста, если вспомнить ту удивительную черту характера Михаила Ивановича Семевского, на которую обращали внимание его современники, — способность «к этически сомнительным поступкам».

Я нашел вероятную разгадку этого «феномена», прочитав статью «Имение это останется в роде Семевских…» историков О. Б. Кох и Н. В. Пархомик.

Дело в том, что в семье Семевских издавна культивировалась мысль об их благородном происхождении.

Но при этом Семевские безуспешно и неоднократно пытались доказать, что издревле пользовались всеми пра-

вами польского шляхетства и вели свое начало от рыцаря Лещица, который «за похвальные и мужественные услуги» получил герб. По другой версии, герб, которым был пожалован род Семевских, происходил от наследников польских королей Лешков. Но документально подтвердить свое древнее происхождение они не могли. «О предке и деде моем, — писал отец известных историков Иван Егорович в 1850-е гг. в заметках о семье, составленных по просьбе сына Михаила, — ничего мне не известно, ибо нет никаких документов, но из черновой выписи из депутатских дворянских собраний видно, что Иван Семевский, дед мой, белорусский дворянин Невельского уезда».

На самом деле они были не из благородных: «Михаил Иванович, предприняв в молодости попытку собрать историю рода, проследил по переписным книгам фамилию Семевских, которая встречается неоднократно и уходит вглубь к 1646 г. Все многочисленные Семевские были посадскими людьми города Торопца. Не потому ли, что добыть неопровержимых доказательств о древности рода было невозможно, или их не было вовсе, Михаил Иванович оставил свое сочинение; равно комитет по Герольдии после по крайней мере трех разбирательств дела (1810, 1813 и 1842 гг.) счел возможным записать Семевских не в шестую часть родословной книги (т. е. древние дворянские благородные роды, предки которых владели дворянскими имениями ранее 1685 г.), а только во вторую часть (по военным чинам и орденам) — за награду Ивану Федоровичу (тому самому белорусскому дворянину Невельского уезда, о котором писал Иван Егорович своему сыну Михаилу — С. В.).

А затем последовала и вторая неудача: «В 1806 г. «отозвав доли откупа», как вспоминал Иван Егорович, отец его корнет Кинбурнского драгунского полка, женившись на Екатерине Ивановне, дочери губернского землемера коллежского асессора Ивана Петровича Колычева, вторым браком, «переехал на постоянное жительство в деревню» и жил там 20 лет до своей смерти».

Иван Егорович, отец знаменитых российских историков Василия и Михаила Ивановичей Семевских, был

пасынком Екатерины Ивановны Колычевой. Так что и здесь похвастать было нечем. И у Михаила Ивановича Семевского, возможно, была внутренняя причина испытывать некую неприязнь к роду Колычевых.

А иначе я никак не могу объяснить причину того, почему, проводя генеалогические расследования, Михаил Иванович прошел мимо очевидного факта: мимо второго брака княжны Прасковьи Алексеевны Лыковой-Оболенской.

Может быть, эта особа была просто неинтересной для исследователя?

Отчего же?

Родная тетя Прасковьи Алексеевны – Мария Алексеевна Лыкова-Оболенская – была женой Семена Лукьяновича Стрешнева, родная сестра которого была женой царя Михаила Федоровича Романова. А 1 октября 1674 года теперь уже сама Прасковья Алексеевна выходит замуж за старшего брата Натальи Кирилловны Нарышкиной – жены царя Алексея Михайловича, матери царя Петра I – Ивана Кирилловича.

Нелишним будет привести обширную цитату из «Русского биографического словаря» о причинах смерти И. К. Нарышкина:

«Нарышкин, Иван Кириллович, боярин, старший брат царицы Натальи Кирилловны, родился в 1658 г.; имени его в разрядных записях не встречается до 1-го сентября 1674 г., когда он является уже стольником и «ближним человеком». Женили его очень рано: уже 1-го октября 1674 г. жена его, Прасковья Алексеевна, урожденная княжна Лыкова, обедала у царицы Натальи Кирилловны в Золотой Палате.

После кончины царя Алексея Михайловича и вступления на престол Феодора Алексеевича Нарышкины потеряли значение, и первенствующее место заняли Милославские, родственники молодого царя по его матери, царице Марье Ильинишне. Вскоре лекарь Давыд Берлов донес на Ивана Кирилловича, будто бы последний подговаривал своего «держальника Ивана Орла» убить царя; вследствие этого доноса Иван Кириллович был сослан в

Рязань, где повелено было ему быть за пристава. Неизвестно, когда именно Иван Кириллович возвращен из ссылки, но в день похорон царя Феодора Алексеевича он был в Москве.

7-го мая 1682 г., после расправы со стрелецкими полковниками, был торжественный выход царя Петра Алексеевича в кремлевские Соборы, а затем розданы разные награды родственникам и сторонникам Нарышкиных, Иван Кириллович был пожалован боярином и оружничим, и это возбудило зависть и недовольство среди бояр. Неделю спустя, 15-го мая, Милославский и Толстой проскакали по стрелецким слободам и звали стрельцов в Кремль на службу, крича, что Нарышкины задушили царевича Иоанна Алексеевича. Стрельцы ударили в набат, забили в барабаны и двинулись ко дворцу с знаменами и пушками. Когда царица, вместе с патриархом и боярами, вывела Петра и Иоанна Алексеевичей на Красное крыльцо, толпа стихла. Недруги Нарышкиных поняли, что если пропустить эту решительную минуту, то стрельцы увидят обман, и тогда им несдобровать. Стали кричать, что Иван Нарышкин примеривал корону и разные царские украшения; что хотя царевич Иоанн жив, но ему грозит опасность. Стрельцы рассвирепели. Они убили Матвеева, кн. Долгорукого и стольника Ф. П. Салтыкова, которого приняли за одного из Нарышкиных. Не миновал той же участи и брат царицы Афанасий Кириллович, спрятавшийся в сенной церкви Воскресения под престолом и выданный карликом. На следующее утро стрельцы снова явились с требованием выдачи Ивана Кирилловича. В этот день Иван Кириллович со своим отцом, с младшими своими братьями и с сыном Матвеева укрывались сначала в комнатах маленькой царевны Натальи Алексеевны, а затем в дальних покоях царицы Марфы Матвеевны, вдовы Феодора Алексеевича. 17-го мая стрельцы стали грозить, что если Иван Кириллович не будет им выдан, то они перебьют всех бояр. У царицы Наталии Кирилловны не было опоры, не было советника. Бояре растерялись и смотрели на выдачу Ивана Кирилловича стрельцам,

как на выкуп собственной жизни. Пришлось покориться. Иван Кириллович был отведен в церковь Спаса за Золотой решеткой; там он исповедывался, приобщился Св. Таин и соборовался. Иван Кириллович мужественно приготовился к мученической кончине. «Смерти я не боюсь, — сказал он царевне, — желаю только, чтобы моей невинной кровью прекратилось кровопролитие». Когда он вышел из церкви, стрельцы накинулись на него с криками и бранью и повели пытать в Константиновский застенок как государственного изменника, посягавшего на жизнь Иоанна Алексеевича. Иван Кириллович вынес все пытки, не проронив ни слова. Его вытащили из застенка на Красную площадь и рассекли на части. После него пытали и умертвили доктора Гадена, придворного врача царя Феодора Алексеевича. Это были последние убийства. Стрельцы как будто исполнили свой долг и отправились с Красной площади в Кремль ко дворцу с выражениями преданности царевому семейству».

Стрельцы выволакивают из дворца Ивана Нарышкина. Художник А. Корзухин

Тем более интересно для исследователя, как сложилась дальнейшая судьба Прасковьи Алексеевны Нарышкиной после этих трагических событий, кто и почему стал ее последующим избранником. В царской семье, как мы понимаем, это не мог быть человек посторонний, тем более случайный…

Интригует и тот факт, что в других родословных книгах второй муж Прасковьи Алексеевны подчеркнуто именуется без имени-отчества. Генеалоги как бы открещиваются от самого факта его существования – он какой-то генеалогический изгой.

Но невозможно сохранить такую тайну – она все равно просочится, тем более что речь идет не о каких-то «посадских из Торопца», а о представителях самых древних боярских родов, к которым относились и Колычевы, будучи однородцами самих царей Романовых, с которыми их связывала не только родовая кровь, но и кровь, пролитая в борьбе друг с другом на протяжении многих столетий….

И не в этом ли главный секрет тайны, связанной с камчатской ссылкой Василия Ивановича Колычева?

Ведь знал же Михаил Иванович Семевский, что Прасковья Алексеевна также была мамкой царевича Алексея, – об этом у него же самого и написано в его исследовании рода Лыковых.

Не мог не знать он и о том, что вторым мужем Прасковьи Алексеевны был некий Колычев (факт общеизвестный в то время, как и сейчас).

И не мог он, изучая петровскую эпоху и преступления, связанные с убийством царевича Алексея Петровича, не знать того, что прекрасно знали его современники.

Например, то, о чем писал историк М. П. Погодин и что ввело впоследствии в заблуждение писателя Н. И. Павленко — о том, какое прозвище на самом деле носил Василий Колычев в дружеской обстановке.

Но сначала небольшая ремарка от М. Погодина («Собрание документов по делу царевича Алексея Петровича, вновь найденных Г. В. Есиповым»): «…около Царевича, с самых молодых его лет, находилось несколько лиц,

составлявших какое-то особое дружеское общество; они имели свои виды и действовали сообща, в отдалении от прочих, наблюдая разные предосторожности: говорили между собою, а иногда и переписывались, языком условным, употребляли тайные азбуки.

Вот эти лица:

Василий Григорьевич, Андрей Федорович, Алексей Иванович, Иван Нарышкины. Из них Алексея Ивановича мы видим по прежним документам при Царевиче еще в 1702 г. Вероятно, все они поступили к Царевичу по родству их с матерью Петровой, Натальей Кириловной Нарышкиной.

Никифор Кондратьевич Вяземский, учитель и надзиратель Царевича с детства.

Василий Иванович Колычов, муж кормилицы Царевича.

Федор Васильевич Еварлаков, принадлежавший к домовому управлению Царевича».

Перед нами «СЛЕДСТВЕННОЕ ДЕЛО ОБ АЛЕКСЕЕ НАРЫШКИНЕ» — то самое, в котором впервые упоминаются действующие лица из числа ближайшего окружения царевича Алексея Петровича. Это дело начато (как и дело о Кормилице) уже после смерти царевича Алексея, и я полагаю, что фабрикация (!) этих дел нужна была для отвлечения общественности от главного — подлого убийства царем-отцом своего сына — законного наследника русского престола, которому царь и его поганая свора боялись вверить верховную власть и верховный суд в России.

Разыгрывалась комедия с цифирными письмами, которыми играли в детстве мальчишки, окружавшие царевича, – Нарышкины, самые ближайшие из ближайших родственников царевича: «А по разбору и осмотру оных между прочими явились письма, писанные от Царевича, блаженныя памяти Алексея Петровича, к бывшему его Духовнику, помянутому разстриге Якову, в которых написаны звания, а именно: Сатана, Ад, Жибанда, Бритый, Засылка, или Засыпка, Захлюста, Акули-

ша, Благодетель, Грач, Тезиков, Отец Июда, Петр Ивла, Леонид.

Нарышкин о тех званиях спрашиван же и сказал: Как, де, он, Нарышкин, был при нем, Царевиче, и в ту его бытность назывались Сатаною Андрей Нарышкин, Адом Василий Колычев, Жибанда Федор Еварлаков, Засыпкою он, Алексей Нарышкин, Благодетелем Василий Григорьев сын Нарышкин, а Ивана, де, Нарышкина называли Монахом, Грачем протопоп Алексей, а оные звания были у них за домовную издевку; а что, де, написано: Бритой, Захлюста, Акулина, Тезиков, отец Июда, Петр Ивла, Леонид, и такие, де, звания кому написаны, не упомнит».

В достоверности показания Алексея Нарышкина усомнились не следователи. Усомнился историк. Вообще это как-то принято уже в научном мире, что ученый нередко предполагает, что он сам знает больше очевидцев и разбирается в ситуации глубже, чем свидетели. Ученые, и это бывает нередко, поправляют тексты, исправляют исторические «ошибки», меняют показания…

Сказал же, будучи в ясной памяти, Алексей Нарышкин, что прозвищем (или кличкой) Василия Колычева было Ад.

Нет, будучи «под парами» статьи Михаила Семевского, Михаил Погодин пишет, «ничтоже не сумняшеся»: «Прозвание Ада, часто встречающееся в письмах Царевича, по свидетельству г. Есипова, на основании показаний Алексея Нарышкина, принадлежит мужу кормилицы, Марфы Афанасьевны, Василию Ивановичу Колычеву. Это не может быть; ибо брат Ад женился в конце 1708 года. См. письмо Царевича из Кракова, Января 28 1710 г., к духовнику: «Пожалуй, отпиши, как Ада брата жену зовут и какого рода, понеже в письме твоем не объявлено о сем». В другом письме, Февраля 19: «К брату Аду не писал ныне за тем, что не имею от него жданного известия о соплетении его» и проч. Жена же Василия Ивановича Колычева была жива еще в 1716 году, и к ней есть письмо Царевича с известием о рождении сына Петра. Нарышкин, вероятно, ошибся».

Вот так – ошибся Нарышкин. А не историки – Семевский и Погодин вместе взятые.

Как видим из следственных материалов, Василий Иванович Колычев входил в самый ближний круг друзей царевича наряду с Нарышкиными. И это было в пору детства и юности Алексея Петровича – в более поздние годы, судя по материалам следствия, они уже даже не встречались. И, конечно, весьма странно, что муж кормилицы Марфы Афанасьевны, будучи в возрасте, играл такую роль в детском сообществе царевича.

Напомним, что у царского наследника Алексея Петровича была не одна кормилица, как думал, вероятно, Михаил Иванович Семевский, а целый штат «мамок», у каждой из которых был свой муж, а у каждого из этих мужей — своя должность на государевой службе.

Вполне возможно, что одну из своих мамок-нянек царевич любил больше всех, но это вовсе не наводит на мысль, что ее муж обязательно участвовал в детских играх.

Все опять же гораздо проще.

Василий Иванович Колычев был не только мужем мамки царевича (бывшей уже к тому времени мамки, так как ее воспитаннику в 1710 году было уже двадцать лет), но он был еще и сыном мамки… царя Петра. Вот почему с самого детства Вася Колычев входил в самый ближний круг семьи Нарышкиных и Романовых и был здесь своим человеком. За что впоследствии и поплатился свободой. Впрочем, не он один.

Раскроем тайну, которой никогда не существовало. Из тех же документов, которыми пользовались и российские генеалоги XIX века, мы извлекаем информацию, которая поможет нам разобраться в ситуации, созданной историками М. П. Погодиным и М. И. Семевским в отношении нашего героя: его матерью была «мамка» будущего царя Петра Алексеевича Романова, княгиня Мавра Григорьевна Долгорукова, жена Ивана Михайловича Колычева, чашника царя Алексея Михайловича, воеводы города Вологда.

Вот именно по этой причине, являясь сыном «мамки» царя Петра, Василий Иванович Колычев с самого детства был вместе с мальчишками Нарышкиными в одной дру-

жеской компании с царевичем Алексеем Петровичем и гораздо позже, во время следственных действий по делу Алексея Нарышкина, в качестве одного из самых ближайших друзей царевича, он был внесен в реестр подозреваемых, будучи, помимо всего, еще и мужем «мамки» Алексея Петровича.

Конечно, историкам трудно было в этом случае предположить, что по данному делу будут проходить два Василия Ивановича Колычева, два мужа «мамок» царевичей, к каждому из которых в отдельности Алексей Петрович питал самые нежные чувства…

Но, тем не менее, основательно запутав общественность и писателей-историков, таких, как Николай Павленко, Михаил Иванович Семевский и Михаил Петрович Погодин на долгие годы закрыли в истории доступ к теме судьбы камчатского ссыльного Василия Ивановича Колычева…

ГЛАВА ВТОРАЯ

Может быть, я не прав, упрекая сегодня двух маститых российских историков в совершении ими грубой исторической ошибки в отношении какого-то там камчатского ссыльного, дальнейшая судьба которого к тому же совершенно неизвестна – он не появился больше в высшем свете, и на Камчатке его следов мы тоже пока обнаружить не можем, сгинул куда-то….

Собственно, и по самому делу, по которому он был определен в ссылку на Камчатку, мы практически ничего не знаем. У академика Н. Устрялова, который посвятил судьбе царевича Алексея отдельный том в своей «Истории Петра I», ни слова о Колычеве и Нарышкиных, которых связывала общая дружба с царевичем.

Историческое эхо доносит информацию о том, что Нарышкины пострадали по этому делу, но более конкретной информации, чем та, что находилась в материалах, собранных г. Есиповым, нам обнаружить пока не удалось.

Но мы знаем другое.

И это — другое — позволяет нам увидеть далекие события, происходящие в Северной Пальмире, в несколько ином свете, наполняя их новым содержанием.

Начнем с того, что Василий Иванович Колычев не был единственным ребенком в семье княгини Мавры Григорьевны Долгоруковой и вологодского воеводы Ивана Михайловича Колычева.

У него было два брата — Григорий и Иван — и сестра Екатерина.

Екатерина Ивановна Колычева вышла замуж за Михаила Ивановича Приклонского, брат которого – Василий Иванович Приклонский – был женат на Ульяне Юрьевне

Есиповой. Кто еще не догадался, напоминаем, что дочерью последних была Лукерья Васильевна Приклонская, а ее мужем полковник Василий Иванович Чичерин, дочь которых – Ольга Васильевна Чичерина вышла замуж за подполковника Льва Александровича Пушкина, сыном которых был Сергей Львович Пушкин, а внуком – Александр Сергеевич Пушкин.

У Екатерины Ивановны Колычевой и стольника Михаила Ивановича Приклонского было двое сыновей – Петр Михайлович и Иван Михайлович Приклонские.

Потомком полковника Петра Михайловича Приклонского является патриарх всея Руси Алексий I (Сергей Владимирович Симанский), известный как «патриарх Победы», возродивший Московский патриархат во времена правления И. В. Сталина.

И это был уже не первый случай, когда представитель боярского рода Колычевых занимал высшую ступеньку в иерархии русской православной церкви.

Первым (а по версии М. Л. Боде-Колычева — вторым) был Святитель Филипп (Федор Степанович Колычев), митрополит Московский и всея Руси, обличитель Опричнины Ивана Грозного, погибший от рук палачей.

Мало кто знает сегодня, что идеологом Опричнины выступали бояре Захарьины, от которых произошел род царей Романовых. А одной из самых многочисленных жертв Опричнины были бояре Колычевы, которые были с этими боярами Захарьиными ОДНОРОДЦАМИ, то есть происходили от одного общего предка.

Кто был этим предком, ученые гадают и по сей день.

Например, известный специалист по истории русского средневековья А. А. Зимин считал, что боярский род Кобылиных (потомков боярина Андрея Кобылы) – один из древнейших русских родов (переславльского либо костромского происхождения), благодаря которому Владимиро-Суздальское княжество превратилось в Московское государство.

Но сами потомки Кобылы со времен Петра I придерживались диаметрально противоположного мнения – они считали себя потомками древнего прусского коро-

ля Видевута (сыновьями князя Гланда Камбила, внуками некоего князя Дивона), которые после безуспешного противостояния «крыжакам» — крестоносцам агрессивного Тевтонского ордена — вынуждены были покинуть свою историческую родину и в числе других славян-пруссов эмигрировать в Новгород, влившись затем в число ближней (боярской) дружины великого князя Ивана Калиты и Симеона Гордого, став впоследствии ближними боярами великого князя Дмитрия Донского.

Таких случаев в русской истории было немало – например, православные потомки Гедимина (великого князя Литовского), преследуемые «латинянами»-католиками на родине, также эмигрировали в Московию и поступали на службу к великому князю Московскому, не только становясь его ближними боярами, но и роднясь с великим князем, как это было с князьями Патрикеевыми (родоначальниками князей Голицыных и Куракиных).

Вполне вероятно, что семейная легенда потомков Кобылы имела под собой место (и князь Курбский говорит об этом в своих известных письмах к Ивану Грозному) – иначе трудно объяснить историкам причины, почему представители именно этого рода в течение нескольких столетий сталкивались друг с другом в кровавой схватке за право обладания российским троном.

И это происходило не только во времена Опричнины, но и задолго до нее.

Авторитет представителей рода Кобылиных в великокняжеском окружении Дмитрия Донского был не просто велик – он был подавляющим. Кобылины входили в состав регентского совета, будучи душеприказчиками великого князя.

Первые упоминания об исторической роли Кобылиных относятся ко времени княжения Симеона Гордого (1347 год), когда московский боярин Андрей Кобыла должен был решить непростую задачу, являвшуюся для будущего Московского государства определяющей.

Еще во времена Ивана Калиты великий князь Тверской Александр Михайлович трагически погиб в Орде,

якобы из-за интриг московского князя, желавшего присоединить тверские земли к московским.

И вот теперь Симеон Гордый посылает посольство во враждебную Тверь, чтобы добиться руки дочери покойного великого князя Тверского Марии Александровны и закрепить династический брак, для чего он даже расторгает, несмотря на протесты церкви, свой предыдущий брак со смоленской княжной, отец которой уже был на службе у великого князя Московского и потому не представлял из себя никакой «территориальной» ценности.

Этот брак закончился ничем — княжичи, рожденные от тверской княжны, умерли, не оставив потомства. Обращает на себя внимание только одна деталь: лишившись сыновей, незадолго до собственной смерти, Симеон Гордый составляет духовную грамоту, в которой завещает весь свой удел, включающий такие важные города, как Коломна и Можайск, а также треть доходов с Москвы и множество сел, во вдовий – ОПРИЧНЫЙ – удел… «Это беспрецедентное завещание в обход братьев не находит объяснения среди историков», — пишут сами историки. Но факт имел место быть…

И, как нередко бывает, что-то, только на первый взгляд случайное имеет особенность проявляться заново. И мы еще столкнемся с подобным «вдовьим уделом» — опричниной — когда вернемся ко временам Ивана Грозного.

Говорят, что одной из главных причин превращения захудалого северного Владимиро-Суздальского княжества в мощное Московское государство было земледелие, которое не только щедро кормило население княжества, но и, главное, позволяло не только сытно и безбедно жить, но и сократить до минимума неизбежную в те времена детскую смертность, создавая небывалый людской ресурс, который позволял активно расширять границы княжества для новых земледельческих территорий.

На Русский Север и в Сибирь русские люди отправлялись за бесценными богатствами той поры – за пушниной. А вот в южные от Москвы районы они шли за пло-

дородной землей, расширяя свои владения и закрепляя на них свои права.

И семья Андрея Кобылы не была исключением из этого правила — только сыновей у него было пятеро. И от четверых из них пошли свои фамильные ветви, оставившие свой неизгладимый след в отечественной и мировой истории.

От Семена Жеребца пошли Лодыгины, Коновницыны, Горбуновы, Кокоревы и Образцовы.

От Александра Ёлки – Колычевы (Хлызневы-Колычовы, Лошаковы-Колычовы, Немятые-Колычовы), Хлудневы, Стербеевы и Неплюевы.

От Гаврилы (Гавши) – Боборыкины.

От Федора Кошки – Голтяевы, Беззубцевы, Захарьины, Юрьевы, Романовы, Шереметевы, Яковлевы (включая незаконнорожденного от немки и русского помещика Яковлева — Александра Ивановича, известного в истории под именем Герцен – одного из самых яростных ненавистников Дома Романовых).

Этот список потомков Кобылы далеко не полный, и мы еще к нему вернемся.

Самыми крупными политическими фигурами того времени были потомки Федора Кошки и Александра Ёлки – они входили в состав Боярской думы. Именно тогда потомки Федора Кошки (будущие Романовы) предприняли самую первую (известную нам) попытку овладеть великокняжеским престолом.

Тверская история со сватовством Симеона Гордого имела свое неожиданное продолжение: сын Андрея Кобылы Федор Кошка также не упустил свой исторический шанс и выдал уже свою дочь — Анну Федоровну — за князя Федора Михайловича Тверского, потомки которого стали зваться князьями Микулинскими и Телятьевскими.

Очень удачно в этой династической игре подыграл ему и сын – Федор Федорович Кошкин Голтяй, который выдал свою дочь Марию Федоровну Голтяеву за удельного князя Боровского – Ярослава Владимировича.

А вот теперь внимание — именно княжна Мария Ярославна Боровская, внучка Федора Кошки, стала же-

ной великого князя Московского Василия Васильевича Темного.

То есть внучка Федора Кошки является родной матерью Иоанна III Васильевича и прабабушкой царя Ивана IV Грозного.

И, возможно, именно тогда (а может быть, и гораздо раньше?!), еще при Василии Темном, в недрах рода Кошкиных-Голтяевых возникла идея о возможности перехвата (или захвата) великокняжеской власти.

На первых порах брат Марии Ярославны – князь Василий Ярославович Боровской всячески поддерживал великого князя Московского Василия Темного в его борьбе за московский престол. Более того, если бы не помощь Василия Ярославовича, то эта борьба могла закончиться для Василия Темного трагически – и уже не только слепотой, на которую обрекли великого князя его династические враги — ближайшие родственники князя, его двоюродные братья, но и лютой смертью.

Вот каков известный финал этой истории: пользуясь тем, что Василий Темный борется за власть с Шемякой, и активно участвуя в этой борьбе, Боровской князь, внук Кошки, не теряет времени зря: «К Василью Ярославичу, с 1447 года соединившему в одних руках <…> поместно-удельные земли, вмещавшие почти всю Калужскую губернию (уезды Козельский, Боровский, Малоярославский, Перемышльский, заключавший и теперешний Калужский) да часть Московской (Хатунский стан, Серпухов, волость Лужу и Радонеж в Дмитровском уезде), Городец на Волге и Алексин на Оке. Этою местностью и владел он, получая третью часть дохода с г. Москвы до самого овладения Васильем Темным Шемяки. Не желая с злодеем входить в сношения, Василий Ярославич ушел сам от него в Литву и получил в уделе от великого князя Казимира города в Могилевской и Черниговской губерниях: Брянск, Стародуб, Гомель и Мстиславль. С восстановлением Темного во всех правах его, Василий Ярославич воротился в свой наследственный удел, часть которого (Алексин и Козельск) уступил великому князю за Бежецкий Верх с Звенигородом».

А затем, как водится, в нашей официальной отечественной истории, внезапно все переменилось: «… по мнению Карамзина, у Слепца с годами развилась страсть к захвату чужого, и он внезапно в 1456 г. арестовал шурина — якобы за сношения с Литвою и послал его в Углич, присоединив весь удел к своим владениям. Вторая жена Василия Ярославича была действительно литовская княжна и при заключении мужа с пасынком, Иваном Васильевичем, удалилась на свою родину — в Литву, а трое ее малолетних детей (князья XVIII колена от Рюрика) — Иван Меньшой Васильевич, Андрей Васильевич и Василий Васильевич, заключенные с отцом, умерли в этом заключении. Были ли они так виновны, чтобы лишиться свободы и жизни без суда — сказания современные оставляют вопрос открытым. Что же касается убежавшего сына Василия Ярославича — Ивана Васильевича Старшого, известно, что он в Литве женился и прижил даже сына князя Федора Ивановича, с которым на чужбине погас славный род князей Боровских (на XIX колене от Рюрика)».

Но на этом дело не закончилось: в 1462 году был открыт заговор серпуховских бояр и детей боярских, собиравшихся высвободить своего князя из неволи и бежать с ним в Литву. Василий Ярославович был переведен в Вологду, где провел последние годы жизни и скончался «в железех», уже при сыне Василия Темного, Иване III в 1483 году.

Но и это еще не все: за несколько дней до своей кончины (27 марта 1462 года) великий князь отдает приказ о казни детей Василия Ярославовича – своих племянников — и ЛИШАЕТ Марию Ярославну завещания, в котором отдавал детей в опеку своей жене, выделяя ей вдовий — ОПРИЧНЫЙ же — удел…

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Мы не знаем, когда, и еще не знаем, почему начали расходиться в истории пути-дороги Колычевых и Кошкиных. Но это противостояние вскоре обозначилось…

Духовное завещание великого князя Московского Дмитрия Донского подписали десять ближних бояр, в числе которых было трое потомков Андрея Кобылы – Александр Ёлка, Федор Кошка и его сын Иван Федорович Кошкин.

То, что сын Кошки при жизни отца был в составе ближних бояр Дмитрия Донского, говорит о многом. В средневековье в Московском государстве существовали жесткие правила наследования государственной должности – так называемые законы родового местничества, по которым представитель рода должен был получать государственную или военную должность не ниже той, на которой уже находился представитель их рода. В противном случае он отказывался от исполнения своих (даже военных) обязанностей и требовал судебного разбирательства. И таких известных «местнических дел» насчитывается в истории многие сотни…Только Ю. М. Эскин в своей книге «Местничество в России XVI–XVII вв. Хронологический разбор» насчитывал 1717 дел.

Еще более жестким был отбор ближних (наиболее доверенных) бояр. Когда старший сын после смерти своего отца наследовал его боярский титул и место у трона – это было правилом. Когда сын становился ближним боярином при жизни своего отца – исключением из этого правила. И это могло значить только одно — что отец в это время занимал исключительное (или первенствующее) по важности место, позволяющее великому князю (без возражения со стороны других ближних бояр) ввести в Боярскую думу и его старшего сына.

Должна быть какая-то веская причина для столь стремительного карьерного роста Ивана Федоровича

Кошкина, который и является родоначальником тех самых Захарьиных, от которых и пошло все последующее зло в отечественной истории.

Иван Федорович при великом князе Василии Дмитриевиче был уже не только ближним боярином, но и казначеем великого князя. То есть тоже, как и отец, лицом ПЕРВОСТЕПЕННЫМ. «Имя Ивана упомянуто в письме хана Едигея Василию I, где он упоминается как казначей, любимец и «старейшина» великого князя. Кроме того, там говорится, что Иван Фёдорович является главным советником Василия I и «даёт по своей молодости и неопытности неразумные советы» (Веселовский С. Б. «Исследования по истории класса служилых землевладельцев»).

Сын Ёлки — Фёдор Александрович Колыч — был также при Василии Дмитриевиче боярином и послом Великого князя в Новгороде.

И далее: «В самые тяжёлые для Василия I годы, когда изменник князь Пронский захватил Рязань, а набеги хана Едигея заставили Великого князя возобновить выплату дани татарам, Колычевы и Кошкины находились при князе, исполняя различные его поручения. В 1409 году Фома Кошкин – князь и наместник Углича, а чуть позже на этом месте сидит Фома Синий-Колычев; Игнатий Семёнович Лодыга-Жеребцов (двоюродная ветвь Колычёвых) был Коломенским воеводой и погиб в сражении с князем Пронским; а Иван Фёдорович Кошкин и Фёдор Фёдорович Кошкин-Голтяй – бояре Великого князя. Великие князья сменяли один другого, но Колычевы и Кошкины верно поддерживали князей Московских: Василий II Тёмный воюет с Дмитрием Шемякой, а Захар Иванович Кошкин и Андрей Федорович Колычев остаются его верными боярами и воюют с литовцами и татарами. Укрепление князей Московских (от Ивана III Васильевича Великого до Ивана IV Васильевича, называемого «Грозным») неизменно отражалось на положении Колычевых и Кошкиных: Борис Александрович Колычев-Хлызень, воевода, был с Великим князем в Новгороде в 1495 году, в Литовском походе 1500 года командовал полком правой руки; Иван Андреевич Колычев-Лобан

был послом в Крыму, позже – наместником покорённого Новгорода, погиб в походе на Изборск; Михаил Андреевич Колычев, воевода, воевал против «немцев», в 1509 году ходил на князя Богдана Глинского, Черкасского и Путивльского наместника Великого Литовского князя; Яков Захарьич Кошкин, наместник Новгорода, один из лучших воевод Ивана Великого, отличился при взятии Дорогобужа, Брянска и Путивля, где пленил князя Богдана Глинского; Константин Андреевич Беззубцев во главе Коломенской дружины дважды ходил на Казань; Иван Васильевич Колычев Лошак-Жук успешно и много воевал с татарами и литовцами, при царе Василии III был назначен послом в Крым; Семён Григорьевич Лодыгин был послом в Риме в 1529 году; Степан Иванович Колычев-Стенстур, воевода, прозвище получил за участие в дипломатических переговорах со Швецией об очередном продлении Ореховецкого мира».

То есть видим, что в этот период Колычевы и Кошкины находятся в одной великокняжеской команде.

С одним безусловным преимуществом Кошкиных – они были еще и ближними родственниками великого князя. А это по тем временам многого стоило…

У Марии Ярославны и великого князя Василия II Темного было много детей:

Иван Васильевич, Иван III, который первым был назван Грозным (22 января 1440 – 27 октября 1505), великий князь Московский с 1462 по 1505 год;

Юрий Большой (1437–1441), умерший в детстве;

Юрий (Георгий) Молодой (1441–1472) — князь Дмитровский, Можайский, Серпуховской;

Андрей Большой (1446–1493) — князь Углицкий, Звенигородский, Можайский;

Симеон (1447–1449), умерший во младенчестве;

Борис (1449–1494) — князь Волоцкий и Рузский;

Анна (1451–1501) — великая княгиня Рязанская (в 1456 г. рязанский князь Иван Федорович по завещанию передал московскому князю «на соблюдение» дочь и восьмилетнего сына Василия на время его малолетства.

Свадьба Василия Темного и Марии Ярославны. Лицевой летописный свод

Карл Гун. «Великая княгиня София Витовтовна на свадьбе великого князя Василия Тёмного» (1861)

Великая княгиня Софья Витовтовна на свадьбе великого князя Василия Темного в 1433 году срывает с князя Василия Косого пояс, принадлежащий некогда Дмитрию Донскому. Художник Павел Чистяков. Это событие ознаменовало собой начало междоусобной войны, а прямым виновником ссоры называют боярина Захара Ивановича Кошкина.

В 1464 г. Иван III Васильевич и «мати его» женили рязанского княжича на 13-летней московской княжне, сестре Ивана III, Анне Васильевне. В 1483 г. князем рязанским был провозглашен после смерти отца его малолетний сын Иван, а регентшей при нем стала Анна Васильевна);

Андрей Меньшой (1452–1481) — князь Вологодский.

То есть род Кошкиных к тому времени очень активно расплодился внутри самого великокняжеского древа. Но это был еще не предел.

Великий князь Иван III Васильевич Грозный

Первой женой Ивана III Васильевича, родившей ему сына Ивана Молодого, была тверская княжна Мария, дочь князя Бориса Александровича Тверского, умершая в 1567 году.

Второй женой Ивана, первого из Грозных, стала Софья из византийской императорской династии Палеолог. От второго брака у Ивана Васильевича было двенадцать детей:

1. Елена (или Анна) (1474), умерла во младенчестве;
2. Елена (1475), умерла во младенчестве;

3. Феодосия (1475 — ?);
4. Елена Ивановна (19 мая 1476 — 1513) — супруга великого князя Литовского и короля Польши Александра Ягеллона;
5. Великий князь московский Василий III (25 марта 1479 — 3 декабря 1533);
6. Юрий Иванович (23 марта 1480 — 1536) — князь Дмитровский;
7. Дмитрий Жилка (6 октября 1481 — 14 февраля 1521) — князь Углицкий;
8. Евдокия (февраль 1483/ок. 1492 — 1513) — с 25 января 1506 года супруга татарского царевича Худай-Кула (Кудайкула), в крещении Петра Ибрагимовича;
9. Елена (8 апреля 1484–?);
10. Феодосия (29 мая 1485 — 12 февраля 1501) — с 1500 года супруга князя и московского воеводы Василия Даниловича Холмского;
11. Симеон Иванович (21 марта 1487 — 26 июня 1518) — князь Калужский;
12. Андрей Старицкий (5 августа 1490 — 11 декабря 1537) — князь Старицкий.

Но на самом деле политическая ситуация складывалась при Иване III не в пользу старомосковского боярства, являвшегося до сего времени политическим ядром Московского княжества.

В принципе, ситуация начала меняться еще раньше. Правда, тогда это был случай единичный. Но последствия были для Кошкиных весьма неприятны.

Неожиданно для старомосковского боярства на русскую политическую дорогу при великом князе Василии Дмитриевиче вышли потомки великого князя Литовского Гедимина – его правнуки, дети князя Пинского, начальника новгородской рати против великого князя Дмитрия Донского, Патрикия Наримонтовича — князь Юрий Патрикеевич Патрикеев и его старший брат князь Федор Патрикеевич (сын которого получил новую фамилию Хованский по своим владениям на реке Хованке в Волоколамском уделе).

Василий Дмитриевич был несказанно рад этому и даже выдал за князя Юрия свою дочь Марию, — и князь Патрикеев, таким образом, становился первым боярином. Кошкиным пришлось потесниться, уступая место у трона и затаив смертельную обиду.

Противостояние между князьями Патрикеевыми и старомосковскими боярами началось тотчас же, как Юрий Патрикеев занял принадлежащее теперь ему по праву первородства место у трона великого князя: его брат, князь Федор Патрикеевич, хотел было сесть рядом, но бояре ему этого сделать не позволили — то, что разрешено было зятю великого князя, вовсе не распространялось на его собственных, даже ближайших, родственников — таковы были непреложные законы местничества, и князю Федору указали на причитающееся ему место.

Но, тем не менее, Кошкины и все остальные безропотно уступили это место князю Юрию Патрикееву.

Случай с Хованским был еще даже не местническим конфликтом, когда он рассматривался специальной боярской комиссией или даже самим царем, но это была уже и реальная предпосылка для будущих конфликтов — ведь пройдет время, и род князей Патрикеевых разрастется и обогатится новыми родовыми фамилиями Щенятевых, Булгаковых, Голицыных, Куракиных, которые уже по собственному фамильному праву будут претендовать на места в Боярской думе, число которых было, понятное дело, не беспредельным.

Князь Юрий Патрикеевич выдал дочь своего брата князя Александра Патрикеевича (князя Стародубского, родоначальника Корецких) замуж за брата великого князя Андрея Дмитриевича Можайского, третьего сына Дмитрия Донского, отодвигая таким образом все дальше и дальше от трона родственников Кошкиных-Захарьиных. Их дети:

Иван (до 1430–1485) — князь Можайский (1432–1454), Стародубский с 1454,

Михаил (до 1432–1486) — князь Верейский и Белозерский,

Анастасия (ум. 1451); муж: **Борис Александрович** (после 1398–1461), с 1425 года великий князь Тверской, дочь которой — Мария Борисовна — была первой женой великого князя Ивана III и матерью наследника трона — Ивана Молодого.

Удивительным образом судьба соединила князя Ивана Андреевича Можайского, который вел впоследствии вероломную предательскую политику и откровенную войну с великим князем Василием (ставшим Темным «благодаря» князю Можайскому) и бежал в Литву, где он получил Стародубское княжество и сдружился с другим русским изгнанником – князем Иваном Васильевичем Боровским (потомком Кошки), бежавшим с матерью в Литву и ставшим там князем Клецким. И как пишут историки: «Вместе они обсуждали планы освобождения отца последнего Василия Ярославича Серпуховско-Боровского, томившегося в темнице, и получения им великого княжения…».

То есть вот, что, оказывается, лежало в основе «боровского заговора» — замысел о великом княжении, в котором оказалась замешанной вместе с братом и Мария Ярославовна.

Женой Ивана Андреевича Можайского была дочь литовского князя Федора Воротынского (в 1492 году на службу к Москве перешел вместе с землями его сын — князь Семён Фёдорович Воротынский, род которого также сыграет не последнюю роль как в истории нашего Отечества, так и в нашей книге).

Практически целый век – с 1408 по 1499 годы – Патрикеевы были ближними боярами великих князей Московских, отодвигая на задворки политической истории род Кошкиных, который с этим, безусловно, смириться не мог.

Но вскоре Патрикеевы оказались не единственной напастью для старомосковского боярства. По той простой причине, что Патрикеевы были хотя и первыми, но не единственными из западных Рюриковичей и литовских Гедиминовичей, которые перешли на сторону Московии.

В 1386 году между Варшавой и Вильно была принята Кревская уния, согласно которой начались гонения на православие и православных князей (магнатов).

Поэтому наиболее преданные идеям православия Гедиминовичи начали консолидацию вокруг московских князей, выезжая к ним на службу вместе со своими слугами (воинами), получая земли и высокие военные чины у великого князя Московского, а также и места в Боярской думе.

В числе самых первых были князья Стародубские и Оболенские.

От князей Стародубских пошли фамилии князей Ряполовских, Пожарских (в их числе и национальный герой России Дмитрий Пожарский), Ромодановских, Хилковых, Палецких, Гундоровых, Тулуповых, Гагариных.

Но самую большую (и в какое-то время самую внушительную) родовую корпорацию составляли князья Оболенские, потомки Черниговских князей: Курлятевы, Ногтевы, Стригины, Ярославовы, Нагие, Телепневы, Туренины, Репнины, Пенинские, Горенские, Золотые, Серебряные, Щепины, Лыковы, Кашины, Долгоруковы и Щербатые.

Бояре Кошкины практически исчезают на этот период из большой политики. Вполне вероятно, что и «боровская измена» не прошла для них даром, так как на Руси не только брат отвечал за брата, отец за сына, сын за отца, но и вся многочисленная «родова» — то есть все потомки Кобылы.

При Великом Князе Иоанне III Васильевиче Юрий Захарьевич Кошкин († 1504), будучи воеводой, участвовал в стоянии на Угре 1480 года, в походе на Великий Новгород (1480) и на Казань в 1485 году.

Но новый взлет их семейной карьеры связан был вовсе даже не с военными заслугами, а с новой удачной женитьбой (точнее, новым брачным политическим сою-

зом) — супругой Юрия Захарьевича Кошкина стала дочь великокняжеского боярина Ивана Борисовича Тучкова-Морозова. И. Б. Тучков происходил из новгородского боярского рода Морозовых и поступил на службу к Великому Князю Московскому Иоанну III Васильевичу. В 1477 году он уже в качестве великокняжеского боярина выполнял важную военно-дипломатическую миссию по присоединению Великого Новгорода к Москве, что являлось для Московского княжества событием историческим. Видимо, этими «новгородскими» родственными связями можно объяснить, почему московский воевода Юрий Захарьевич Захарьин-Кошкин и его брат Яков в 1488 году стали наместниками в Новгороде (как, впрочем, и их однородцы Колычевы – наместником Новгорода в 1493 году был Иван Андреевич Колычев-Лобан, родной дед будущего митрополита Московского и всея Руси Филиппа).

Вероятно, в это же время произошел и исторический водораздел внутри самого рода Кобылы.

И, по всей видимости, он был связан с новым династическим конфликтом внутри семьи великого князя Московского Ивана III.

Старший сын Ивана III – Иван Молодой – как мы помним, был потомком князей Патрикеевых по женской линии. И поэтому литовская диаспора, конечно же, делала ставку на эту кандидатуру, тем более что Иван Молодой был законным наследником престола, и на его сына — Дмитрия Ивановича.

А вот старомосковская знать во главе с Кошкиными делала ставку на Василия Ивановича, который, в конечном итоге, и стал великим князем Московским.

Но для этой победы необходимо было нейтрализовать Патрикеевых как политическую силу.

И вот тогда новгородские наместники Захарьины вскрывают в Новгороде измену, обнаруживая «ересь жидовствующих», что в конечном итоге (не вдаваясь в подробности) приводит к политическому краху Патрикеевых – в 1499 году отец и сын – Иван Юрьевич и Василий Иванович — Патрикеевы и их зять князь Ряпопо-

ловский были приговорены к смертной казни, которую для Патрикеевых заменили пострижением в монахи, а в отношении их зятя приговор был приведен в исполнение.

В книге «В пучине Русской Смуты. Невыученные уроки истории» М. И. Зарезин пишет о борьбе этих двух политических партий, переросшей впоследствии в мощную идеологическую борьбу «нестяжателей» и «иосифлян»: «Старомосковское боярство сплотилось вокруг второй супруги великого князя Софьи Палеолог и ее сына Василия. Сам Иван III колебался, на ком остановить выбор. На политическую борьбу накладывалось внутрицерковное противостояние — Иван Молодой и его супруга Елена Волошанка поддерживали вольнодумцев из числа новгородских священников; некоторые из них перебрались в Москву по приглашению самого великого князя и заняли там видное положение. Их противники — в первую очередь новгородский архиепископ Геннадий и игумен Волоцкого монастыря Иосиф — обличали их как еретиков.

В 1487 году владыка Геннадий обнаружил очаг ереси в среде местного духовенства, однако в Москве его тревожным сообщениям, казалось, придавали мало внимания. В те годы светскую власть в Новгороде представляли Яков Захарьин вместе с братом Юрием. Они не церемонились с горожанами: обложили непомерными штрафами, ставили их на правеж. Обиженные и ограбленные новгородцы пытались найти справедливость у Ивана III. Тогда Яков Захарьин обвинил обличителей в государственной измене — покушении на жизнь наместника. Семь тысяч новгородцев выслали в Москву — «занеже хотели убити Якова Захарьича, наместника Новагородского». Прочих мнимых или истинных заговорщиков — «иных думцев много Яков пересек и перевешал».

И Захарьины вновь оказались в самой непосредственной близости от вожделенного трона.

И именно они же, по словам историка Д. П. Бутурлина, используя этот политический момент, создали в 1500 году первый местнический конфликт. Вот что пишет по

этому поводу все тот же М. И. Зарезин: «Знаменательный эпизод произошел во время литовского похода 1500 года. Великий князь послал на помощь отряду под командованием Юрия Захарьина племянника казненного Ивана Патрикеева Даниила Щеню с тверской ратью. В объединенном войске Щеню назначили воеводой в большой полк, а Захарьина — в сторожевой. Внук Ивана Кошки оскорбился, написав великому князю о том, что ему «невмочно» служить в сторожевом полку и «стеречи князя Данила». Разразившийся конфликт пришлось разбирать великому князю, который решительно пресек претензии обиженного боярина. А. А. Зимин замечает в этой связи, что здесь нет местнического дела. Действительно, Юрий Захарьин прекрасно понимал, что не имеет никаких формальных оснований оспаривать назначение Щени, однако раздражение против Патрикеевых было столь велико, что боярин не смог его сдержать, даже предугадывая гнев государя».

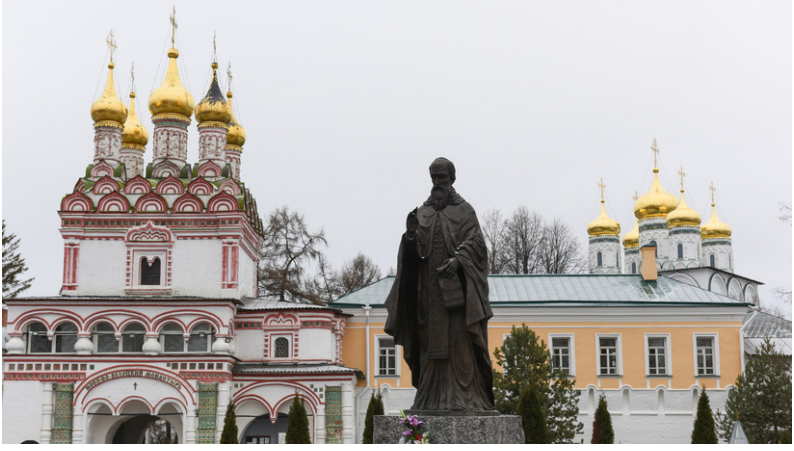
Но этот гнев оказался настолько велик, что Захарьиным пришлось снова отойти в тень.

«В 1510 году едва избежавший плахи сын князя Ивана Патрикеева Василий (в иночестве Вассиан) вернулся в Москву из опалы. Вассиан стал «великий и временной человек у государя великого князя ближней, и яз так и государя великого князя не блюлся, как его боялся и слушал». Боярскую думу возглавил уже знакомый нам Даниил Щеня — двоюродный брат Вассиана.

Но Захарьиных это не остановило. А вскоре они начали и новое политическое наступление.

«Падение нового правительства Патрикеевых произошло в 1525 году, после того как великий князь задумал развестись с женой Соломонией Сабуровой, чтобы жениться на молоденькой Елене Глинской. Когда Василий пожелал узнать мнение Вассиана относительно своих матримониальных планов, князь-инок сравнил его вопрос с «вопрошением Иродиады о главе Иоанна Крестителя». Державный жених не простил подобной дерзости. В 1531 году состоялся церковный собор, разбиравший обвинения против Вассиана и его единомышленника, богослова

и публициста Максима Грека. В числе главных обвинителей выступал сын Юрия Захарьина Михаил. Он указывал на обвиняемых как на смутотворцев, распространителей различных пагубных лжеучений. Вассиан Патрикеев был заточен в Волоцкий монастырь, где вскоре умер» (М. И. Зарезин).

Иосифо-Волоцкий монастырь. И сегодня Иосиф Волоцкий считается покровителем бизнесменов…

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Чтобы продолжить наше повествование, давайте обратимся к следующей исторической характеристике: «Яков Захарьич Кошкин, наместник Новгорода, один из лучших воевод Ивана Великого, отличился при взятии Дорогобужа, Брянска и Путивля, где пленил князя Богдана Глинского».

Мало сегодня кто знает, что князья Глинские являются прямыми потомками того самого темника Мамая, войска которого были разбиты на Куликовом поле русскими войсками великого князя Дмитрия Донского. Сам Мамай позже был убит в Крыму. А Глинские ведут свой род от его сына Мансура Киятовича, который получил от великого князя Литовского в удел город Глинск и Полтаву. Отсюда и фамилия. Богдан Федорович Глинский, или Мамай, как его также звали, был в Великом Литовском княжестве наместником Черкасским и Путивльским, атаманом украинских казаков. 4 августа 1500 года при взятии Путивля московскими войсками Богдан попал в плен, где он и умер в 1509 или 1512 году.

Казалось бы, и на этот раз в истории с новым Мамаем поставлена точка.

Но в политическую историю России примерно в это же время (и не без участия Захарьиных) стремительно ворвался другой представитель этого рода:

«…в начале XVI века в Литве князь Михаил Львович Глинский играл важную роль и вполне мог изменить геополитический расклад на карте мира. От рождения обладая богатством, а от природы – недюжинным умом, Михаил Глинский был… удачливым авантюристом. Он служил в войске Альбрехта Саксонского, воевал за Максимилиана I в итальянских войнах, принял католицизм,

жил в Испании, умел говорить на многих европейских языках. Харизматичный и деятельный Михаил так понравился великому князю Литовскому Александру Ягеллончику (в дальнейшем – королю Польскому), что в 1499 году Александр сделал его маршалом своего двора, а затем послом от Литвы. Близость к Александру Ягеллончику не мешала Глинскому поддерживать крепкие связи с русским боярством, и литовская знать опасалась, что после смерти бездетного Александра Глинский мог захватить власть и стать союзником Руси. В 1506 году, лишившись после смерти Александра высочайшего покровительства, Глинский был вынужден конфликтовать с литовским и польским дворянством. Он требовал от нового короля Сигизмунда суда над своими противниками, обращался к посредничеству венгерского короля Владислава, но… судьба уготовила ему другую роль. В начале 1508 года Михаил Глинский поднял знамя бунта и принял помощь Василия III. Соединённые отряды Глинского и Василия III осаждали Минск, ходили на столицу Литвы Вильно, воевали Смоленскую область, подходили к Бобруйску и Орше. По окончании войны Глинский был милостиво принят в Москве при дворе великого князя и пожалован во владение двумя городами: Ярославцем и Боровском. И как ни просил Сигизмунд вернуть предателя для суда, великий князь Московский отвечал отказом – настолько важен был для него Михаил Львович и его литовские связи» (Олег Кодола. Федор Колычев – дитя эпохи).

И мы, наверное, уже не будем удивлены тем фактом, что в истории с появлением в Московском государстве Михаила Глинского (а впоследствии и его племянницы) был замешан один из Захарьиных – теперь уже Михаил Юрьевич, ведавший в те годы литовскими делами. От него пойдут Захарьины-Юрьевы

Как мы помним, очередным яблоком раздора великого князя Василия Ивановича с родом князей Патрикеевых стала его женитьба на племяннице Михаила Глинского, княгине Елене Васильевне Глинской (где Михаил Юрьевич Захарьин был вторым — после боярина кня-

зя Дмитрия Фёдоровича Бельского — дружкой Василия III), для чего потребовалось в срочном порядке сослать в монастырь первую жену великого князя Соломониду Сабурову за то, что она якобы оказалась неспособной подарить великому князю наследника престола. Постриг был насильственный – и в этом историки единодушно упрекают Ивана Шигону-Поджогина (с которым у Михаила Захарьина были довольно тесные взаимоотношения по литовским делам). На самом деле в монастыре Соломонида (святая Софья Суздальская) разрешилась от бремени и родила сына Георгия – законного наследника престола, которого в срочном порядке пришлось прятать от тех людей, которые были повинны в заточении Соломониды.

Святая Софья Суздальская

Это случилось в 1525 году.

«Во время нашего тогдашнего пребывания в Московии некоторые клятвенно утверждали, что Саломея родила сына по имени Георгий, но никому не желала

показать ребёнка. Мало того, когда к ней были присланы некие лица для расследования истины, она, говорят, ответила им, что они недостойны видеть ребёнка, а когда он облечётся в величие своё, то отомстит за обиду матери. Некоторые же упорно отрицали, что она родила. Итак, молва гласит об этом происшествии двояко» (Герберштейн).

Ситуация для Шигоны-Поджогина и его компаньона Михаила Захарьина была критической. Конечно, они сделали бы все возможное для того, чтобы мальчик исчез навсегда. Но мальчик действительно исчез безо всякого участия с их стороны.

И это-то и было самым опасным – заговорщики желали ему только смерти, так как он мог объявиться со дня на день, и тогда последствия этого появления могли быть самыми непредсказуемыми.

Еще в 1971 году в журнале «Знание-сила» была опубликована статья «Невидимка XVI века (теории о младенце «кн. Георгии Васильевиче» и настоящем отце Ивана Грозного)», предисловие к которой написал доктор исторических наук Александр Александрович Зимин, один из крупнейших российских историков. И вот что он писал: «История хранит еще много тайн. А. Никитин написал историко-психологический детектив о загадках, связанных с тем, что у Ивана Грозного, как предполагают некоторые историки (например, С. Д. Шереметев), был старший брат. Действительно, до нас дошли от того времени прямые утверждения о его существовании. Автору статьи удалось обратить внимание на ряд обстоятельств, которые, казалось бы, подтверждают эту версию. Автор предлагает читателю строго продуманную схему событий, происшедших в двадцатые годы XVI века. Поскольку подобная схема еще никогда столь обстоятельно не излагалась, мне представляется, что публикация историко-психологического детектива А. Никитина в научно-популярном журнале весьма целесообразна. Эта публикация пробуждает в молодежи интерес к отечественной истории. Конечно, выдвинутые автором положения спорны. Скажу пока только, что, на мой взгляд,

есть основания объяснить многие приводимые автором факты иначе».

Профессор А. Зимин, судя по его собственным книгам, к которым мы еще будем обращаться, был очень строг в своих оценках и никогда бы не стал комментировать заведомую историческую чушь.

Вот несколько фактов, которые действительно заставляют задуматься о том, что произошло в те далекие годы.

«Предполагаемый сын Соломонии и Василия мог родиться в июле, самое позднее в августе 1526 года. А в сентябре этого года, через месяц или два, Василий делает старице Софье поистине царский подарок. Вот этот знаменательный документ, датированный 19 сентября 7035 (1526) года.

«Се яз Князь Великий Василий Иванович всеа Русии пожаловал есми Старицу Софью в Суздале своим селом Вышеславским с деревнями и с починки...».

По какому случаю такой подарок опальной «старице»? За «обиду» развода? Возможно. Но, кроме совпадения дат, настораживает и другое соображение. Такие подарки «села с деревнями и землями» получали великие княгини от своих супругов в случае рождения наследников! Нельзя ли увидеть в этой дарственной первый шаг Василия к «признанию» Георгия?

Еще один документ. Воскресенская летопись под тем же годом сообщает: «Того же лета поставил князь великий... церковь камену у Фроловских (теперь Спасских) ворот Кремля святого мученика Георгия»...

Почему поставил? По какому обету? В честь какого события? Об этом документы умалчивают. Но известно, что строительство храма в честь святого патрона новорожденного у великокняжеской семьи того времени было в обычае. Через год после рождения Ивана IV Василий тоже ставит церковь в честь его святого. Таким образом, устройством храма в честь «святого мученика Георгия» Василий как бы публично признавался в рождении у него сына!

Итак, факты при таком толковании как будто свидетельствуют в пользу этой гипотезы. С другой сторо-

ны, если считать существование Георгия достоверным, многие детали в событиях того времени получают логическое объяснение. Иначе непонятно, почему остается в милости у государя «неистовый инок» Вассиан Патрикеев, обличавший Василия из-за развода «в неправде»...

Именно по челобитию Вассиана Василий III пожаловал старцев Ниловой Сорской пустыни 14 сентября 1526 года, за пять дней до подарка, сделанного Соломонии. Значит, в это время Патрикеев близок к государю. Не потому ли, что рождение Георгия предвещает возвращение Соломонии к власти и, значит, победу церковной группировки Вассиана? Но 25 августа 1530 года у Елены Глинской родится будущий Иван IV. И как все меняется! Уже через несколько месяцев на церковном соборе Вассиан и его сторонники осуждены как еретики вместе с многострадальным Максимом Греком.

Похоже, именно тогда и пришлось Соломонии спасать своего сына».

Но на этом, самом интересном месте автор статьи не останавливается.

Он выдвигает еще одну версию, которая многое объясняет в нашей отечественной истории.

«…невольно возникает вопрос: а чьим сыном был Грозный? Василия III? Но долгожданный наследник появился у Елены Глинской лишь через четыре года и семь месяцев после замужества. А это срок очень существенный, если допустить, что в это же время в Суздале растет сын первой жены Василия!

Вопрос задан отнюдь не из праздного любопытства. Тот или иной ответ на него в XVI веке мог, при соответствующих условиях, вызвать потрясение государства и кровопролитные войны, как это произошло несколько позднее, в эпоху Самозванцев.

Возможно, нам помогут ответить на этот вопрос события, происшедшие после смерти Василия.

Перед смертью Василий III назначил для управления государством «регентский совет» при Елене Глинской и ее малолетних детях. Главной опорой трона он надеял-

Елена Глинская. Реставрация Михаила Герасимова

ся сделать дядю Елены, князя Михаила Львовича Глинского. Его ближайшими помощниками должны были стать И. Ю. Шигона-Поджогин, Г. Н. Меньшой Путятин, В. В. и И. В. Шуйские, М. С. Воронцов, М. В. Тучков, М. Ю. Захарьин и Федор Мишурин. Важную роль должны были играть братья Елены и ее мать, княгиня Анна (на самом деле членами регентского совета при княжиче

были назначены трое ближних бояр – Михаил Львович Глинский, Иван Юрьевич Шигона-Поджогин и Михаил Юрьевич Захарьин – С. В.).

Однако все произошло иначе. Скандал разразился в первые же месяцы «регентства». Елена открыто приблизила к себе князя Ивана Федоровича Овчину Телепнева-Оболенского, возведя его в высший придворный чин конюшего. Шуйские пытались бежать, их задержали и бросили в тюрьму. Глинских от власти отстранили. В заключении умирают оба брата Василия III. И одна из самых первых жертв Елены — Михаил Львович Глинский, убитый в тюрьме за порицание племянницы и ее фаворита.

Правление Елены продолжалось пять лет. 3 апреля 1538 года она была отравлена, а через три дня схвачен князь Овчина. «...И посадиша его в палате за дворцом у конюшни, и умориша его гладом и тягостию железною», — пишет летопись».

ГЛАВА ПЯТАЯ

Конечно, ни Михаил Юрьевич Захарьин, ни Иван Юрьевич Шигона-Поджогин, ни остальные участники исторического «спектакля» с появлением на свет Ивана Грозного и его глухонемого брата Юрия (кстати, слабоумие и немоглухота были, как отмечают некоторые историки, «фамильной чертой» князей Оболенских) не представляли себе последствий такого «альянса» между правительницей и ее фаворитом.

Нет, в самом альянсе, по всей видимости, они не видели большого греха и всячески ему способствовали, прекрасно понимая, что возвращение старицы Софьи Суздальской (Соломонии Сабуровой) в великокняжеский дворец вместе с наследником Георгием обернется для каждого из них если не потерей жизни, то потерей карьеры навечно.

Вопрос заключался в другом – за спиной правительницы помимо любовника оказалась мощная корпорация князей Оболенских. А это была сила, которая появилась в Московском княжестве при Дмитрии Донском, а особенно начала крепнуть и политически разрастаться во времена Василия Темного при активном участии Оболенских в победе над Дмитрием Шемякой.

Вот что пишет по этому поводу А. А. Зимин: «Сильно размножившиеся князья Оболенские в XV–XVI вв. состояли из нескольких ветвей. У князя Ивана Константиновича (сподвижника Дмитрия Донского) было шесть сыновей: от старшего, Никиты, пошли Курлятевы и Ногтевы, от второго, Василия, — Стригины, Ярославовы, Нагие и Телепни, от третьего, Михаила, — Туренины, Репнины, Пенинские, от четвертого, Семена, — Горенские, Золотые, Серебряные, Щепины, от пятого, Владимира,

Лыковы и Кашины. От младшего брата Ивана Константиновича, Андрея, пошли Долгорукие, Щербатые и Тростенские, которые в изучаемое время особенной роли в политической жизни страны не играли».

Расклад политических сил на момент смерти великого князя Василия Ивановича был таков: главными претендентами на престол, помимо будущего царя Ивана Васильевича, были братья великого князя, младшие сыновья Ивана III – князь Юрий Дмитровский и князь Андрей Старицкий.

В ситуации, когда происхождение княжичей Ивана и Юрия ставится под сомнение, эти две политические фигуры – когда великим князем становится СТАРШИЙ В РОДУ, что и было принято прежде на Руси, – оказывались весьма угрожающими для княгини Глинской и ее команды. И гарантами ее защиты теперь выступала только родовая корпорация князей Оболенских.

Регентский совет (Михаил Глинский, Иван Шигона-Поджогин, Михаил Юрьев Захарьин) на первых порах был в союзе с Оболенскими по поводу дальнейшей судьбы князя Юрия Дмитровского и его команды.

Нужно помнить, что каждый удельный князь обладал определенным суверенитетом – он имел свою боярскую думу, состоящую из более младшего поколения великокняжеских бояр, и свои войска. Эта структура, с одной стороны, представляла нечто самостоятельное. Но, с другой стороны, удельное княжество, используя родовые боярские связи, находилось под полным контролем Москвы. А так как в команде Дмитровского князя были (или предполагались) князья Шуйские – представители самой старшей ветви рода Рюриковичей на московской земле – это представляло (как покажут и дальнейшие события) особую опасность для команды Глинской.

Поэтому решение о заключении князя Юрия Дмитровского в тюрьму было, скорее всего, коллегиальным и принято практически сразу после смерти великого князя – ровно через неделю, 11 декабря 1533 года. Была нейтрализована и его команда – князь Андрей Шуйский угодил в тюрьму на весь период правления Елены Глинской.

А вот вопрос о жизни и смерти князей Юрия Дмитровского и Андрея Старицкого решали уже другие люди.

В том же декабре 1533 года Оболенские совершают государственный переворот, объявляя Елену правительницей при малолетнем наследнике престола. Регенты были лишены завещанного им права на управление Московским государством и были отстранены от власти. Фаворит — князь Иван Федорович Овчина Телепнев-Оболенский — становится боярином и получает высший придворный чин конюшего, который облачает его правами престолоблюстителя.

Князь Михаил Львович Глинский, мечтавший о собственной главенствующей роли в управлении Московским государством, попытался сопротивляться, но был посажен в тюрьму и умерщвлен в 1534 году.

23 марта 1536 году умер в тюрьме и главный претендент на великокняжеский трон, князь Юрий Иванович Дмитровский.

И вот теперь основную опасность для власти стал представлять его младший брат – князь Андрей Иванович Старицкий, в состав Боярской думы и войска которого входило… младшее поколение бояр Колычевых.

В мае 1537 года по поручению правительницы Елены Глинской все тот же непотопляемый Иван Юрьевич Шигона вместе с боярином Иваном Васильевичем Шуйским и дьяком Меньшим Путятиным подтвердил крестным целованием удельному князю Андрею Ивановичу Старицкому грамоту, в которой правительница объявляла, что «никакого подозрения на него не имеет».

Но правительница лгала.

Она и ее единомышленники не только имели «подозрение» на князя Старицкого – но он и окружен был со всех сторон князьями Оболенскими, входившими также и в его команду, которые, в конечном итоге, и погубили князя.

Историк Карамзин, создавая историю России по лекалам царей Романовых, защищавших историческое право царя Ивана Васильевича на власть, давал князю

Андрею самую уничижительную оценку: ««Князь Андрей Иоаннович, будучи слабого характера и не имея никаких свойств блестящих, пользовался наружными знаками уважения при Дворе и в совете Бояр, которые в сношениях с иными Державами давали ему имя первого попечителя государственного; но в самом деле он нимало не участвовал в правлении; оплакивал судьбу брата, трепетал за себя и колебался в нерешимости: то хотел милостей от двора, то являл себя нескромным его хулителем, следуя внушениям своих любимцев».

Но анализ поведения князя Старицкого говорит на самом деле о другом: он до самого конца был противником династического конфликта, способного развязать новую междоусобную войну, на который его провоцировали сторонники правительницы Елены, прекрасно осознающие для себя опасность разоблачения любовно-политического альянса Глинской и Оболенских.

Живым князь Андрей им был не нужен.

И Оболенские разыграли новый политический спектакль: спровоцировали то ли бегство князя Андрея в Литву, то ли начало междоусобной войны с обращением за поддержкой к Новгороду, куда загодя (!!!) уже были стянуты правительственные войска.

Все началось с того, что после смерти князя Юрия Дмитровского князю Старицкому отказали в его наследственном праве на Дмитровское удельное княжество – в ответ на его законное (подчеркиваем это!) требование он получил «подарки» — коней, шубы, кубки. И из ближайшего окружения князя тотчас доносят Оболенским о гневе князя Андрея Ивановича на правительницу, которая унизила и оскорбила князя этими своими «подарками».

И потому политические тучи все более и более сгущаются. И угроза расправы становится все более реальной…

Чтобы ослабить князя, его удельные войска отзывают на войну с Казанью, а самого князя требуют в Москву, где его, по мнению ближних и верных бояр, ожидает судьба брата Юрия.

И таким образом князь Андрей с верными ему боярами Колычевыми оказывается в западне. Оболенским

же известен не только каждый его шаг, но и каждый вздох.

Мы не будем сейчас рассматривать все те существующие в истории версии о дальнейшем поведении князя Старицкого и его верных сподвижников, тем более что специалисты оценивают большую часть из этих историй, как полнейшую фальсификацию и гнуснейшую ложь.

Существует единственный памятник в истории, в котором выражено сочувствие к князю Старицкому. Это историческая «Повесть о поимании князя Андрея Ивановича Старицкого».

«***О князе Ондреи Ивановичи***, *егда бысть гоним гневом божиим, грех ради наших*. Понеже наиде на него страх, что князь великий Иван Васильевич всея Руси и мать его великая княиня Елена изымаша брата его князя Юрья Ивановича, Дмитровского, и оттоле начат князь Ондрей Иванович страх в сердци держать. В лето 7045-го князь великий Иван Васильевич всея Руси и мать его великая княиня Елена нача помышляти, как бы им князя Ондрея Ивановича изымать, яко ж и брата его князя Юрья Ивановича и как бы от князя Ондрея людей его от нево отвести. И послаша ко князю Ондрею в Старицю князя Бориса Щепина Оболенского и повеле ему от собя послать на Коломну воеводу своего князя Юрья Ондреевича Оболенского Большого, а с ним детей боярских многих. А князю Борису повеле то видети, чтобы пред ним князь Ондрей Иванович послал на Коломну воеводу своего и колько с ним пошлет детей боярских. Князь же Ондрей Иванович по веленью великого князя послаша на Коломну воеводу своего князя Юрьа Оболенского Большого, а с ним дворян своих многых и детей боярьских городовых; старичен и олексинцов и вереич и вышегородцов. И того же месяца в 12 князь Ондрей Иванович послаша боярина своего князя Федора Дмитреевича Проньского к великому князю к Ивану и к матери его к великой княине Елене бити челом о своих великих обидах. И бысть же князю Федору в селе в Павловском вь Яковлеве [86] Поплевина на реки на Истре за 30 поприщ от Москвы, и встретиша

его нехто от великого князя дворян Иван Меншой Федоров сын Карпова, а с ним дети боярские, и яша князя Федора и ведоша его к Москве и возвестиша о нем великому князю. И князь же великий повеле князя Федора посадити внутре городе на княжо на Ондрееве же дворе на Ивановича. Того же лета майя в 2, на принесение мощем святых праведных мучеников страстотерпцех боголюбивых князей руских Бориса и Глеба князь Ондрей Иванович пошол из своей отчины из Старици натерпевшись от своих великих обид, и бысть ему первой стан в Новогоржском уезди в Вернове в Васильеве селе Малого.

О изменниках княже Ондреевых Ивановича. Нехто ото княжо Ондреевых Ивановича дворян князь Василей княж Федоров сын Голубов случися ему на том стану сторожа: а с ним дети боярьские стрегли и утоясь они от детей боярских с того стану побегоша ото князя от Ондрея к Москве, а наперед собя он ещо из города из Старици послал к Москве слугу своего Ерему к великого князя дьяку к Федору к Мишурину с тою вестью, что князь Ондрей Иванович пошол из Старици. И бысть князю Ондрею третей стай, проехав Волочок Вышний на реке на Дне, и оттоле от него побегоша дети боярские два Валуевых, Василей да Ондрей Мешковы братья Валуева, да Проня Бекетов сын Дедевшина, да Вешняк Дурной Ефимов сын Харламова, и те убегоша, а Ондрея Валуева княжо Ондреева Ивановича стражи ухватиша и приведоша его ко князю. Князь же Ондрей велеша его у стражей взяти ближнему своему дворянину Каше Васильеву сыну Агаркову, и повеле его блюсти крепко. Каша ж Огарков повеле людей своим Ондрею Валуеву связати руце и нозе и вергоша его в озерко в одной срачици, а главу ему выскитиша на брег озерка того, дабы он не залился, и пыташа у него, многих ими и думе было измените князю. Он же сказаша на многих. Каше же речи Ондреевы сказаша княжо Ондрееву Ивановича дворецкому князю Юрью Ондреевичу Оболенскому. Князь же Юрки взяша с собою Кашу Огаркова и сказаша князю Ондрею Ивановичу все по ряду, что Каша сказывал Ондреевы речи. Князь же Ондрей то слышав у своего дворецкого у князя Юрья з(!) Каши своих де-

тей боярских измену, и повеле то закрыта, понеже не всех тех переветати, бе бо их умножишася изменников тех, грех ради государевых, которых князь Ондрей Иванович чаял собе искринними (!) слугами, те все с ним ездиша во отступленья ума твоего, богатства ради, понеже бо у них остались жоны и животы их сильные и не разсудиша того, где то хто взял и у кого выслужили, и забыша бога и правды, и все с ним ездишь весеце вел (!) и упився безумьем своим яко пьяни. В то время слышав на Коломне княжь Ондреев Ивановича воевода князь Юрьи Оболенской, что князь его пошол из своее отчины, и начат молитися со слезами пред образом Спасовым и пречистые его матере царици небесные, дабы спас человеколюбец и пречистая богородица сподобили его доехати своего государя князя Ондрея Ивановича. И взем бога на помоч и утоясь у воевод великого князя и детей у боярских, доехаша с Коломны своего князя доежжати и Волгу лез под Дегуниным и перевезшись повелели суды перевозные просечь. И наехаша князя своего на Ноугородцкой дороге, на речке на Березае, мало не доехав Едрог-яму. Видев же князь Ондрей Иванович приезд воеводы своего князя Юрья Ондреевича Оболенского и рад бысть ему вельми и обещася его жаловать и одариша его дарми многими и учиниша ему честь велию пред всеми. И бысть же князю Ондрею Ивановичу в Тухолех, приидоша на него с Москвы великого князя воеводы, князь Иван Федорович Телепнев Оболенского Овчина, да князи Роман Иванович Одоевской, да князь Дмитрей Иванович Оболен[ский] Шкурлетев да князь Василей Федорович Оболенский Лопатин да окольничей Дмитрей Данильевич Слепой, и прочии воеводы. Бысть же перед московскими воеводами Чертову Василей Прокофьев сын Розладина Квашник и начаша наступати на княжо Ондреевых на Ивановича сторожов на задних, а в сторожех был от князя, ого Ондрея на заде Иван Борисович Колычов. Князь же Ондрей Иванович сташа и ополчишася и восхотеша с воеводами с великого князя битися. И великого князя воеводы князь Иван Федорович Овчина и прочии воеводы начаша посылати ко князю Ондрею, чтобы против великого князя

не стаял и крови кристианские не пролил, а государь тебя князь великий Иван Васильевич и мать его великая княиня Елена пожалуют, отпустят тебя на твою отчину невредимо и твоих бояр, детей боярских. И того дни не успеша дела в слове положити, понеже бо приспе вечер. И с того стану ото князя от Ондрея побежали князь Константин княж Федоров сын Проньского, да шут его Гаврила Воеводич да ключник погребной Волк Ушаков. И на завтрея воеводы великого князя даша правду князю Ондрею Ивановичу и крест целовали на том, что великому князю Ивану Васильевичу и матери его великой княине Елене князя Ондрея Ивановича отпустить на его вотчину и сь его бояры и з детьми з боярскими со всем невредимо. И оттоле князь Ондрей Иванович возвратися к Москве. И бывшу же князю Ондрею Ивановичю близь Москвы у Николы святого на Хынске и нехто ото княж Ондреевых Ивановича столпников (!) князь Иван Ших Чернятинской, видев государя своего князя Ондрея Ивановича незгоду нача советовати з столпники (!) с княж с Ондреевыми, дабы ему сложити с собя князю Ондрею Ивановичу крестное цолованье, убоявся поиманья от великого князя и не добыша собе поборника никого же. Бысть же у посаду у Москвы против Хлыново и нача складывати с собя крестное целованье Ивану Ивановичу Колычеву Умному, что бы князю сказал. Иван же Умной в том ево слове отрече...»

Фаворит правительницы, боярин, конюший (престоблюститель) князь Оболенский целовал крест, клятвенно обещая, что с головы князя Старицкого и его семьи, его бояр и его воевод не упадет ни один волос.

И это тоже была самая гнусная ложь.

Но окруженный правительственными войсками со всех сторон и видя предательство и измену со стороны князей Оболенских (за исключением Юрия Андреевича Оболенского, воеводы князя Старицкого, который, узнав об опасности, грозящей его князю, одним из первых пришел ему на помощь), князь Андрей решает сдаться на милость победителю.

И его ожидает участь брата – тюрьма и смерть.

В заточении оказались и его жена с малолетним сыном, князем Владимиром Андреевичем.

По повелению бездетного великого князя Василия Ивановича его младшие братья долгое время не имели права жениться. Смысл запрета был прост – чтобы у них не появились наследники и не усилился таким образом соблазн претендовать на престол в случае смерти бездетного великого князя.

Только 2 февраля 1533 года князь Андрей Старицкий женится. Событие в общем-то рядовое для истории. Но женится он на княжне Ефросинии Андреевне Хованской из рода князей Патрикеевых, потомков великого князя Литовского Гедимина, – тех самых, которые уже столетие являются злейшими врагами Кошкиных-Захарьиных.

В том же 1533 году рождается и наследник князей Старицких – князь Владимир Андреевич. И все последующие после его рождения события, связанные с именем князя, в нашей отечественной истории исковерканы до неузнаваемости и облиты грязью.

Но об этом у нас впереди большой рассказ.

А пока вернемся к событиям, связанным с арестом отца. Весьма печальной была судьба многих из тех, кто оказался в окружении князя, а тем более — в числе его единомышленников.

В очерке М. М. Бенцианова «Двор князя Андрея Старицкого и проблемы «Старицкого мятежа» 1537 г.» есть некоторые подробности, которые имеют важное значение для нашего рассказа: согласно Воскресенской летописи, в числе опальных были удельные бояре Ф. Д. Пронский, И. А. Оболенский Пенинский, дворецкий Ю. А. Меньшой Оболенский Пенинский, конюший Б. И. Палецкий. Пострадали князья и дети боярские, которые у Старицкого «в избе бывали и его думу ведали», — Ю. А. Большой Оболенский Пенинский, И. И. Лобанов Умной Колычев, И. А. Хованский. Их казнили торговой казнью и, оковав, посадили в угловую башню Кремля. Князь Ф. Д. Пронский не вынес тяжелых условий заключения и умер в темнице.

В Вологодско-Пермской летописи список опальных несколько отличается: не упомянуты князья Оболенские Пенинские и князь Палецкий, зато добавлены два князя Чернятинских. Кроме того, летопись сообщает: «и иных многих детеи боярских княж Ондреевых переимаша и по городам разослаша».

Возможно, и князья Пенинские Оболенские были исключением из общего числа Оболенских, участвовавших в уничтожении князя Старицкого, в связи с тем, что Юрий Андреевич Пенинский Меньшой был женат на родной сестре Ефросинии Старицкой – княгине Ульяне Хованской и в последние годы до «Старицкого мятежа» (как было в официальной истории заявлено это событие) был в чине управляющего княжеским двором (дворецким), сменив на этом посту И. И. Умного Колычева Лобанова.

Впрочем, делает выводы один из исследователей: «Верхушка старицкого двора была заинтересована в поддержании мирных, союзнических отношений с московским правительством. При этом все они по своему положению и родству не могли не поддерживать князя Андрея Старицкого в его начинаниях. Неудивительно, что в итоге ситуация разрешилась миром».

Точнее, миром только для них, Оболенских, – сам же князь Старицкий был уничтожен.

Что же касается тех, кто был подвергнут торговой казни, то они, действительно, до конца (и позже) останутся верными князьям Старицким.

Князь Иван Андреевич Хованский был родным братом княгини Ефросинии Андреевны Старицкой, и его верность князю и княгини не вызывают сомнений.

Князь Федор Дмитриевич Пронский был прямым потомков пронских удельных князей, перешедших на службу к Василию Ивановичу, он был великокняжеским боярином и, вероятно, возглавлял Боярскую думу Старицкого княжества. Он умер в тюрьме, как и князь Андрей.

Князь Борис Иванович Палецкий также занимал ведущее место в Боярской думе Старицкого княжества – он

был конюшим. А происходили Палецкие из Стародубских удельных князей, потомками которых были князья Тулуповы и Гагарины.

Иван Иванович Умной Колычев Лобанов многие годы был дворецким Старицкого князя. Именно для его спасения князь Андрей Иванович, согласно «Повести…», хотел снять с него крестоцеловальную клятву о верности (присягу), «Иван же Умной в том ево слове отрече…».

Иван Борисович Колычев Хлызнев, воевода князя Старицкого, прикрывал арьергард, который теснили правительственные войска, готовый по приказу князя Андрея Ивановича обнажить свой меч…

Но это далеко не полный перечень Колычевых, которые пострадали за князя Старицкого.

6 мая 1537 года в Новгороде стало известно о «мятеже», поднятом князем Старицким. Здесь уже (еще раз подчеркиваю это — заранее!!!) ждали князя Андрея правительственные войска, которые возглавлял Иван Никитич Бутурлин (запомним это имя). Но князь Андрей все-таки обратился к новгородским помещикам за помощью. И самое удивительное, что в этой обстановке, когда исход возможной битвы можно было с уверенностью предрешить не в пользу князя Андрея, – более тридцати новгородских помещиков откликнулись на его призыв.

Все они впоследствии были повешены по приказу правительницы Глинской вдоль дороги, ведущей из Москвы в Новгород.

На мраморном обелиске родового села бояр Колычевых Лукино летописец этого боярского рода Михаил Львович Боде разместил на каждой из четырех сторон памятные доски с символическим названием «Вечная память усопшим за веру, царя и отечество».

На первой стороне:

Андрею Федоровичу Колычеву

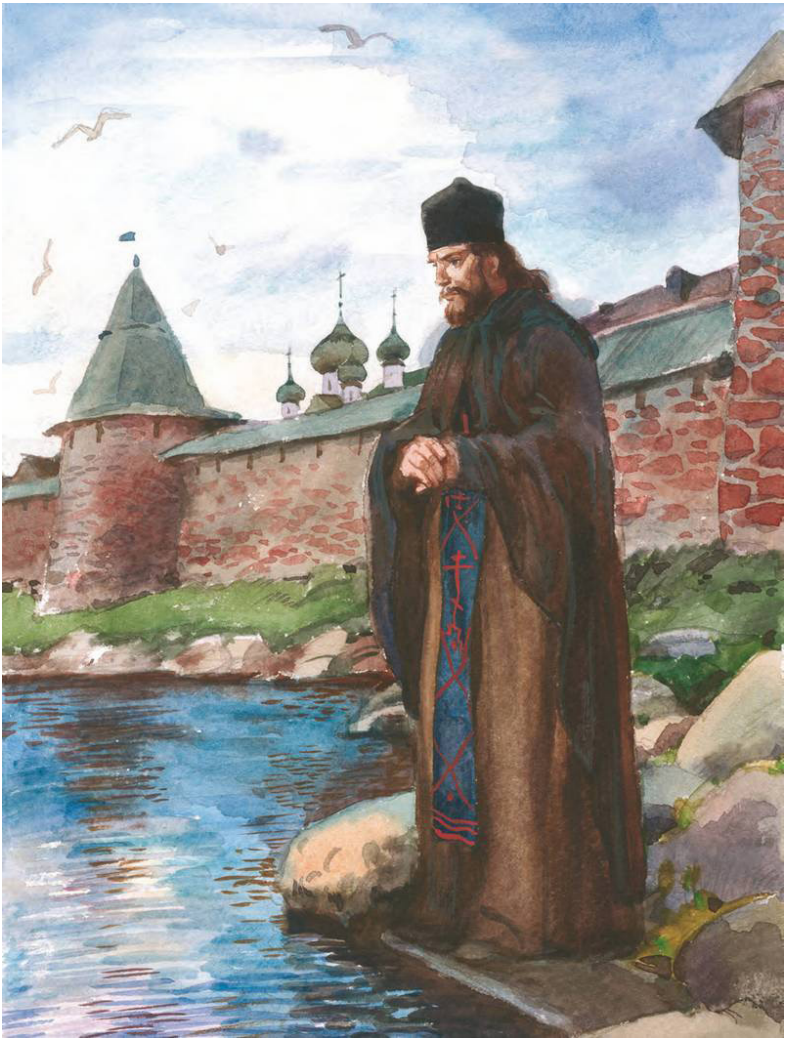
На Суздальском бою 1445 г.

Боярину и воеводе Ивану Андреевичу Колычеву I

В Иван-Городе 1502 г.

Боярину и воеводе Ивану Андреевичу Колычеву II

Под Коловерью 1515 г.

Филипп Колычев, игумен Соловецкого монастыря

Воеводе Никите Ивановичу Колычеву-Немятому
Смертельно ранен при Стародубе 1535 г.
Воеводе Федору Семеновичу Колычеву
Убитому в Стародубе 1535 г.
Боярину и воеводе Никите Борисовичу Колычеву-Хлызневу
Убитому под Казанью 1552 г.
На второй стороне:
Никите Семеновичу Колычеву
Третьяку Ивановичу Колычеву
Убитым под Казанью 1552 г.
Василию Ивановичу Пупкову-Колычеву
Андрею Ивановичу Пупкову-Колычеву
Гаврилу Владимировичу Колычеву
Казненным при Вел. Кн. Елене за преданность Кн. Старицкому 1537 г.

Еще один участник «мятежа» — сын Степана Ивановича Колычева Лобанова-Стенсуры, Федор Степанович Колычев — бежал от возможной казни на Русский Север и принял монашество с новым именем Филипп…

ГЛАВА ШЕСТАЯ

А потом, после непродолжительной, но весьма яростной борьбы регентов малолетнего великого князя Ивана Васильевича вокруг трона, разом, вдруг, самым неожиданным образом все изменится: князь Владимир Андреевич и его мать не только оказываются на свободе, но и становятся соправителями Московского княжества, а затем и царства.

В летописном изложении это выглядело следующим образом: «*…пожаловал князь великий Иван Васильевич всея Русии, по печалованию отца своего Иоасафа митрополита и боляр своих, князя Владимира Андреевича и матерь его княгиню Ефросинию, княже Андреевскую жену Ивановича, из нятства выпустил, и велел быти князю Владимиру на отца его дворе на княже Андреевском Ивановича и с материю*».

И произошло это в период, когда главой регентского совета, возглавляемого до этого князем Иваном Васильевичем Шуйским, стал князь Иван Федорович Бельский (в другом написании Вельский), троюродный брат Ивана Грозного.

Князьям Старицким возвращается их удел. Княгиня Ефросинья Андреевна Старицкая занимает почетное материнское место при малолетнем княжиче. Правительственные указы издаются теперь от имени Ивана Васильевича, его родного брата Юрия Васильевича и двоюродного брата Владимира Андреевича.

Иван Васильевич и Владимир Андреевич стали неразлучными, любящими друг друга братьями.

Но на этом внешне благополучном фоне происходит целый ряд теневых событий, оценить которые можно будет только по прошествии времени. Князь Бельский смещен и убит. Князь Иван Васильевич Шуйский умирает. На его смену приходит князь Андрей Михайлович Шуйский Частокол.

Неожиданно княжич, при котором действует новый (но постоянно меняющийся в результате политических боярских схваток-рокировок) регентский совет, повелевает 29 декабря 1543 года главу своего регентского совета, который «безчиние и самовольствие» чинит, «предати псарям, и псари взяша и убиша его».

Мальчишке в это время, обратим на это внимание, исполнилось только десять лет.

И на него историки запросто «списывают» очередной государственный переворот, когда к власти в стране приходят люди, которым с Шуйскими не по пути.

Кто же приходит им на смену? И почему в 1547 году почти одновременно происходят два события: одно – изменяющее историческую структуру государства, а другое – в корне изменяющее саму дальнейшую историю России?

Первое событие было продиктовано временем – Московское Великое княжество сбрасывало с себя оковы зависимости и приобретало суверенитет, облаченный в форму царства. И венчание Ивана Васильевича IV на царство было миссией государственной, которая приветствовалась всем православным миром.

А вот выбор невесты для царя всегда был сложным политическим решением, учитывающим множество политических нюансов, так как брачный союз резко изменял картину власти внутри страны – как правило, ближайшие родственники жены государя занимали самые важные государственные посты.

Итак, кто же в Московском царстве мог «помочь» молодому царю выбрать себе в жены именно Анастасию Романовну Захарьину-Юрьеву?

Пишут, что Иван Васильевич сам выбрал себе невесту из многих, представленных ему.

Но, видимо, настало время раскрыть кое-какие карты.

Весьма любопытную генеалогическую версию выдвинул в свое время почетный вольный «общник» Императорской академии художеств и действительный член

Анастасия Романовна Захарьина-Юрьева

Императорского Русского археологического общества П. Н. Петров в первом томе своей книги «История родов русского дворянства» (СПб., 1886).

Общник — значит: участник, член общества.

На эту публикацию мало кто ссылается и мало кто обращает внимание, считая Петра Николаевича «любителем», а не профессиональным генеалогом, хотя именно П. Н. Петрову удалось, по моему мнению, разгадать самую главную тайну отечественной истории, которой мы и посвящаем свою книгу.

«Во дни благоверного великого князя Александра Ярославича Невского приеде из Немец муж честен именем Ратша, а у Ратши сын Якун, а у Якуна сын Алекса,

а у Алексы сын Гаврило, а Гавриловы дети Иван Морхиня, да Акинф Великий… а Акинф было подвел рать тверскую на великого князя Василья (вместо Ивана Калиты, потому что дело идет о начатии борьбы Михаила Тверского с московскими князьями, 1304 года)… а у Акинфа дети: Иван да Федор, а у Ивана дети: Андрей да Володимер, да Роман Каменской, да Михаил».

Нам представляется этот Андрей Иваныч, внук Иакинфа Великого, одним лицом с Андреем Ивановичем Кобылою, родоначальником Романовых, которого происхождение и в родословных XVI века уцелело, вероятнее всего, как лица, известного в Москве и начавшего свой род с другим прозванием. В подобных случаях в родословных ставили отделяющийся род за первоначальным, но при списывании с первоначальной рукописи копировщик часто в XVI веке сам изменял порядок статей по своему усмотрению. Таким образом и в родословной времен царя Федора Ивановича Кобыла со своим родом оказался разобщенным от рода Ратши. В конце же XVII века баснословные авторы–компиляторы, допуская всевозможные искажения прямых и точных показаний прошлого, прибавляли своих нелепостей столько, что вполне вероятное со вводом их делалось неузнаваемым и ни в чем несогласимым. Сочинители же с дней Екатерины II печатаемых родословий, вроде игумена Ювеналия Воейкова, закрепляли басни предшественников печатным словом…

…Мы находим в летописи под 1146 годом – в ряду других новгородцев, державших сторону Всеволода Ольговича (зятя Мстислава Великого) и его братьев Игоря и Святослава, – тиуном в Киеве при Всеволоде Ратшу. Он притеснял, должно быть, своими поборами граждан и при возмущении против Игоря чуть спасся от ярости народа, который «разграбил Ратшин двор». Этот Ратша и представляется нам по времени тождественным с родоначальником Свибловых и других в Москве, прадедом Гаврилы Алексича, † в 1241 г. Гаврила же – современник и соратник Невского – имел сына Иакинфа Великого, убитого в 1304 году, следующем за смертью сына Невского,

св. Даниила Московского. В этом ясно видна несомненная уже точность хронологии.

Если же мы знаем, что Акинф Великий несомненно был современником Даниила Александровича, то и сыновья его Иван и Федор были современниками Калиты, а ближним боярином сына Калиты, Симеона Гордого, является Андрей Иванович Кобыла, когда сын Андрей был и у Ивана Акинфовича и когда, как мы указывали, в родословиях более древних, даже XVI века, отец Андрея Кобылы не означен. А это указывает прямо на отрывочность вследствие сбития порядка основного родословия, где составитель ставит потомков одного родоначальника последовательно старшинству сыновей его, не повторяя при каждом высказанного раз происхождения рода. Встречается это в любом роде. А так и должно быть, конечно, в отношении сына Иакинфа Великого при Калите, когда вся родня его служила в Москве, и роды, происшедшие от Морхини, не менее были многочисленными, чем роды от его брата. По милости описки в первоначальном изводе родословной потомков Ратши и Федор Иакинфович Бякота (в искажении Бяконт), родоначальник Плещеевых, отделен от своего рода с присочинением небывалого переселения из Черниговского княжения, от нашествия Батыева уже фактически несуществовавшего. Между тем у Иакинфа Великого показан сын Федор. Нам слово при имени его – «бездетен» только то указывать должно, что компилятор не додумался до вписания за родом Морхини потомства Бякоты; найдя его в рукописи разъединенным от первого…».

Вот такой генеалогический пассаж!

И далее: «Этот-то Роман Юрьевич Захарьин и есть родоначальник ветви или рода Романовых, оказывающихся – по происхождению от общего родоначальника – Бутурлиных (вспоминаем, кто стоял с ратью под Новгородом, ожидая подхода войск князя Андрея Старицкого – С. В.), Замыцких, Застолобских, Каменских, Курицыных, Мятлевых, Пушкиных, Рожновых, Свибловых, Товарковых, Челядниных, Чеботовых и Чулковых – в свойстве с фамилиями: Жеребцовых, Елкиных, Ванте-

евых, Гавшиных, Кошкиных, Гольтяевых, Ладыгиных, Облязлевых, Кокоревых, Образцовых, Колычевых, Неплюевых, Беззубцевых, Дурновых, Брехиных, Козаковых, Яковлевых, Ляцких, Шереметьевых и некоторых других потомков Ратши».

Нет, давайте пока других не трогать — остановимся на перечисленных.

Дворовый чин конюшего – престолоблюстителя, — до того, как он достался Ивану Федоровичу Овчине Телепневу-Оболенскому, фавориту княгини Елены Глинской и биологическому отцу Ивана Васильевича и его брата Юрия, принадлежал роду Челядниных – Ратшичей.

Родная сестра Овчины была боярыней Челядниной, женой конюшего Ивана Ивановича Челяднина, и они впоследствии были «мамкой» и «дядькой» княжича Ивана Васильевича.

В прямом родстве с фаворитом был и Михаил Львович Глинский, дядя правительницы, – он был женат на двоюродной племяннице Ивана Федоровича, княжне Елене Ивановне Телепневой-Оболенской, дочери князя Ивана Васильевича Немого-Оболенского.

Но Челяднина после падения Ивана Федоровича Овчины Телепнева Оболенского и его смерти была пострижена в монахини, а ее муж умер еще до этого родового краха, что, собственно, и дало право Глинской столь высоко поднять фаворита, как одного из родственников умершего конюшего, которому чин передавался якобы «по родовому наследству».

Михаил Львович Глинский с его амбициями быть главой Московского княжества еще раньше был уморен в тюрьме фаворитом и его правящей любовницей.

Другой регент — Михаил Юрьевич Захарьин — в 1538 году тоже умер, его сын — Василий Михайлович Захарьин-Юрьев — выйдет на политическую авансцену только после удачного замужества его двоюродной сестры — Анастасии Романовны Захарьиной-Юрьевой, — в 1549 году он станет боярином и войдет на правах родственника в круг ближних бояр царя Ивана Васильевича.

Но стоит обратить внимание на его последующий брачный союз: боярин Василий Михайлович Захарьин был женат на княжне Анастасии Дмитриевне Бельской (ум. 24 мая 1571), дочери знатного воеводы и боярина князя Дмитрия Фёдоровича Бельского и Марии Ивановны Челядниной. На другой дочери Дмитрия Федоровича – Евдокии – был женат Михаил Иванович Морозов, с которым Захарьины были связаны давними родственными отношениями.

Далее. Роман Юрьевич Захарьин-Кошкин, отец будущей жены царя Ивана IV, умер в 1543 году и был, в историческом масштабе, фигурой весьма тусклой – кажется (так у историков), окольничий и иногда (очень редко) воевода. Старший его сын Долмат Романович лишь на пару лет пережил своего отца. Следующий – Данила Романович – поднялся только вместе с сестрой — стал после 1547 года окольничим, дворецким и боярином.

Еще одной более-менее серьезной политической фигурой того времени из Захарьиных был Петр Яковлевич Захарьин с весьма выразительным прозвищем Злоба, но он тоже умер в 1533 году, а его дети еще были малолетками, чтобы решать какие-то политические вопросы.

Но вот что интересно – одна из дочерей Злобы также вышла замуж за И. И. Бельского.

Осталось понять главное – а кто же такие эти Бельские и какую роль они играли на политическом Олимпе Московского государства в те времена, о которых идет речь?

Во-первых, род Бельских принадлежал к потомкам Гедиминовичей, как и род Патрикеевых (Хованских, Щенятьевых, Голицыных).

С единственным, но принципиальным отличием. Патрикеевы покинули свою историческую родину во имя родины православной – в яростной борьбе с католической агрессией в Великом княжестве Литовском. Именно они принесли в Великое Московское княжество идеи «нестяжательства» — то есть духовного бескорыстного самопожертвенного служения православной вере. Это была каста духовных православных фанатов.

Светскими выразителями противоположных идей — «иосифлянства», ставших на многие века государственной идеологией накопления богатства, расширения территориальных границ княжества, затем царства и империи, а также подавления личной свободы своего собственного народа были Кошкины-Захарьины-Юрьевы-Яковлевы-Романовы.

Так вот, князья Бельские являлись младшей ветвью потомков Владимира Ольгердовича Киевского. Фамилию Бельских они получают после изгнания его сына князя Ивана Владимировича с Новгородского княжения, когда тот вынужден был вернуться ни с чем в Великое Литовское княжество и получил свой старый удел – город Белую.

Его дети Федор Иванович и Семен Иванович «отъехали» в Москву к великому князю Ивану Васильевичу III, который выдал свою племянницу, рязанскую княжну Анну Васильевну за князя Федора Ивановича Бельского.

И таким образом, через брачный политический союз, князья Бельские стали входить в ближний боярский круг великого князя. А во время боярской смуты после падения правительницы Глинской и ее фаворита Дмитрий Федорович, на сестрах которого были женаты Захарьин и Морозов, входил в состав регентского совета при княжиче Иване Васильевиче.

Именно его брат — Иван Федорович — с лета 1540 года возглавлял регентский совет — правительство Бельских — и был «первосоветником» будущего Ивана IV. В 1542 году он был свергнут Шуйскими.

«Встала вражда, – говорит летописец, – между великого князя боярами; князь Василий да князь Иван Васильевичи Шуйские стали враждовать на князя Ивана Фёдоровича Бельского… и многие были между ними вражды за корысти и за родственников; всяк о своих делах печется, а не о государских, не о земских».

Иван Федорович Бельский был сослан в мае 1542 года на Белоозеро и там убит.

А далее происходит вот что.

К власти в стране снова приходят князья Глинские – родные братья отравленной правительницы – Михаил

и Юрий Васильевичи. Именно по их «наущению» убит Андрей Шуйский, а затем и дворецкий, князь Иван Иванович Кубенский, который в 1542 году участвовал в заговоре князей Шуйских против правителя Ивана Федоровича Бельского.

А затем уничтожена и противоборствующая сторона — ближний советник Ивана Васильевича, боярин Федор Семенович Воронцов и его племянник Василий Михайлович.

А затем последовали еще две, одна чудовищнее другой, казни, о которых пишет М. М. Кром в книге «Вдовствующее царство».

«За две недели до царского венчания произошло событие, о котором официальные летописи грозненской эпохи ни словом не упоминают. Зато в Постниковском летописце после сообщения о наречении Анастасии Романовны Захарьиной невестой государя помещено следующее известие: «Генваря в 3 день положил князь велики свою опалу на князя Ивана на княж Иванова сына Дорогобужского да на князя Федора на княж Иванова сына Овчинина Оболенского, велел их казнити смертною казнью: князю Ивану головы ссечи, а князя Федора велел на кол посадити; и животы их и вотчины велел на себя взяти».

Некоторые подробности этой жуткой казни сообщает продолжатель Хронографа редакции 1512 г.: «Тое же зимы [7055/1547 г. — *М. К.*], генваря, велел князь велики казнити князя Ивана княжь Иванова сына Дорогобужского да князя Феодора княжь Иванова сына Овчинина Оболеньского, *повелением князя Михаила Глиньского и матери его княгини Анны*. И князя Феодора посадили на кол на лугу за Москвою рекою против города, а князю Ивану головы ссекли на леду».

«Федор княж Иванов сын Овчинина Оболеньского» – родной биологический брат будущего царя Ивана Васильевича, сын Ивана Федоровича Овчины Телепнева Оболенского. То есть Глинские убирают живых свидетелей того, что будущий царь Иван не есть сын и законный наследник великого князя Василия Ивановича.

А причина казни князя Дорогобужского тоже видна, как на ладони: Глинским необходим чин конюшего – престолоблюстителя, чтобы венчание Ивана на царство прошло «без сучки и задоринки»:

«Расправа с князем И. И. Дорогобужским явилась ударом по клану Челядниных (род Радши – С. В.), с которыми, вероятно, у Глинских имелись счеты еще со времени правления великой княгини Елены. Дело в том, что князь Иван Иванович был сыном Марии Васильевны Челядниной от первого брака с кн. Иваном Иосифовичем Дорогобужским (по прозвищу Пороша). В 1530 г. в бою под Казанью князь Иван Пороша погиб, и Мария Васильевна вышла замуж второй раз — за Ивана Петровича Федорова. Сохранилась ее данная 1566/67 г. Новоспасскому монастырю на два села с деревнями в Бежецком Верхе — вклад по душе родителей (отца — В. А. Челяднина и матери — старицы Настасьи), первого мужа, кн. Ивана Иосифовича Дорогобужского, и сыновей Ивана и Дмитрия. На обороте грамоты стоит подпись И. П. Федорова: «К сей данной яз, Иван Петрович, в жены сво[ей] Марьино место руку приложил».

Вражда между кланами подогревалась соперничеством за обладание высшими придворными чинами. Со времени правления Василия III должность конюшего была наследственной в роду Челядниных. В годы правления Елены Глинской ее занимал фаворит великой княгини кн. И. Ф. Овчина Оболенский, сестра которого, Аграфена, была замужем за дворецким Василия III В. А. Челядниным. В 1539–1541 гг. с чином конюшего упоминается Иван Иванович Челяднин — последний мужской представитель этого рода; а к лету 1546 г. указанный чин перешел к Ивану Петровичу Федорову, женатому, как уже говорилось, на дочери Василия Андреевича Челяднина Марии. Боярином и конюшим И. П. Федоров впервые именуется в сообщении Постниковского летописца о коломенских казнях в июле 1546 г. Топор навис тогда и над его головой, но правильно выбранная тактика поведения («…против государя встречно не говорил, а во всем ся виноват чинил») помогла Ивану Петровичу из-

бежать казни; он отделался лишь ссылкой на Белоозеро. Исследователи видят за расправой с боярами руку Глинских, но, как уже говорилось, прямых доказательств этого предположения нет.

Как бы то ни было, но к середине января 1547 г. именно князь Михаил Васильевич Глинский, дядя Ивана IV, занял ставшую вакантной после опалы И. П. Федорова должность конюшего».

Безусловно, сами Глинские, своими силами, не могли совершить ничего подобного, устраняя столь крупные политические фигуры. Это ведь не шахматные фигурки, которые смело можно сметать рукой – будь то пешка или даже король. За каждым из казненных стоял РОД. Боярина никто не мог казнить без согласия Боярской думы.

Следовательно, существовал некий боярский сговор, в результате которого и была избрана невеста для юного царя – Анна Романовна Юрьева- Захарьина, — как некий политический союз.

И мы можем отследить эти связи, просмотрев списки гостей на царской свадьбе – ведь во дворец были приглашены только ИЗБРАННЫЕ.

Разряд царской свадьбы 3 февраля 1547 г. дает представление о придворной иерархии того времени. Первые места во время свадебных торжеств, согласно протоколу, занимали члены государевой семьи: «в большом месте» за столом сидел в первый день родной брат царя князь Юрий Васильевич; «в материно место» была вдова удельного князя Андрея Ивановича Старицкого Евфросинья, а обязанности тысяцкого исполнял ее сын — двоюродный брат Ивана IV — князь Владимир Андреевич. Дружками жениха были старший боярин Думы кн. Дмитрий Федорович Бельский и боярин Иван Михайлович Юрьев Большой (оба с женами). Сторону невесты представляли дружки боярин кн. Иван Иванович Пронский с супругой, а также жена Василия Михайловича Тучкова (сам Василий не смог присутствовать, так как накануне «убился с лошади») и Михаил Яковлевич Морозов.

Почетное место на свадебном пиру было отведено царской бабке Анне Глинской: в списке боярынь, си-

девших за столом, она названа первой (за нею в перечне упомянуты еще две Анны — жены соответственно Петра Яковлевича и Василия Яковлевича Захарьиных).

В целом свадебный разряд зафиксировал своего рода равновесие сил между родственниками царя по материнской линии, Глинскими, и его новыми свойственниками — Захарьиными-Юрьевыми. Так, «у постели» новобрачных сидели боярин кн. Юрий Васильевич Глинский (очевидно, пожалованный боярским чином по случаю царской свадьбы) и казначей Федор Иванович Сукин. Среди боярынь «у постели» на первом месте разряд называет вдову кн. В. В. Шуйского княгиню Анастасию, а следом за ней упомянуты жены князей Юрия Васильевича и Михаила Васильевича Глинских. Кроме того, из летописи и частной редакции разряда известно об участии в свадебной церемонии и самого боярина и конюшего кн. М. В. Глинского.

С другой стороны, внушительным было и представительство на свадьбе клана Захарьиных-Юрьевых. Боярин И. М. Юрьев Большой, как уже говорилось, был одним из дружек жениха. Перед государем во время церемонии шел окольничий Данило Романович Юрьев (родной брат невесты) вместе с А. А. Квашниным. Свадебную свечу к церкви несли Иван Михайлов Меньшой сын Юрьева и кн. П. И. Горенский. А брат Ивана, Василий Михайлович Юрьев, нес в процессии «зголовье» (подушку) государя» (М. М. Кром).

Итак, с одной стороны родственный клан Захарьиных — Юрьевы и Яковлевы, Тучковы, Морозовы, Бельские, которые занимают ключевые позиции в Боярской думе…

С другой – Глинские…

Но уже летом 1547 года этот союз был разорван. В Москве заполыхали пожары, в которых народная молва тут же почему-то обвинила князей Глинских, и толпы разъяренных москвичей растерзали князя Юрия Васильевича Глинского и разграбили княжеские хоромы.

По мнению Н. М. Карамзина, это была работа заговорщиков: царского духовника Ф. Бармина, князя Скопи-

на-Шуйского, боярина И. П. Федорова-Челяднина, князя Ю. Темкина-Ростовского, Ф. М. Нагого и… Г. Ю. Захарьина.

В ноябре этого же года князь Михаил Васильевич Глинский вместе с Иваном Ивановичем Пронским Турунтаем пытались бежать в Литву, но были схвачены царскими войсками. Весьма любопытно, что в погоню за ними посланы князья Петр Иванович Шуйский, Василий Семенович Серебряный (Оболенский) и Дмитрий Иванович Немой Оболенский. Беглецов, правда, оставили в живых, но на политической карьере Глинских был поставлен крест.

Ближе всех к трону теперь находились только Захарьины и… Старицкие — княгиня Ефросиния Хованская и ее сын Владимир Андреевич.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Таким образом, к 1547 году, году венчания Ивана Васильевича на царство и на брачный союз, в Московском государстве сформировались две политические партии, опирающиеся на противоположные идеологические концепции – партия «нестяжателей», возглавила которую впоследствии княгиня Старицкая (Хованская), и партия «иосифлян», лидером которой (по наследству) стал Василий Михайлович Юрьев Захарьин, главный идеолог будущей Опричнины (и, по всей видимости, магистр Ордена кромешников).

Составитель Пискарёвского летописца приписывал инициативу создания опричнины двоюродному брату первой жены царя, Анастасии Романовны, Василию Михайловичу Захарьину-Юрьеву, а также воеводе Алексею Басманову (Плещеву – С. В.): «Взъярися царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии на все православное християнство по злых людей совету: Василия Михайлова Юрьева да Олексея Басманова и иных таких же, учиниша опришнину» (И. В. Курукин, А. А. Булычев. Повседневная жизнь опричников Ивана Грозного. Первый призыв).

«Нестяжатели» (ядром которых были потомки князей Патрикеевых – Хованские, Щенятьевы, Булгаковы, Куракины) в этот период, с 1547 по 1564 годы, снова занимали главенствующее политическое положение в стране.

В Боярской думе у них тоже было большинство.

В итоге мы и имеем то, что имеем в отечественной истории (по оценке специалистов) — целый ряд крупнейших государственных реформ, направленных на благосостояние страны и народа, и ближнюю Боярскую думу, которую по старой памяти потомки Гедиминовичей называли Избранной Радой.

Мы помним и о том, что в это время царские указы издаются от имени трех братьев — Ивана, Юрия и Владимира.

Это говорит только об одном — об исключительном авторитете княгини Старицкой-Хованской, которая и сформировала свою политическую партию и проводила в жизнь свою политическую линию.

Безусловно, не семнадцатилетний царь Иван Васильевич, не четырнадцатилетний князь Владимир Старицкий завоевывали Казанское царство и могли похвастать собственными полководческими успехами. К победе русские войска вела железная политическая воля княгини Старицкой, которую ненавидели и боялись «иосифляне» и те воеводы, которые эту политическую волю проводили в жизнь, покоряя казанских, а затем и астраханских татар и устраняя для Московского государства одну из самых важных проблем национальной безопасности на юге страны.

Сегодня мы можем уже увидеть, кто есть кто на политическом Олимпе Московского царства той эпохи и тех, кто входил в Избранную Раду.

Впрочем, сама история сделала это уже за нас.

Что-то страшное произошло в марте 1553 года в царской семье в частности и в Московском государстве в целом, когда вопрос о преемственности власти стал ребром – кому быть царем на Руси: малолетнему царевичу Дмитрию Ивановичу или князю Владимиру Андреевичу Старицкому?

Страсти разгорелись нешуточные. Боярская дума разделилась на два враждебных лагеря.

Главный аргумент всех тех, кто поддерживал партию Старицких, звучал так: «Не желаем быть под Захарьиными».

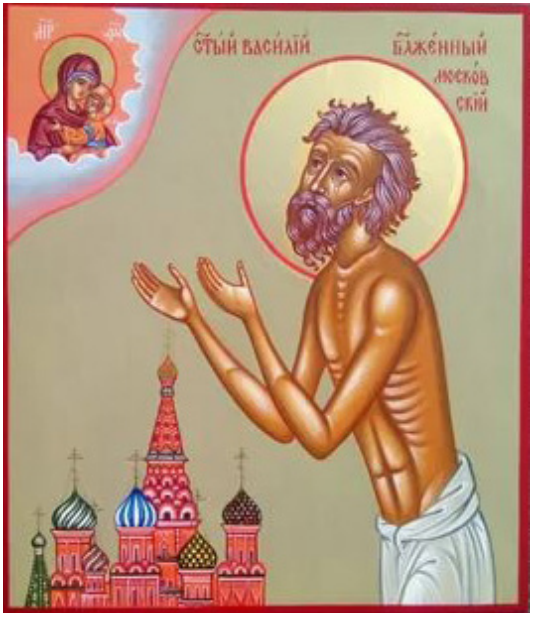
А потом все столь же неожиданно, как и возникло, стихло, без каких-либо последствий для каждой из сторон. Только вот первенец — младенец Дмитрий — «случайно» погибает в июне все того же 1553 года.

Последующие события покажут нам, что эта тишина и покой были мнимыми.

В официальной истории я не нашел ответа на вопрос, по какой причине возникла эта «тишина».

Любопытную, на мой взгляд, версию выдвинули авторы «Новой хронологии» А. Т. Фоменко и Г. В. Носов-

ский, утверждая, что царь Иван Васильевич IV и Василий Блаженный – одно историческое лицо. И, действительно, некоторые историки отмечают, что похоронен был Василий Блаженный с царскими почестями. Произошло это 2 августа 1557 года.

28 марта 1554 года родился царевич Иван Иванович («в марте следующего года у Иоанна родился второй сын (также Иоанн). По этому поводу государем была составлена новая духовная, в которой он оказал В. А. (княз. Владимиру Андреевичу Старицкому – С. В.) просто необъяснимые, особенно ввиду предыдущих событий, милости: объявил его, на случай своей смерти, опекуном сына-младенца и правителем государства, наконец, — что особенно важно, — объявил его наследником престола, если царевич скончается в малолетстве» («Русский биографический словарь» А. А. Половцова). И вот еще одна важная деталь – «В случае смерти царя и его детей князь Старицкий объявлялся наследником престола, при этом

он был обязан выделить удел царице Анастасии. Эти условия, со ссылкой на завещание Ивана IV, вписаны в текст новой крестоцеловальной записи князя Старицкого, которую тот подписал в апреле 1554 г.».

11 мая 1557 года родился царевич Федор Иванович.

28 июля 1560 года умирает их мать – Анастасия Романовна Романова Захарьина-Юрьева.

Есть ли что-то общее в истории, как-то связывающее все эти даты?

Да. Слово «опричнина», которое обозначает «опричные земли» или «вдовий удел» — то есть земли, которые отводятся вдове государя и ее детям на тот период, пока эти дети не стали взрослыми и не заняли положенное им место в политической иерархии государства.

Следовательно, действительно Анастасия Романовна была царской… вдовой! И вполне вероятно, что яблоком раздора в 1560 году становятся именно те самые вдовьи — «опричные» — земли, которые были выделены вдове-царице и ее детям.

А потом уже все последующие события в стране будут на весьма значительный период времени связаны с опричниками и Опричниной, которая не только расколет страну, но и развяжет полномасштабную гражданскую войну. Войну, которую историки, начиная с Карамзина, попытаются скрыть от многих поколений россиян. Причина понятна – организатором этого опричного беспредела в стране выступал никто иной, как Василий Михайлович Захарьин Юрьев и представители родов Ратша и Бяконта, объединившиеся в борьбе за верховную власть – предки тех самых Романовых и их ближних бояр, которые правили Россией в те годы, когда писалась под их диктовку новая отечественная история.

Смерть Анастасии Романовны предоставила, по всей видимости, какое-то право опекунам ее детей — боярам Захарьиным, ее родственникам, — начать войну за трон. И ее смерть послужила как бы еще и одним из предлогов к этой войне – именно поэтому, наверное, в истории и появилась версия об отравлении Анастасии Романовны, не потерявшая своей актуальности и по сей день.

Вознесенский собор Кремля. Миниатюра из Лицевого летописного свода изображает похороны жены Ивана Грозного — царицы Анастасии

Не будучи уверенными в скорой своей победе, опричники выдвигают требование об увеличении доли опричных земель и провозглашают борьбу с боярами-изменниками из политического лагеря князя Владимира Андреевича Старицкого, используя это как повод для начала политического террора, который затем перерастет в открытую гражданскую войну Опричнины с Земщиной…

По сути дела, я не изменяю официальную историческую концепцию опричного террора, просто стараюсь ее максимально упростить, чтобы понять главное – кто и почему конкретно был в составе мозгового центра Опричнины.

Кстати сказать, в исторической литературе нет очевидного ответа на этот вопрос.

Но, тем не менее, некоторые из авторов интуитивно нащупывают очень важное (вот, например, версия авторов книги «Повседневная жизнь опричников Ивана Грозного. Первый призыв» И. В. Курукина и А. А. Булычева).

«В начале опричнины на первых местах мы встречаем именно старые служилые роды Плещеевых, Колычёвых, Бутурлиных. К первому принадлежали опричные бояре Алексей Данилович и его сын Фёдор Алексеевич Басмановы и Захарий Иванович Очин-Плещеев (вместе с ним в опричнине состояли и трое его братьев). Именно старшего Басманова многие исследователи считают одним из главных инициаторов введения опричнины. Д. М. Володихин даже попытался представить, какими словами боярин убеждал царя изменить порядок управления государством: «Великий государь! Видишь ли ты, как не прямят тебе ленивые богатины? Они родом чванятся, да вотчинами, да престолами, на которых сидели их деды или прадеды, а для воинского дела слабы. Один князюшка бежал, будто пёс от хозяина, другие Литве скормили большое войско, третьи затевают против тебя крамолу. В службишках же стали неприлежны и с врагом пить смертную чашу боятся. То ли дело мы, твои верные слуги, старинные бояре, что ещё предкам твоим верно служили! Правь сам, отгони княжьё, порушь нынеш-

ний обычай, а мы как собаки у твоих ног будем грызть что внешнего супротивника, что внутреннего! Все мы, холопы твои, послужим тебе лучше этих высокоумных княжат. Смилуйся, великий государь, пожалуй!» Так ли было в действительности или государь сам высматривал и подбирал подобных слуг, мы уже никогда не узнаем, но отец и сын Басмановы играли в опричнине выдающуюся роль. Опричными боярами стали братья Фёдор и Василий Ивановичи Колычёвы, Василий Петрович Яковля и Иван Яковлевич Чоботов. Опричным окольничим служил Дмитрий Андреевич Бутурлин. Боярин Лев Андреевич Салтыков возглавлял в 1570 году опричный приказ-«дворец», ведавший хозяйством и повседневным обиходом государя».

Авторы, с моей точки зрения, очень четко выделили основной состав опричного ядра – Ратшичи, Плещеевы-Бяконты и Салтыковы из рода Миши Прушанина — потомки бояр Морозовых, которые в течение многих веков до и после этих событий составляли с родом Кошкиных – Захарьиных – Юрьевых – Яковлевых – Романовых одно неразделимое семейное целое.

Ратшичи в том родословном понимании, который был сформулирован генеалогом Петром Николаевичем Петровым в книге «История родов русского дворянства», — то есть собственно те Ратшичи, которых выделяют в отечественной генеалогии другие родоведы (Бутурлины, Пушкины, Чоботовы), а также потомки Андрея Ивановича Кобылы (Захарьины, Колычевы, Шереметьевы) и Бякоты (Бяконта) – род Плещеевых, в том числе и Плещеевых-Басмановых, как старших ветвей общего родового дерева Ратши…

Огромнейшую работу в этом направлении провел В. Б. Кобрин, опубликовав список опричного двора 1565–1572 гг., который включает 277 имен опричников, упомянутых в различных документах, связанных с опричниной.

Скажем сразу, что не все историки признают этот список.

Но историкам не всегда можно и доверять — ведь гуляет из книги в книгу «Список опричников 1573 года»,

когда и сама опричнина и даже слово «опричнина» были, по словам тех же историков, под официальным запретом, начиная с 1572 года. И ничего – ссылаются на этот список, порочат имена людей… Одних только Колычевых в этом списке насчитывают добрый десяток…

Но мы пока не будем вмешиваться в эту дискуссию.

Мы просто проанализируем роль Ратшичей (старомосковского боярства) в той Опричной трагедии, которая разверзлась над нашим Отечеством в период с 1564 по 1572 годы.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Первые удары Опричнины были очень избирательны: уничтожались представители рода князей Оболенских. Вероятно, работал принцип «бумеранга» — кто-то не мог простить Оболенским прошлых обид или проблема была все в той же «семейной тайне».

«Князья Оболенские пострадали от опричнины меньше, чем суздальская знать. Но среди них многие лишились головы либо подверглись насильственному пострижению накануне опричнины и в первые дни после ее учреждения. Жертвы царской опалы не только служили по княжеским спискам, но и возглавляли этот список. Четверо пострадавших носили боярский титул (Д. И. Курлятев, Д. И. Немого, М. П. Репнин, И. Ю. Кашин), другие были видными воеводами (И. И. Кашин, А. В. Ногтев, Д. Ф. Овчинин, Д. Ф. Щепин-Шевырев и др.). Лишь немногие из Оболенских князей служили по уездам. Трое из них (князья Тюфякины) были сосланы в Казань».

Вот что пишет по этому поводу историк Р. Скрынников в книге «Начало опричнины».

«После заточения в монастырь главы Избранной рады князя Д. И. Курлятева (Оболенского – С. В.) его многочисленная родня длительное время сохраняла прочные позиции в Боярской думе. Ни один знатный род не имел столько представителей в думе, сколько имели князья Оболенские. После Полоцкого похода в думе заседали бояре Д. И. Немого, прославленные воеводы князья В. С. Серебряный, М. П. Репнин и Ю. И. Кашин, боярин князь П. С. Серебряный и кравчий князь П. И. Горенский. Особое раздражение царя вызывали двое из них — князья М. П. Репнин и Ю. И. Кашин. Эти бояре вошли в думу в период «всевластия» Курлятева и Сильвестра. В 1562—1563 гг. они ходатайствовали за

опальных удельных князей Бельского и Воротынского. Оба отличились при осаде Полоцка. Князь М. П. Репнин руководил бомбардировкой крепости, решившей исход осады.

После похода царь Иван искал примирения с Оболенскими и в особенности с князем М. П. Репниным, прославившимся под Полоцком. Однажды он пригласил боярина во дворец на веселый пир со скоморохами и ряженными, «хотя ще бо его тем аки в дружбе себе присвоите». Когда все изрядно подвыпили, царь и его приятели пустились плясать со скоморохами. Подобная непристойность шокировала ревнителя благочестия князя Репнина. Ко всеобщему смущению боярин прослезился и стал громко корить и увещевать Ивана, «иже не достоит ти, о царю християнскии, таковых творити!» Царь пробовал урезонить строптивца и попросил его: «веселися и играй с нами!». Он попытался надеть маску на нелюбезного гостя, но тот, забыв приличия, растоптал «мошкару» ногами. Ссылаясь на свой боярский сан, он заявил: «Не буди ми се безумие и безчиние сотворити в советническом чину сущу мужу!» В сердцах Иван велел вытолкать упрямого боярина взашей за двери. Попытка примирения с Оболенскими князьями закончилась неслыханным скандалом, о котором на другой день знала вся столица.

Через месяц после смерти Макария правительство Грозного нанесло Боярской думе жестокий удар. Некоторые из ее членов подверглись аресту. Двое бояр (М. П. Репнин и Ю. И. Кашин) были убиты без суда и следствия. Впервые после времени боярского правления смертной казни подверглись члены высшего органа государственной власти.

Подлинные причины казни бояр Оболенских могут быть установлены лишь предположительно. Обратимся прежде всего к хронологии событий. Князь М. П. Репнин был арестован царскими слугами во время всенощной в церкви и убит на улице ранним утром 31 января 1564 г. Князь Ю. И. Кашин был убит спустя несколько часов во время утренней молитвы».

Константин Маковский.
Князь Репнин на пиру у Ивана Грозного. Эскиз.

Следующий удар пришелся по князьям суздальским, ярославским, ростовским — то есть по наиболее древним княжеским старорусским родам Владимиро-Суздальского княжества, которые, собственно, и были столпами Московского государства. Их просто сгоняли, как баранов, с древних вотчин и насильно отправляли в ссылку. А те, судя по данным официальной истории, и не сопротивлялись… А их землями и их имуществом распоряжались теперь опричники.

Объединяет между собой эти события то, что удар наносился по древнейшим княжеским родам, которые издавна занимали в правительственных кругах Московского государства главенствующие места. И, как мы увидим в дальнейшем, опричники приложили немало усилий, чтобы снести именно эти боярские головы с плеч долой, расчищая дорогу к власти, с одной стороны, старомосковскому боярству из клана Радшичей, а также — опьяненной этим же желанием молодой княжеской родовой поросли, готовой сметать все на своем пути, переступая через родовые традиции и родовую честь… Поэтому

отбрасывать версию о борьбе опричников с княжатами исторически неверно – именно Опричнина, уничтожив на корню старших представителей боярских родов, открыла оперативный простор для многих младших поколений старинных родов, которые до этого прозябали в неизвестности, создавая, по сути, во время Опричного террора новую политическую элиту.

И скоро мы увидим с вами, что число «безродных» опричников начинает постепенно обрастать этой самой молодой княжеской порослью.

Откуда ни возьмись, появляется в Ордене князь Вяземский, штатный каратель и убийца, и восемь его столь же худородных родственников. Ярославские младшие князья Сицкие, Хворостинины, Охлябинины, Засекин-Жирового, Морткин… Темкины-Ростовские, Приимковы-Ростовские… Барятинские – из захудалой ветви черниговских князей… Барбашин из младшей ветви суздальских князей. Князь Телятевский из Микулинского рода… Князья Щербатые из младших князей Оболенских… Козловские из младшей захудалой ветви смоленских князей…

Князей Сицких и Телятевских можно выделить особо. Это ближняя и дальняя родня Захарьиных.

А теперь попробуем посчитать, сколько Радшичей (по П. Петрову) насчитывает В. Б. Кобрин в своей книге «Опричнина. Генеалогия. Антропонимика».

Старшие ветви:

Род Кобылиных – это Захарьины (Яковлевы и Юрьевы, идеологи), Колычевы Умные.

Средние ветви:

Род Бяконта (Бякоты) – Плещеевы, Басмановы-Плещеевы (центровые фигуры), Очина-Плещеевы, Охотины-Плещеевы, Колодка, Павлиновы, Бяконтовы.

Младшая ветвь Ратшичей – Пушкины, Бобрищевы-Пушкины, Курчевы-Пушкины, Бутурлины, Головленковы, Мятлевы-Слизневы (из Свибловых), Третьяковы, Чеботовы… (этот список можно пополнить еще Товарковыми и Челядниными).

Добавим сюда еще клан Салтыковых (потомков Миши Прушанина – бояр Морозовых и Тучковых – еще дочь

Опричник

Ивана Морозова-Тучка была замужем за воеводой Юрием Захарьевичем Захарьиным-Кошкиным), и картина получится весьма неприглядной: ядром Опричнины, тем самым Орденом кромешников, о котором рассказывают нам историки, были именно Радшичи всех трех родовых ветвей. И этот тайный сатанинский Орден, по всей видимости, сформировался задолго до описываемых событий – и совершенно не случайно на протяжении нескольких веков Кошкины-Голтяевы-Захарьины-Юрьевы-Яковлевы-Романовы неудержимо рвались к власти…

Это подтверждает и известный историк Руслан Скрынников: «Ослабление княжеской знати неизбежно выдвигало на политическую авансцену слой правящего боярства, стоявший ступенью ниже. К нему принадлежали старомосковские боярские семьи Челядниных, Бутурлиных, Захарьиных, Морозовых, Плещеевых. Они издавна служили при московском дворе и владели крупными вотчинами в коренных московских уездах. Некогда они занимали первые места в думе, но затем вынуждены были уступить позиции титулованной знати».

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Террор в стране был развязан опричниками после так называемого «Заговора конюшего И. П. Федорова» в 1567 году.

А до этого на Соборе 1566 года представители Земщины выразили свой единодушный протест против Опричнины. И это было грозным предупреждением. А может быть, уже началом боевых действий…

В этом же году, сразу после Земского Собора, митрополитом Московским и всея Руси был избран Филипп (Федор Степанович Колычев) – участник Старицкого «мятежа» 1537 года, игумен Соловецкого монастыря.

А потом случилось вот что: «Летом 1567 г. … Неосторожными и двусмысленными речами насчет пострижения в монахи Иван дал богатую пищу для всевозможных нежелательных толков в земщине, ободривших оппозицию. Толки эти поддерживались также слухами, будто царь и его ближайшее окружение ведут в слободе монашеское житье, как бы примеряясь к монастырской жизни. Всем памятно было первое отречение Грозного, и потому главным предметом споров в земщине стал вопрос: кто займет престол в случае вторичного отречения Грозного и пострижения его в монахи. Законному наследнику исполнилось 13 лет. Но противники царя не желали видеть его на троне. При нем Грозный имел возможность в любой момент покинуть монастырь и вновь взять бразды правления в свои руки» (М. М. Кром).

То есть ко всему прочему, опять же, через 14 лет, повторяется ситуация 1553 года.

И если придерживаться версии о том, что Иван IV-Василий Блаженный действительно умер десять лет назад, то спрашивается: кто же правил все эти годы страной?

Опричники. Художник Николай Неврев. Официальная версия казни Ивана Федорова-Челяднина: с ножом Иван Грозный, на троне — конюший Челяднин.

И почему именно к этому времени Опричнина, расширяя свои территориальные владения, обрастает дополнительной военной силой и строит новые крепости? Против кого?

Почему при этом в стране, судя по многочисленным историческим исследованиям, творится «тишь да гладь», когда без суда и следствия, без решения Боярской думы казнят бояр?

Я думаю, что не было никакой «тишины» в стране, а уже шла гражданская война. Память о ней была не выгодна для царей Романовых. Она раскрывала правду их продвижения к верховной власти. Кровавую, неприглядную, отвратительную, омерзительную правду…

И как ни скрывали карамзины и прочие историки от нас действительные события и действительную подоплеку этих событий, «уши» былых событий все-таки торчат.

Особенно выразителен, на мой взгляд, «заговор» конюшего Ивана Петровича Федорова.

Александр Новоскольцев. После нападения опричников

«В силу древней традиции конюшие-бояре занимали более высокое положение, нежели дворецкие. Помимо того, они обладали некоторыми особыми прерогативами в качестве старших бояр старомосковской Боярской думы. По словам папского посла в России Антония Поссевина, конюшие-бояре Московского государства обладали правом выбора царя, когда трон остается вакантным. По-видимому, конюшие бояре выступали как полновластные и полномочные представители Боярской думы в период, когда страна оставалась без правителей. Иначе говоря, они исполняли функции блюстителей великокняжеского престола в периоды междуцарствий. Возможно, что именно в связи с этим обстоятельством малолетний великий князь Иван воспитывался в семье конюшего И. И. Челяднина» (М. М. Кром).

То есть роль Федорова-Челяднина (Челядниной была его жена, фамилию которой он принял вместе с наследственным титулом конюшего) в этот период, когда в царстве происходит очередное «затмение», играет исключительную по важности роль для руководителей Опричнины.

И в это же самое время происходит другой процесс – начинают один за другим выбывать члены команды князя Владимира Старицкого: «Однако влияние Старицких

в Боярской думе заметно ослабло после заточения в монастырь волевой и энергичной кн. Ефросиньи Старицкой, удаления из думы ее родственников бояр кн. И. А. Куракина и кн. П. М. Щенятева, ссылки кн. П. А. Куракина, а также ликвидации Старицкого удела в традиционных границах и роспуска удельного двора» (М. М. Кром).

Все это говорит только о том, что идет борьба за власть и опричники явно побеждают – перевес сил в этот период явно в их пользу.

И вдруг наносится удар по самому важному звену в этой борьбе – по престоблюстителю.

Его казнят. Но кому выгодна эта казнь?

Только не Ордену кромешников.

Он их человек. Он Челяднин. Он Радшич.

Следовательно, этот удар наносит по головной фигуре Ордена именно Земщина, вступая в открытый бой с опричниками. И тогда становятся понятно многое – почему именно в 1567 году не только встал вопрос об отречении царя от престола, пострижении его в монахи, но даже и о бегстве его за границу – он вдруг запросил политическое убежище у королевы Англии…

«Согласно записи Дженкинсона (английского посла – С. В.), Грозный предложил послу военный союз и просил королеву в случае «беды» предоставить ему убежище в Англии «для сбережения себя и своей жизни, и жить там и иметь убежище, без опасности, пока беда не минует, бог не устроит иначе» (М. М. Кром).

Пока беда не минует…

А эта «беда», по-видимому, и началась с сокрушительного разгрома войск боярина Федорова и его казни.

Если несколько подсократить описание этого «разгрома» по Р. Скрынникову и ввести в оборот слова «противники Федорова», то получается следующая картина: «… (противники Федорова) подвергли вооруженную свиту конюшего и его челядь беспощадному истреблению. (Противники Федорова) совершили несколько карательных походов во владения Челяднина. Записи Синодика позволяют восстановить картину первых <…> погромов во всех деталях. Ближние вотчины конюшего разгромил

Иван Грозный показывает свои сокровища английскому послу Горсею. Художник Александр Литовченко. 1875 г.

Малюта Скуратов. <…> После разгрома ближних вотчин настала очередь дальних владений. Челяднин был одним из богатейших людей своего времени. Ему принадлежали обширные земли в Бежецком Верху, неподалеку от Твери. <…> При разгроме боярского двора (противники Федорова) посекли боярских слуг саблями, а прочую челядь и домочадцев согнали в сарай и взорвали на воздух порохом. Об этих казнях повествует следующая документальная запись Синодика: «В Бежецком Верху отделано <…> людей 65 человек да 12 человек скончавшихся ручным усечением».

Погром не прекращался в течение нескольких месяцев — с марта по июль. Летом (противники Федорова) подвели своеобразный итог своей деятельности со времени раскрытия «заговора». «Отделано 369 человек и всего отделано июля по 6-е число» (1568), — читаем в Синодике. Примерно 300 человек из указанных в «отчете» были боярскими слугами и холопами. Они погибли при разгроме вотчин».

Боярские «слуги и холопы» – это боярские войска. Поэтому и боевые действия велись несколько месяцев и, вероятно, с переменным успехом.

«При разгроме «заговора» Челяднина пролилось значительно больше крови, чем в первые месяцы опричнины. На основании записей Синодика можно установить, что с конюшим погибло до 150 дворян и приказных людей и вдвое большее число их слуг и холопов» (Р. Скрынников).

И это уже было действительно «бедой»...

Вопрос: для кого?

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Началу боевых действий со стороны Земщины должны были предшествовать какие-то важные внутригосударственные события.

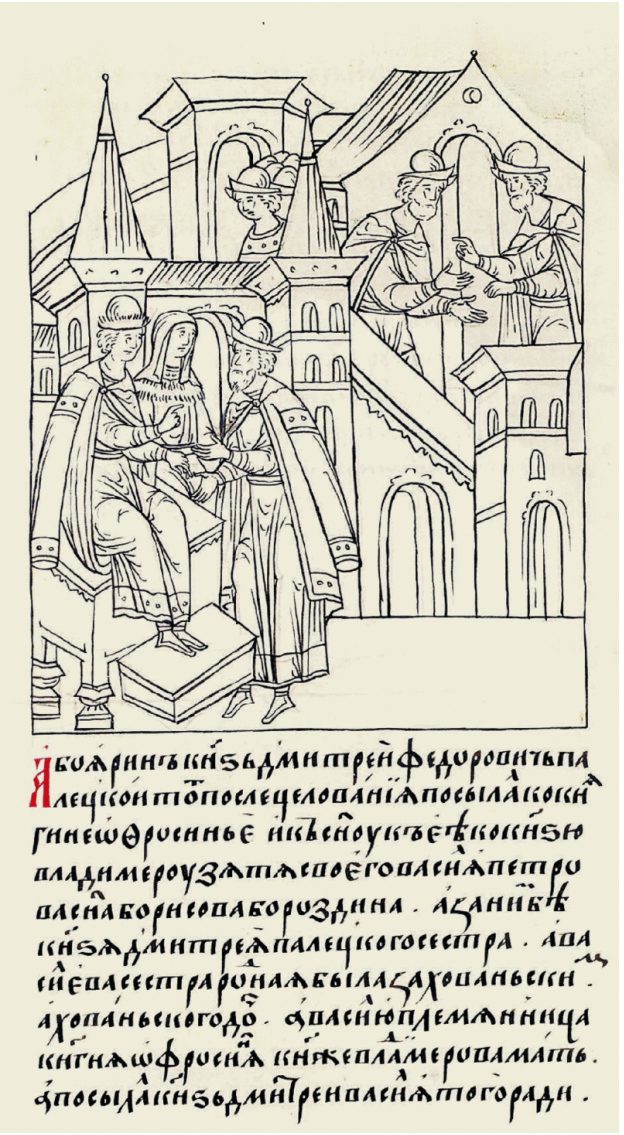
В мае 1563 года княгиня Ефросинья Старицкая-Хованская была насильно пострижена в монахини под именем Евдокии. То есть в правительстве уже были сформированы силы, способные на такие активные действия. Но для ее «береженья» велено «у неё в монастыре бытии Михаилу Ивановичу Колычеву».

Эта информация очень важна для нашего рассказа, так как она напрямую связана с делом о «заговоре» Челяднина.

Вот как выглядят эти события в интерпретации Руслана Скрынникова:

«Невозможно поверить тому, что все казненные были участниками единого заговора. Подлинные сторонники Старицкого, названные в летописных приписках, уже покинули политическую сцену. Что же касается Челяднина, то он в 1553 г. выступал противником князя Владимира. Окольничий Михаил Колычев также доказал свою лояльность в деле Старицких. Недаром он был послан в Горицкий монастырь для надзора за Евфросиньей тотчас после ее пострижения.

Обвинения насчет связей с «крамольным» князем Владимиром служили не более чем предлогом для расправы с влиятельными боярами, способными оказать реальное сопротивление опричной политике. Пытки открыли перед властями путь к подтверждению вымышленных обвинений. Арестованных заставляли называть имена «сообщников». Оговоренных людей казнили без суда. Исключение было сделано только для конюшего Ивана Федорова и Михаила Колычева. Но их суди-

Посланники к Ефросинье во время болезни царя в 1553 г., но княгиня была непреклонной, каковой и оставалась всю свою жизнь

ли ускоренным судом. Царь собрал в парадных покоях Большого Кремлевского дворца членов думы и столичное дворянство и велел привести осужденных. Конюшему он приказал облечься в царские одежды и сесть на трон. Преклонив колена, Грозный напутствовал несчастного иронической речью: «Ты хотел занять мое место, и вот ныне ты, великий князь, наслаждайся владычеством, которого жаждал!»

Шлихтинг, Таубе и Крузе одинаково свидетельствуют, что экзекуцию начал сам царь, ударивший боярина ножом. По приказу самодержца земские и опричники, присутствовавшие в зале, стали наносить новые удары по телу, даже когда он перестал подавать признаки жизни. Впервые царь своей рукой покарал «изменника» и, более того, принудил придворных участвовать в публичной расправе.

Труп убитого протащили за ноги по всему Кремлю на площадь и бросили на всеобщее поругание в навозную яму на берегу Неглинной.

Главным сообщником Федорова был назван окольничий Михаил Колычев, разделивший его участь. Вместе с ним были убиты трое его сыновей».

И мы безоговорочно верим сегодня мерзавцам-иностранцам в ущерб исторической логике, отметая все сомнения.

Вот что интересно: «В начале 1566 г. у князя Владимира Андреевича, главного, по мнению царя, виновника крамолы, были переменены все земли его удела: вместо Старицы, Алексина он получил Боровск, вместо Вереи и замосковных волостей — Дмитров, Звенигород и Стародуб Ряполовский, т. е. старинные удельные земли, разбросанные в различных частях государства».

Кто-то при этом считает, что со Старицким поступили плохо. Но, по сути, – князю Владимиру Андреевичу вернули земли, которые когда-то требовал его отец – Дмитровское удельное княжество. То есть была восстановлена историческая справедливость.

Затем 28 июня – 2 июля 1566 года состоялся Земский Собор, на котором было высказано требование о прекращении Опричного террора.

Земский собор

После этого в июле 1566 года последовало избрание Филиппа (Колычева) митрополитом Московским и всея Руси.

Вот как это объясняет Р. Скрынников: «На соборе присутствовал земский окольничий Михаил Иванович Колычев — троюродный брат Филиппа — и двенадцать представителей рода Колычевых. Столь широкого представительства не имела ни одна боярская фамилия. Филипп оказался приемлемой кандидатурой как для земщины, так и для опричнины. Одним из руководителей опричной думы стал его двоюродный брат — боярин Федор Умной-Колычев».

И это правда – братья Василий и Федор Умные Колычевы, сыновья Старицкого дворецкого Ивана Ивановича Колычева Умного Лобанова, подвергнутого за верность Старицкому князю торговой казни и тюремному заключению, оказались в стане Захарьиных и вместе с ними впоследствии разделили их общую судьбу.

Но вот с остальными Колычевыми, какие исторические конструкции не пытался создать Руслан Григорье-

вич Скрынников, притягивая их за уши к опричникам, ничего толкового не получилось. И не могло получиться – потому что по определению не вписывались Колычевы в ту историческую картину, которую создавали последователи Карамзина.

Итак, Р. Скрынников: «Казнь Федорова не имела характера единичного акта. Опричники произвели расправу со всей оппозицией внутри Боярской думы. Казни подверглись те ее члены, которые сочувствовали конюшему Федорову и могли оказать поддержку опальному митрополиту. Опричники произвели казни одновременно в столице и провинциальных городах по заранее составленному списку. В синодике мы находим следующую документальную запись относительно этих расправ: «Отделано: Ивана Петрович Федоров, на Москве отделаны Михайла Колычев да три сына его: Боулата, Симеона, Миноу. По городам: князь Андрей Катырев, князя Федора Троекуров, Михаила Лыкова с племянником». Согласно свидетельству очевидцев (все тех же иностранных легионеров-мерзавцев – С. В.), окольничий М. И. Колычев погиб в Москве в один день с Федоровым, прочие же лица были казнены «по городам»: боярин кн. А. И. Катырев — в Свияжске, кн. Ф. И. Троекуров — в Казани, окольничий М. М. Лыков — в Нарве.

Окольничий М. И. Колычев был ближайшим сподвижником конюшего в думе. Они вместе выручили из ссылки кн. М. И. Воротынского весною 1566 года. Вскоре после того Колычев присутствовал на Земском соборе, а затем через год вошел в боярскую комиссию, ведавшую Москвой. От службы М. И. Колычев был отстранен не ранее 17 июня 1568 г. Как и другие Колычевы, опальный окольничий был связан традиционными узами с домом Старицких. Когда в 1563 г. кн. Е. Старицкая была пострижена в монастырь, с ее согласия для «бережения» к ней был приставлен М. И. Колычев. М. И. Колычев приходился троюродным братом опальному митрополиту Филиппу, и правительство весьма основательно опасалось, что в случае суда над Филиппом окольничий, подобно Федорову, выступит в защиту главы церкви. Все это и ре-

шило судьбу М. И. Колычева. По свидетельству очевидцев Таубе и Крузе, «Ивана Петровича (Федорова. — Р. С.), Михаила Колычева заколол он (царь. — *Р. С.*) сам в большой палате...». Видимо, М. И. Колычев был убит в Кремлевском дворце в день судилища над И. П. Федоровым.

Голову М. И. Колычева царь велел зашить в кожаный мешок и отвезти к митрополиту Ф. Колычеву в монастырь Николы Старого. Таким путем он думал запугать Филиппа, «преломить его душу» накануне суда.

«Каких-либо специальных гонений на Колычевых, — пишет А. А. Зимин, — в годы опричнины не было». Такое мнение едва ли справедливо. Курбский весьма определенно писал, что царь «погубил род Колычевых, ...а побил их тое ради вины, иже разгневался зело на стрыя их Филиппа архиепископа, обличающа его за презлыя беззакония». В связи с делом Федорова погибло по крайней мере шестеро Колычевых, среди них окольничий М. И. Колычев и старейший воевода И. Б. Колычев. Колычевы были полностью изгнаны из земской Боярской думы, их влияние в значительной мере подорвано».

Насчет «ближайшего сподвижника» Руслан Григорьевич не просто преувеличил – он изменил исторические полюса. Кроме братьев Умных никто из Колычевых не был членом Ордена кромешников, а вот в руководстве Земщины Колычевых (по Кобрину) был добрый десяток.

Судя по всему – Колычевых казнили именно в отместку за расправу Земщины с конюшим-престолоблюстителем Челядниным-Федоровым. И именно поэтому голову Михаила Ивановича отправили в монастырь низложенному митрополиту Филиппу, благословившего Земщину на войну с сатанинским Орденом, который он, по всей видимости, публично проклял.

Потом эти разные по своему значению (и исторической направленности) события сконструировали в нечто единое.

Мы еще раз обращаем внимание своих читателей на тот факт, что понятия родовой чести, родовой ответственности, родовой связи были для тех времен СВЯ-

ЩЕННЫ. А брачные союзы были политическими союзами, которые позволяют нам и через столетия разглядеть реальную политическую картину той эпохи, о которой здесь идет речь.

К этому мы еще вернемся.

А пока приведем еще одну цитату. На это раз выскажется современник тех кровавых событий – князь Андрей Михайлович Курбский (извлечение из шестой главы «Истории о великом князе Московском», которая так и называется «О казнях бояр» — и обратите внимание! — он ни словом не обмолвился при этом о страшном погроме боярского двора царского конюшего Ивана Федорова-Челяднина, точно этой царской казни не существовало в природе):

Об «избиении» княжеских родов. О первых казнях: родные и знакомые А. Адашева и Сильвестра; Мария Магдалина Ляховецкая, Иоанн Шишкин, Данила, единоутробный брат Алексея Адашева с сыном Тархом, Петр Туров, Федор, Алексей и Андрей Сатины; князь Дмитрий Овчинин; князь Михаил Репнин; князь Юрий Кашин; его брат Иоанн; князь Дмитрий Шевырев; князь Петр Оболенский Серебряный; князь Александр Ярославов; князь Владимир Курлятев; князь Александр Горбатый с единственным сыном своим Петром; Петр Ховрин; князь Дмитрий Ряполовский; князья ростовские: Семен, Андрей и Василий с друзьями; Василий Темкин; князь Петр Щенятев и соплеменники-братья: Петр и Иоанн; князья ярославские — князь Львов и других того же племени немало; Иоанн Шаховской; князья Василий и Александр Прозоровские и другие княжата этого рода; князья Ушатые со всей родней; князья рязанские — князь Иоанн Пронский, князь Василий Рыбин. Убито около двухсот благородных мужей, известных воинов; а также: Владимир, двоюродный брат Иоанна, с матерью Ефросиньей, княжной Хованской, Евдокия, княжна Одоевская, и два ее сына-младенца; князь Михаил Воротынский и князь Одоевский с двумя детьми-младенцами и с женой».

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Позже, когда уже раны на теле государства, нанесенные Опричниной, зарубцуются, будут занесены в Синодик имена людей, погибших на поле брани. И имена опричников, и имена тех, кто им противостоял.

А в итоге случилось то, что случилось – историки смешали их всех в одну однородную массу, из которой потом извлекают, в соответствии со своими «соображениями», те или иные удобные для использования исторические конструкции.

При изучении материалов об истории рода бояр Колычевых я познакомился со многими работами историков. Особенно с трудами А. А. Зимина, которые произвели на меня огромное впечатление. Для Александра Александровича во главе угла его исследований первичным всегда был господин факт.

Но его выводы о судьбе рода бояр Колычевых в той страшной кровопролитной схватке за власть со своими однородцами Радшичами меня несколько смутили.

Никто в истории еще не назвал временем эффективного правления в Московском царстве время правления Ефросинии Старицкой. И сейчас эти слова для многих звучат, как некая глупость. А вот то, что Московским государством мог править в этот самый момент некий доселе безвестный и почти безродный Алексей Адашев и поп Сильвестр – и не просто править, а проводить в жизнь замечательные государственные реформы, руководить деятельностью Избранной Рады, — это в глазах историков не выглядит исторической нелепостью.

Алексей Адашев был другом детства царя Ивана Васильевича и князя Владимира Андреевича, так как при дворе служил его отец, и, скорее всего, он сблизился с ца-

Адашев Алексей Федорович («Тысячелетие России»)

рем благодаря человеку, который занял при царе место его матери, — княгине Ефросинии Андреевне. Вот как раз в этом нет ничего удивительного…

Царь Иоанн Грозный и иерей Сильвестр во время большого московского пожара 24 июня 1547 г.
Художник Павел Плешанов

И священник Сильвестр стал царским духовником по рекомендации княгини Ефросинии Старицкой, которая не только на царской свадьбе заняла место матери царя, но и, по всей видимости, и в жизни Ивана Васильевича, почему он столь благоговейно относился к своему двоюродному брату и доверял ему БЕЗОГОВОРОЧНО.

«Все сведения о юношеском возрасте В. А. без всяких противоречий сходятся на том, что в эту пору он был в самых дружественных отношениях с Иоанном, который ласкал и чтил его, а в государственных указах его имя присоединял к своему. «Мы уложили с братьями и с боярами»... — так обычно начинались многие, иногда важные государевы указы в это время, причем под братьями разумелись В. А. и родной брат Иоанна, Юрий Васильевич. Близость В. А. к Иоанну подтверждается также и тем, что он сопровождал молодого государя почти во всех его увеселительных поездках, на охоту, при осмотре монастырей и пр. Так, в 1536—1537 гг. он был с царем во Владимире, Можайске, Волоке, Ржеве, Твери, Новгороде, Пскове; бывали случаи, когда Иоанн отсылал в Москву всех остальных своих приближенных, при себе же оставлял только В. А. и с ним отправлялся в какой-нибудь монастырь. В 1547 г. В. А. был в тысяцких на свадьбе царя с Анастасией Романовной Захарьиной, а в 1549 г., во время первого казанского похода, он был оставлен «блюсти» Москву, что свидетельствует о высоком доверии к нему государя» («Русский биографический словарь» А. А. Половцова).

И это не все – от имени царя Ивана Васильевича князь Старицкий возглавлял войска в Казани и лично ему Иван Васильевич вручал награды.

Вот как описывает эти события автор очерка «Владимир Старицкий – воевода XVI века» Александр Шитков:

«…согласно версии официальной летописи, именно князь Владимир Старицкий возглавил русские войска и привел их к долгожданной победе. А сам царь Иван Васильевич в это время пребывал на службе в полотняной церкви и долго молился за победу русского оружия. Когда его известили о начавшемся штурме, то он ответил: «А ще до конца пения дождем да съвършенную милость от Христа получим». После моления царь сел на коня и выехал к войску, то «знамена христианские» были уже на стенах «градных». Интересно, что ту же версию мы находим и в ряде литературных текстов, вышедших из духовной среды: «Степенной книге», со-

Взятие Казани

ставленной при участии царского духовника Андрея, будущего митрополита Афанасия, в Чудовом монастыре, в повестях о взятии Казани Троицкого старца Адриана Ангелова.

Через проломы воины большого и передового полков ворвались в город. На узких и кривых улицах города произошла кровопролитная сеча. Татарская столица пала.

В тот же день, после того как одну из улиц города удалось очистить от трупов, Иван Грозный въехал в Казань и остановился в ханском дворце. Русский царь перед лицом поздравлявших его воевод вынужден был признать действительных героев взятия Казани: «Бог сиа содеял твоим, брата моего, попечением и всего нашего воиньства страданием».

Почти то же повторил он в своей речи перед митрополитом и всем Освященным собором по въезде в Москву в Сретенском монастыре. Там он объяснил победу Божьей милостью, а «такоже попечением и мужеством

Взятие Казани Иваном Грозным

и храбростию брата нашего князя Владимира Андреевича и всех наших бояр и всего… воиньства тщанием и страданием». На что в поздравлении царю удельный князь Владимир Старицкий отвечал: «И впред у Бога милости просим умножити лета живота твоего, и покорит всех съпостат твоих под нозе твои и дасть ти сынове, наследники царству твоему, да и в тишине и покои поживем». Но о покое, как покажут дальнейшие события, современникам царя Ивана Грозного оставалось только мечтать.

В честь победы в Москве в Грановитой большой палате царь Иван Грозный устроил торжество: «… и в те три дня государь раздал казны своея, по смете казначеев за все деньгами, платья, судов, доспеху и коней и денег, опричь вотчин и поместий и кормлений, 48 000 рублей…», боярам и воеводам, которые с ним «мужествовали в бранех». А брата своего, старицкого князя Владимира Андреевича, государь жаловал «шубами, и великими фрязскими кубками, и ковшами златыми…».

Взятие Казани

Будем объективны – князь Владимир Старицкий в силу своего возраста не ковал военную победу. Князь Старицкий, будучи братом царя, был для царя и его подданных символом Казанской победы.

Историки анализируют соотношение политических сил при формировании Боярской Думы в этот период и констатируют тот факт, что по некой неведомой им причине установился здесь четкий баланс сил между партией старомосковских бояр и партией княгини Старицкой-Хованской.

Почему в течение многих лет старомосковское боярство, возглавляемое Захарьиными, пользуясь своим БЕЗУСЛОВНО ОГРОМНЫМ влиянием ближайших родственников царя, не смогли разрушить этот баланс?

Какая сила могла в это время противостоять политической воле искушенных в борьбе за власть потомков Федора Кошки?

Только воля княгини Старицкой, обладавшей еще большим влиянием на царя, чем Захарьины, и сумевшей собрать в свою команду лучшие по тому времени силы.

В 1553 году именно эти политические силы отказали Захарьиным во власти. И те тогда ЕЩЕ не смогли отомстить…

И только после смерти царицы Анастасии Романовны, последовавшей 28 июля 1560 года, произошел политический перелом и началось последовательное уничтожение членов партии княгини Старицкой. Вполне вероятно, что именно с этого периода начинают происходить и первые боевые столкновения Ордена кромешников с неугодными им боярами из числа сторонников князя Старицкого и начинают формироваться войска Ордена – те самые опричники.

И вот еще один интересный момент, на который обращает внимание своих читателей Александр Шумейко:

«Взятие Полоцка было самой крупной победой русской армии в Ливонской войне. Русская армия заняла ключевую крепость на Западной Двине, в устье которой находился крупнейшей ливонский порт Рига.

Как ни странно, но именно в это время обострились взаимоотношения между царем Иваном Грозным и князем Владимиром Старицким. Оказывается, в дни Полоцкого похода 1562 года произошли события, усилившие недоверие властей к старицкому удельному князю. На сторону литовцев перешел знатный боярин Б. Н. Хлызнев-Колычев. Изменник «побеже ис полков воеводских з дороги в Полтесг и сказа полочаном царев и великого князя в Полтеску с великим воинством и многим народом». Побеги стали обычным явлением того времени, так как многие из беглецов были жертвами преследований и искали за рубежом спасения. Перебежчик выдал важные сведения о планах русского командования, которые немедленно же были переданы полоцкими воеводами литовскому правительству.

Семья Хлызневых-Колычевых издавна служила при дворе старицких князей, вот почему измена Б. Н. Колы-

чева бросила тень на князя Владимира Андреевича, и царь, по-видимому, решил учредить за семьей двоюродного брата надзор. Сразу после падения Полоцка в Старицу к Ефросинье, матери князя Владимира, выехал с «речами» Ф. А. Басманов-Плещеев, новый фаворит царя, пользовавшийся его исключительным доверием. Когда 3 марта 1563 года князь Владимир Андреевич выехал в свою удельную столицу, его сопровождал царский пристав И. И. Очин, родня Басмановых. Внешне еще ничего не омрачало отношений между царем Грозным и его двоюродным братом Владимиром. В марте 1563 года царь по пути в Москву остановился в Старице и «жаловал» удельного князя, «у них пировал».

То есть снова в эпицентре династического конфликта находится род Колычевых.

Судя по данным историков, именно в этот период, когда конфронтация между Старицкими и Радшичами достигает своей кульминации, начинается массовый отход (побег) в Литву служилых людей.

Но бегство Богдана Никитича Колычева-Хлызнева осталось в истории как ключевое, хотя сам он такой ключевой фигурой никогда не был и ни о каких стратегических планах не мог он поведать другой стороне — ведь весь план русских заключался в очевидном – любой ценой взять Полоцк. И его взяли…

О Богдане Никитиче вспомнили много позже. Когда искали хоть какие-то зацепки, чтобы очернить князя Старицкого. Кстати, семья Богдана Никитича в последующем опричном терроре, в отличие от других представителей этого рода, почему-то не пострадала – мы прослеживаем его потомство до середины XIX века.

Обращает внимание на себя тот факт, что именно после взятия Полоцка Ордену удалось сконцентрировать у себя военные силы. Анализируя материалы книги В. Б. Кобрина, нередко отмечаешь в биографии многих опричников их связь с полоцким походом…

Вполне возможно, что в заговор Радшичей именно в это время, когда войска были сконцентрированы в одном месте, очень удобно было проводить агитацию и втяги-

вать в Опричный сговор все новых и новых будущих опричников, как правило, безымущих, которым были обещаны земли, чины, награды…

И русская армия после Полоцка возвращалась назад уже иной – расколотой на два враждебных лагеря, что и позволило Радшичам начать первые активные действия против Старицких.

«На другой день после падения Полоцка, — пишет Р. Скрынников, — он (глава Ордена кромешников? – С. В.) направил в Старицу доверенного дворянина Ф. А. Басманова-Плещеева с речами к княгине Ефросинье. Когда 3 марта 1563 г. князь В. А. Старицкий выехал из Великих Лук в удел, его сопровождал царский пристав И. И. Очин-Плещеев. Спустя три месяца, в июне, царь, будучи в слободе, объявил Старицким опалу».

Кстати, тогда становится понятным, почему романовские историки связывают с полоцкими событиями и дело о заговоре Федорова-Челяднина – якобы князь Старицкий донес царю на Федорова и других бояр о том, что они вступили в связь с враждующей стороной. Вполне возможно, что князь Старицкий, действительно, уже тогда заподозрил измену со стороны Радшичей и предпринял какие-то неизвестные нам действия, которые романовские историки попытались использовать против него самого. Вполне возможно, что и случай с Богданом Колычевым-Хлызневым из той же серии романовской лжеистории. Иначе как можно объяснить тот факт, что семья самого Богдана Никитича благополучно, в отличие от других Колычевых, прошла через репрессии?

Вполне возможно, что, приписывая Богдану Никитичу должности некоего «военного головы» и даже «возводя его в чин окольничего», чтобы придать солидности этой ничем не выдающейся личности и подчеркнуть важность информации, которую он мог бы иметь для передачи противнику, целились совершенно в другую мишень. И целились, по всей видимости, уже после Опричнины, когда Романовы замывали свои кровавые следы в истории.

Дело в том, что историки так до сего дня и не разобрались – чью же на самом деле голову принесли для устрашения низложенного митрополита Филиппа.

Вот вам и иная версия, нежели та, которую мы изложили выше:

«Иван (Борисович Хлызнев) Колычов с сыном Иваном были казнены по делу И. П. Федорова после 22 марта 1568 г. (Скрынников Р. Г. Царство террора. СПб., 1992. С. 330, 530–531). «Потомъ погубилъ родъ Колычовых, такоже мужей светлых и нарочитых в роде, единоплемяныхъ сущихъ Шереметевыхъ, бо прародитель их, муж свѣтлый и знаменитый, от немѣцкие земли выехал. Ему же имя было Михалъ, глаголют его быти с роду княжатъ рѣшкихъ. А побилъ ихъ тое ради вины, иже разгнѣвался зѣло на стрыя ихъ, Филиппа архиепископа, обличающа его за презлые безокония, о немже вкратце послѣди повемъ. И бысть тогда знамения не худо от Бога явлено над единым от тѣхъ, ему же имя было Иоанъ Борисовичъ Колычевъ. Чюдо же воистину такова, яко слышах [...] от самовитца, при том зрящего. Егда зѣло возъярился, паче же рѣщи, неистовился от неприятного врага человѣческого, бесовские сожителницы раждеженъ, яко прежде рекохъ, ѣздилъ, полилъ мѣста и веси, и дворы оного Иоанна Петровича со живущими в нихъ, тогда обрел храмину, глаголютъ, зело высоку, по их же обыкновенному слову нарицаютъ еѣ повалоша. В самых верхних коморахъ привязати повелѣл крѣпко оного предреченного мужа, и якъ пот тою-то храмину, тако и по-другие, близу тое стоящие, в них же бяше полно человѣковъ нагнано и затворенно, неколко бочекъ пороховъ повелѣлъ поставити и сам сталъ издалече в полкоустроенияхъ, иже под супостатнымъ градом, ожидающе, егда взорветъ храмину. Егда же уже взорвало и розметало не токмо тую храмину, но и другие близъ стоящие, тогда онъ со всеми кромѣшними своими, яко воистину бѣсной с неистовящимися, со всемъ онымъ полкомъ дияволскимъ, все вѣлѣгласно возопивьше, яко на брани супостатов, и аки пресвѣтлое одолѣние получиша, всеми уздами конскою скоростию расторганыхъ телѣсъ християнскихъ зрѣти поскочиша. Бо бѣ множество в тѣхъ храминах, под них же порохи подставлены быша, повяза-

ны и затворени быше. Тогда же потом, далече на полѣ, обретено того Иоанна, единою рукою привязана ко великому бревну, на земли цѣла сѣдяша, а ничем же нимало вредима, прославляюще Господа, творяще чюдеса, а тамо былъ ростягнены, связан рукама и ногама. Егда же сие исповѣдано кромѣшникомъ его, тогда единъ бесчеловѣчны и прелюты устремился и прибѣже прутко на конѣ первие к нему и видѣхъ его здрава и псалмы благодарные Господеви поюща, абие отсече ему саблею главу и принесе еѣ, аки даръ многоцены, подобному лютостию цареви своему. Онъ же абие повелѣл в кожаны мѣх зашити и послал еѣ ко стрыю его, архиепископу предреченному, заточенному в темницу, глаголюще: «Се, сродного твоего глава! Не помогли ему твои чары!» (Сочинения князя Андрея Курбского // Русская историческая библиотека. Т. 31. СПб., 1914. С. 299–300).

Итак, имя казненного – Иван Борисович Колычев Хлызнев.

Отец

Колычев Борис Хлызень Александров сын

Служебная биография

В феврале 1533 г. на свадьбе князя Андрея Ивановича и княгини Евфросинии Хованской нес изголовье княгини (Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 2. М., 1977. С. 237). В октябре 1549 г. воевода кн. Владимира Андреевича Старицкого в полку левой руки в войске в Коломне. В 1557/58 г. воевода кн. Владимира Андреевича в Калуге. В 1563–1564 г. воевода в Смоленске (Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 124, 168, 206, 213). Незадолго до 1562 г. Б. А. Колычев из удела был переведен на службу в Государев двор (Скрынников Р. Г. Царство террора. СПб., 1992. С. 159). Спал в стане государя, голова в становых сторожах из спальников, был в приставах у полоцкого владыки Арсения в Полоцком походе 1562/1563 г. (Книга Полоцкого похода 1563 г. (Исследование и текст) / Подг. текст К. В. Петров. СПб., 2004. С. 47, 77). Около 28 марта 1565 г. поручился с князьями и детьми боярскими крупной суммой денег в верности И. П. Яковлева. В 1565 г. первый воевода в Смоленске. Дворянин 1-й статьи на Земском соборе

25 июня–2 июля 1566 г. (Антонов А. В. Поручные записи 1527–1571 годов // Русский дипломатарий. Вып. 10. М., 2004. С. 48; Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 2. Ч. 1. М., 1981. С. 174–175; Собрание государственных грамот и договоров. Ч. 1. М., 1813. С. 549).

Землевладение

В 1586–1587 г. в Городском стане Медынского уезда за ним было 2 пустоши в поместье (полополчетьи и полполполтретьи сохи). За Иваном и Андреем Колычевыми названы поместья в Вяземском уезде в книгах 1594–1595 г. (Писцовые книги Московского государства XVI в. Ч. 1. Отд. 2. СПб., 1877. С. 707, 709, 847).

Этот материал был опубликован на сайте Санкт-Петербургского университета.

А вот что писал по этому же поводу историк А. А. Зимин:

«Старшая ветвь Колычевых-Хлызневых после гибели под Казанью в 1552 г. Никиты Борисовича ко времени опричнины была представлена Иваном Борисовичем и его сыном Иваном Ивановичем, подписавшими приговор Земского собора 1566 г.

Сын Никиты Хлызнева Богдан в январе 1563 г. бежал с поля боя в Литву, что, конечно, сыграло свою роль в трагической биографии его ближайших родственников. Этот побег, возможно, был связан с подготовлявшейся опалой на Владимира Старицкого (август 1563 г.). Хлызневы — близкие люди старицким князьям. Иван Борисович еще в 1533 г. присутствовал на свадьбе князя Андрея, в 1537 г. участвовал в его борьбе с войсками Елены Глинской, а в 1550—1558 гг. упоминался среди воевод его сына Владимира. Поэтому никто из Хлызневых не вошел в состав «избранной тысячи», ни в дворовые дети боярские. В августе 1563 г. Иван IV «взял в свое имя» бояр и детей боярских, которые «блиско жили» при князе Владимире Старицком, и «пожаловал их, которой же которого чину достоит». Так Хлызневы оказались в государеве дворе. И. Б. Хлызнев в конце 1563–1565 гг. занимает видное место среди царских воевод».

Иван Грозный и митрополит Филипп

И это очень важно – Иван Борисович Колычев Хлызнев участвовал в 1537 году в «борьбе с войсками Елены Глинской», как и Федор Степанович Колычев, будущий Святитель Филипп Московский, как и их новгородские родственники, повешенные по приказу Глинской.

Но А. А. Зимин категорически не согласен с мнением князя М. Курбского о том, чью отрубленную голову отправили для устрашения митрополиту Филиппу:

«В житии митрополита Филиппа говорится о казни М. И. Колычева, «брата его от родных», после низложения митрополита в 1568 г. Отождествляя этого Михаила Ивановича с окольничим М. И. Лобановым, Леонид и М. Л. Боде-Колычев усматривали в тексте жития ошибку, ибо Лобанов приходился не братом, а дядей Филиппу. Поэтому рассказ жития, по их мнению, не мог относиться к Михаилу Ивановичу. Они считают, что имя казненного родственника должно быть изменено в соответствии с

рассказом Курбского о гибели Ивана Борисовича Колычева.

Действительно, и в рассказе Курбского, и в Житии говорится о посылке Филиппу головы казненного родственника. Но нет оснований считать, что в житие вкралась ошибка. О казни Михаила Ивановича Колычева согласованно говорят три независимых друг от друга источника: Таубе и Крузе, синодики и Курбский, что дает гарантию достоверности этого факта. С Михаилом Ивановичем, очевидно, погибли его дети, а также бездетные двоюродные братья Иван и Василий Андреевичи. Казнен был, действительно, Михаил Иванович, но не Лобанов, а сын И. С. Хромого, приходившийся троюродным братом митрополиту Филиппу. Правда, по Шереметевскому списку он показан выбывшим только *в* 1570/71 г., т. е. после смерти Филиппа. Но, скорее всего, это — обычная для Шереметевского списка неточность. Последнее сведение о М. И. Колычеве отнесено к июню 1568 г. В родословцах трое братьев Михаила Ивановича (Иван, Петр и Федор Корелка) показаны бездетными. Возможно, что они также погибли с Михаилом в связи с делом митрополита Филиппа.

Узнав по слухам о страшной казни одного из родственников митрополита Филиппа, Курбский ошибочно отнес это сведение не к М. И. Колычеву, а к И. Б. Хлызневу, который также, как это стало ему известно, погиб в 1569 г.».

Но если мы откроем поколенную роспись рода бояр Колычевых, то увидим, что родоведы относят смерть М. И. Колычева Хромого, окольничего и казанского воеводы, вообще к 1571 году, ссылаясь на какие-то известные им документы.

При этом и Иванов Борисовичей Хлызневых, родных братьев, указывают в этих поколенных росписях сразу двух – Большого и Меньшого. Какого же из них казнили?

Называют еще одного Михаила Ивановича (или Богдановича – генеалоги не разобрались до конца) Колычева-Хлызнева-Осланова, или Ослана-Колычева, который по писцовым книгам значится владельцем по Новгороду. И он тоже значится как окольничий.

Но и это еще не все — был еще «Иван Борисович Колычев-Лобанов (ум. 1569), родной племянник св. Филиппа. Был обезглавлен в 1569 г. В Бархатной книге не значится».

Про Михаила Ивановича Колычева Хромого летописец рода бояр Колычевых барон М. Боде уточняет: «В Житии Святого сказано, что сия голова была Михаила Ивановича Колычева, брата двоюродного Св. Филиппа (повеле казнити брата его «от родных»), но у Св. Филиппа не было двоюродного брата Михаила Ивановича, а родной брат отца его боярина Степана Ивановича назывался Михаилом Ивановичем, голова же была племянника его Ивана Борисовича Колычева».

И в другом месте: «Он погиб смертию мученика, воспевая псалмы; после жестоких истязаний ему отрубили голову саблею и поднесли царю Иоанну Васильевичу, который велел ее свезти к Филиппу, показав, сказать: «се сродника твоего голова, не помогли ему твои чары». Царь же повелел (главу) в кожаный мешок зашити».

Этот Иван Борисович Колычев действительно родной сын родного брата Святителя – Бориса Степановича Колычева. Но он не был окольничим.

Итак, кому же верить?

Но вот именно с этого момента — с появления сомнения — и начинается самое интересное.

Дед Святителя был одной из крупных политических фигур своего времени: Иван Андреевич Колычев-Лобан (ум. 9.03.1502). Боярин и наместник Новгородский. Посол в Крым. Убит ливонцами в Иван-городе 9 марта 1502 г.

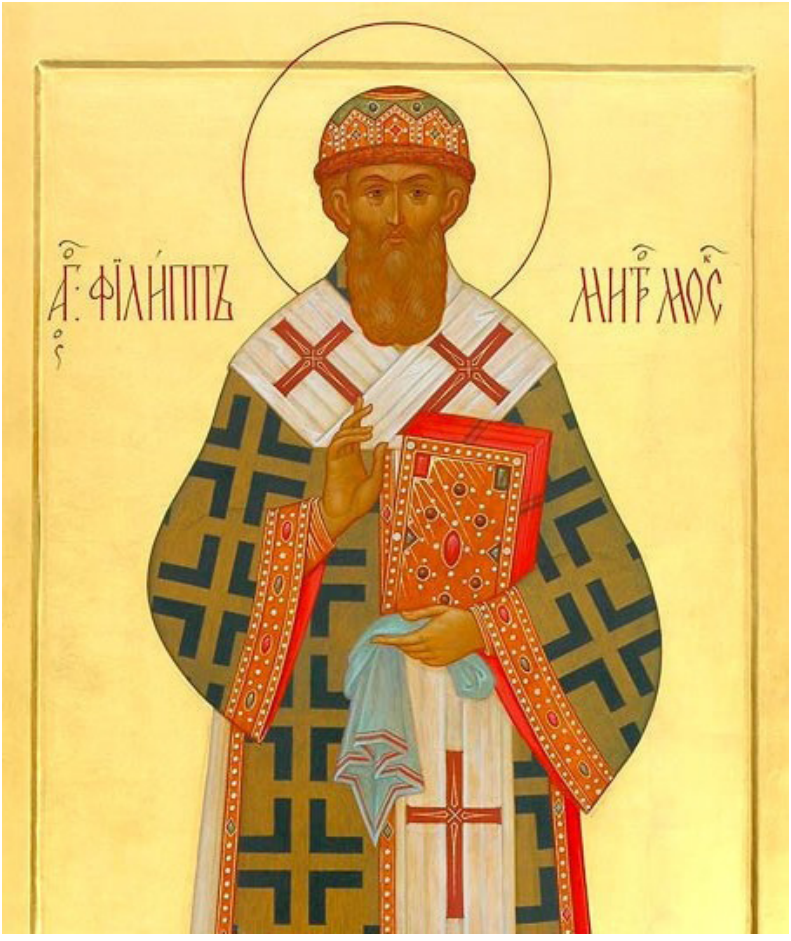
Его отец — Андрей Федорович Колычев, который был убит в 1445 при вел. князе Василии Васильевиче Темном в Суздале за веру «казанским царем Мамотекой или Мамушкой». Это второе и третье поколения от Федора Колыча.

Дети Ивана Андреевича Колычева Лобана:

Михаил Иванович Колычев

Иван Иванович Колычев Рудак или Рудный (ум. 1551)

Федор Иванович Большой Колычев Чечетка или Чехотка

Федор Иванович Меньшой Колычев

Иван Иванович Колычев-Умной (ум. 1555), окольничий и воевода, в иноках Иоасаф, монах Кирилло-Белозерского монастыря

Последним в этом списке Колычевых Лобановых значится тот самый Иван Иванович Колычев, который стал родоначальником очень короткой династии Колычевых Умных Лобановых.

Он, судя по всему, был самым младшим в семье. Что это значило? А это значило, что он мог быть в боярских чинах только у удельных князей, а не при дворе великого князя, куда поступали на службу старшие в роду. И мы знаем, что его старший брат Иван Иванович Колычев-Рудак действительно входил в Боярскую думу великого князя, будучи окольничим, А Иван Иванович Умной стал служить удельному князю Андрею Старицкому и был у него дворецким – то есть управлял всем княжеским уделом.

В 1537 году за участие в Старицком «мятеже» Иван Иванович Умной был подвержен «торговой», то есть публичной казни и посажен в тюрьму, а детей его определили к великокняжескому двору. И вот его дети – Василий Иванович и Федор Иванович Умные стали одними из самых видных опричников той эпохи.

Поэтому вполне вероятно, что Святителю Филиппу Московскому принесли отрубленную голову Ивана Борисовича Лобанова — Колычевы-Лобановы-Умные таким образом присягали Ордену, разрывая навечно кровные родовые связи с остальными Колычевыми, которым Орден объявлял беспощадную войну.

И потому меня смутили рассуждения Александра Александровича Зимина, который был настроен категорически против высказывания князя Курбского о том, что был «погублен род Колычевых» (хотя я бы чуть поправил высказывание – был погублен ЦВЕТ этого рода): «Колычевы в годы опричнины разделили судьбу многих дворянских фамилий: те из них, которые были особенно близки к мнительному и жестокому монарху, в конечном счете заплатили дорогой ценой за дни фавора. Ни о каком специальном истреблении членов колычевского семейства не может идти речь. В разное время гибли те из него, которые, как это казалось грозному царю, были близки к опальным вельможам».

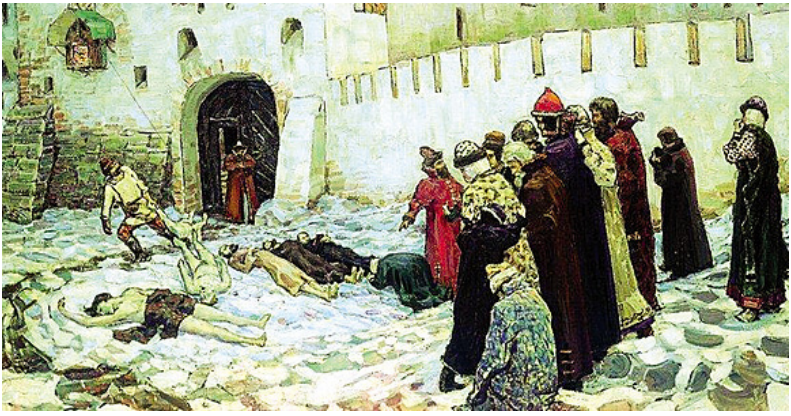
И еще: «Судьбы Колычевых в XVI в. еще раз показывают справедливость вывода М. Н. Тихомирова о том, что в социально-экономической структуре России XVI в. сохранялись значительные черты обособленности та-

ких земель, как Новгород, Старица и другие. Поэтому не пресловутая борьба дворянства с боярством, а искоренение пережитков феодальной раздробленности, стремление окончательно подчинить Великий Новгород и разгромить Старицу составляло основной нерв политической истории России времен опричнины».

Этих вопросов мы еще коснемся.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Когда читаешь исторические книги о временах Опричнины, то постоянно возникает один и тот же образ из истории гражданской войны в России XX века: «Красные рубят белых… Белые рубят красных…». Хотя по официальной истории – и тех и других рубит один и тот же маньяк Иван Грозный.

А по моей версии, расправившись с войсками боярина конюшего Федорова-Челяднина и казнив его самого, Земщина со своей стороны также несет большие потери – Орден обрушивается на Колычевых и других сторонников Старицких, вырезая всех, кого смог захватить в плен, и начинает свой кровавый поход на Новгород.

И вот что весьма и весьма любопытное происходит сразу же вслед за этим кровавым новгородским походом: «Причиной падения Басмановых было дознание по поводу измены архиепископа новгородского Пимена и других, устроенное Иваном Грозным по доносу некого Петра Волынца. Пимен и новгородские официальные

Казни в Новгороде

лица, купцы и дети боярские были обвинены в подготовке перехода Новгорода и Пскова под власть польского короля Сигизмунда Августа. Московскими сообщниками Пимена и новгородцев назвали трёх высокопоставленных опричников: Алексея Басманова, его сына Фёдора и князя Афанасия Вяземского, а также нескольких земских дьяков, включая Ивана Висковатова. Алексей Басманов был казнён сразу после разгрома Новгорода. Приговор Фёдору не известен».

Казни Ивана Грозного

Ключевая фраза в этом тексте – «дознание по поводу измены архиепископа новгородского Пимена».

Кто же этот новгородский архиепископ? Читаем: «В частности он был одним из обвинителей митрополита Филиппа на соборе 1568 года и вместе с суздальским епископом Пафнутием помог царю инсценировать судебное разбирательство», в результате которого Святитель Филипп Московский был низложен и казнен.

То есть, он был «красным» — кровавым — палачом. И теперь «белые» казнили палачей Святителя и родных этого палача, уничтожая сатанинское кромешное племя…

Казнили орденскую верхушку – следовательно, дела Ордена были к тому времени уже весьма плачевными или, по крайней мере, складывались не в пользу Ордена…

Вот интересное дополнение к сказанному: «Розыск о новгородской измене бросил тень подозрения на бояр Яковлевых-Захарьиных, обвиненных в изменнических связях с архиепископом Пименом. Дядя наследника боярин В. П. Яковлев состоял при его дворе в чине ближнего боярина и дворецкого. После майской катастрофы (!!!) Грозный велел забить В. П. Яковлева палками. Вместе с ним казни подвергся и его брат И. П. Яковлев, привезенный в оковах из-под Ревеля. Пострадала также семья Юрьевых-Захарьиных. Троюродная сестра наследника Юрьева была убита опричниками в собственном доме вместе с младенцем сыном».

Р. Скрынников уточняет: «Вместе с Басмановыми в опричной думе заседали их родственники Плещеевы. Катастрофа постигла их всех разом. В Синодике сохранилась запись о том, что опричники казнили «Алексия, сына его Петра Басмановы, Захарью, Иону Плещеевых». Алексей Басманов и Захарий Очин-Плещеев были опричными боярами, Иван Очин командовал опричными отрядами. Эти люди пролили много крови. Теперь настал их черед».

Ключевая фраза в этом случае – «настал их черед».

Но Орден еще существовал. И отвечал ударом на удар.

Москва, 24 мая 1571 г.

Самый сокрушительный удар по Ордену был нанесен 24 мая 1571 года. В этот день сгорела Москва – цитадель Ордена. Но не это было главным. Москва горела и возрождалась не раз. И главным, опять же, было не то, что ее спалили, как пишут, татарские орды Девлет-Гирея, а то, что татары пришли к Москве по зову... Земщины и, по всей видимости, с войсками… Земщины.

Именно в этот день казнили многих представителей рода Захарьиных и членов их семьи, уничтожая под корень змеиное семя Опричнины…

Вот этот список:

Сам боярин Василий Михайлович Захарьин, главный организатор и идеолог Опричнины, умер раньше, в 1567 году, но он был женат на княжне Анастасии Дмитриевне Бельской (умерла 24 мая 1571), дочери знатного воеводы и боярина князя Дмитрия Фёдоровича Бельского и Марии Ивановны Челядниной, от брака с которой имел трех сыновей:

Иван (ум. 24 мая 1571)

Фёдор (ум. 24 мая 1571)

Протасий (казнен в 1575 г.)

Его дочь (имя почему-то не указывается) была женой известного опричника, боярина князя Михаила Темрюковича Черкасского (казнен в мае 1571), шурина царя Ивана Грозного.

Немец Генрих Штаден писал:

«Великий князь принялся расправляться с начальными людьми из опричнины… Князь Михаил сын [Темрюка] из Черкасской земли, шурин великого князя, стрельцами был насмерть зарублен топорами и алебардами…».

По другой версии, Черкасский был посажен на кол.

Казнены 24 мая 1571 года дети брата царицы Данилы Романовича Юрьева Захарьина:

Иван Данилович Романов-Юрьев

Фёдор Данилович Романов-Юрьев

Анна Даниловна Романова-Юрьева, жена князя Фёдора Васильевича Ноготкова-Оболенского, умерла в том же 1571 году.

Казнен (якобы погиб, задохнувшись от дыма 24 мая 1571 года) шурин Василия Захарьина, боярин Иван Дмитриевич Бельский.

Казнен вместе с князем Михаилом Темрюковичем Черкасским и князь В. И. Темкин-Ростовский, который занимался следствием по делу Святителя Филиппа – он был казнен вместе с сыном Иваном.

Не много ли совпадений приходится на май 1571 года?

И еще одна удивительнейшая историческая «нелепость» этой эпохи. Читаем Р. Скрынникова: «В дни нападения татар Иван Грозный покинул войско, выступившее на Оку, и бежал в Ростов. После возвращения в Москву он поспешил возложить ответственность за военную катастрофу на главу земской думы князя И. Ф. Мстиславского. Боярин вынужден был подписать специальную грамоту, в которой признался перед всем народом, что он вместе с товарищами навел татар на «святые места» и своей изменой погубил Москву».

Как же расправился Грозный царь с предателем и изменником?

Читаем все у того же историка, который также не сдерживает своего изумления: «Главу земщины обвини-

ли в столь тяжких преступлениях, что любой другой на его месте поплатился бы головой. Но Грозный пощадил Мстиславского и даже вернул ему родовые владения – Юхотское удельное княжество. Мстиславский был освобожден из-под стражи и отправлен в качестве наместника в Новгород Великий».

Отправлен, кстати, в город, куда в это время была перенесена СТОЛИЦА Московского государства.

Чудеса!?

Да и был ли он под стражей?!

И за что ему на самом деле были возвращены Юхотские владения?

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Подобные «чудеса» не обошли и род Колычевых.

Согласно исследованиям В. Б. Кобрина (в противовес мнению Р. Скрынникова о том, что Колычевы лишились политического влияния), в составе руководства Земщины было десять представителей этого рода:

Колычев Аф. Гр.
Колычев Вас. Гр.
Колычев Вас. Фед.
Колычев Гавр. Ив.
Колычев-Лошаков Гр. Гр.
Колычев Гр. Фед.
Колычев Игн.
Колычев-Лошаков Матв. Третьяков
Колычев Мих. Фед.
Колычев Сем.

И именно в Земской Боярской думе в чине окольничего заседал Михаил Иванович Колычев-Лобанов, из той ветви рода, что и Умные Колычевы-Лобановы, входившие в опричную Боярскую думу.

Михаил Иванович (по одной из многочисленных версий, о которых мы писали выше) был казнен вместе с сыновьями и двоюродными братьями, а его голову для устрашения прислали его троюродному брату, низложенному, но непокорному и непокоренному митрополиту Филиппу (Федору Степановичу Колычеву) – главному и смертельному врагу сатанинского Ордена кромешников, которого они поспешили казнить перед походом на Новгород в январе 1570 года.

Напомним, что митрополитом Филипп был избран в 1566 году.

Дата очень символичная – в тот год, накануне избра-

ния митрополита, Земский собор, на котором присутствовали практически все из вышеперечисленных Колычевых, вынес общий приговор об уничтожении Опричнины, первый удар которой был нанесен по самым богатым землевладениям суздальских, ярославских, ростовских и стародубских князей, лишенных своих владений и отправленных в казанскую ссылку. Освободившаяся от бывших владельцев земля была тотчас распределена между опричниками, готовыми теперь проливать за нее собственную кровь в интересах Ордена кромешников.

Избрание митрополита Филиппа было связано, как пишут, с определенными обязательствами – он не должен был вникать в дела опричнины.

Но последовавшие вслед за этим опричные казни в 1567 и последующих годах вызвали гнев митрополита, и он разразился публичными проклятиями и обвинениями в ее адрес. За что, в конечном итоге, и сам был низложен и казнен.

Но не все было так просто, как нам рассказывают историки-профессионалы: царь казнил безвинных людей налево и направо, а бояре безропотно ожидали казни, закрывшись на засовы в своих теремах.

Шла, по нашему мнению, скрытая от потомков гражданская война, и мы не раз еще в этом убедимся на примере наших героев.

А тут вообще кромешники замахнулись на святое – на митрополита Московского и всея Руси.

И, конечно же, Колычевы не могли быть в стороне, когда творилось нечто.

Андрей Курбский по этому поводу и писал в своих «Сказаниях»: «Погублен род Колычевых», говоря о массовых казнях той части рода, которая была напрямую связана службой с князем Старицким, а родством — со святым митрополитом всея Руси Филиппом.

Александр Александрович Зимин посвятил боярам Колычевым большой исторический очерк, скрупулезно изучая правоту слов Андрея Курбского.

Вывод его, на первый взгляд, беспристрастный, как известно, был: НЕТ, род Колычевых не был подвергнут

тотальному истреблению.

Но наш вывод несколько иной – в действительно был «погублен» корень огромного древнего боярского древа, которое к середине XIX века полностью перестало плодоносить и иссохло, а временным носителем этой старорусской фамилии стал барон Боде, потомок французских эмигрантов-изгнанников, тоже не оставивший наследников.

Мы составили список бездетных Колычевых, не оставивших наследников, которые проживали в годы кромешного террора. О тех из них, кто не оставил о себе в дальнейшем никаких сведений, А. А. Зимин предполагал, что это тоже погибшие. Некоторые из имен погибших Колычевых упомянуты в синодиках опальных. То есть погибших было гораздо больше. Да и в числе официальных казненных есть и те, кто все-таки успел оставить наследников. Их тоже нужно добавить к этому нашему списку.

И вот что получается по роду Колычевых, которых историки огульно впоследствии припишут к опричникам, как и других родственников и верных вассалов князей Старицких.

Это колена 7-8-9 рода в соответствии с «Родословной книгой» Петра Владимировича Долгорукова. Жирным выделены бездетные. Курсивом — казненные:

КОЛЕНО VII
ХЛЫЗНЕВЫ

34 Никита Борисович Колычев-Хлызнев (? – 2.10.1552), боярин при царе Иване Васильевиче, убит под Казанью

35 Иван Борисович Колычев-Хлызнев, казнен в 1569 году

36 Константин Борисович Колычев-Хлызнев

37 Ослан Борисович Колычев-Хлызнев, последний раз упоминается в 1566 году

ЛОШАКОВЫ

38 Андрей Григорьевич Колычев-Лошаков, последнее упоминание 1548 г.

39 Федор Григорьевич Колычев-Лошаков

40 **Петр Григорьевич Колычев-Лошаков**

41 Григорий Григорьевич Колычев-Лошаков, умер в 1550 г.

42 Данила Иванович Колычев-Лошаков, погиб в 1563 г. под Полоцком

43 Третьяк Иванович Колычев-Лошаков, погиб в 1552 г. под Казанью

44 Никита Иванович Колычев-Лошаков, погиб в 1552 г. в Стародубе

45 **Андрей Иванович Колычев-Лошаков (1585 г., на поместье в Новгороде)**

46 **Гордей Иванович Колычев-Лошаков (1585 г., на поместье в Новгороде)**

47 **Михайло Михайлович**

48 **Иван Михайлович**

49 Григорий Михайлович Нос

50 **Григорий меньший Михайлович**

51 **Игнатий больший Иванович**

НЕМЯТЫЕ

52/44 Никита Иванович Лошаков Немятый (потомки его писались Немятыми-Колычевыми. У него были сыновья: **Юрий**, Иван и **Афанасий**; внуки Дмитрий и Иван Ивановичи; правнуки Алексей Дмитриевич, Федор и Василий Ивановичи. Ветвь Немятых-Колычевых угасла во второй половине XVII века)

53 Иван Иванович

54 **Игнатий меньший Иванович**

55 Иван Григорьевич

ПУПКОВЫ

56 **Федор Иванович (новгородский помещик)**

57 **Гавриил Иванович (новгородский помещик)**

58 *Василий Иванович Колычев-Пупков, (новгородский помещик, казнен в 1537 г.)*
Андрей Иванович Колычев-Пупков (казнен в 1537 г.)

59 Иван Владимирович (новгородский помещик)

60 **Андрей Владимирович (новгородский помещик)**

61 Василий Владимирович (новгородский помещик)

62 *Василий Андреевич (погиб в 1569 г. вместе с М. И. Колычевым)*
ХРОМОГО

63 *Иван Иванович Колычев-Хромой (погиб в 1569 г. вместе с М. И. Колычевым)*

64 *Михайло Иванович Колычев-Хромой, окольничий †1571*

65 *Петр Иванович Колычев-Хромой (погиб в 1569 г. вместе с М. И. Колычевым)*

66 *Федор Иванович Колычев-Хромой (погиб в 1569 г. вместе с М. И. Колычевым)*

67 *Алексей больший Григорьевич, последняя запись в разрядах 1565 г.*

68 **Алексей меньший Григорьевич**

69 **Безсон Григорьевич, последняя запись в разрядах 1554 г.**

70 **Федор Григорьевич**

71 **Борис Григорьевич**

72 **Федор Федорович**

73 **Григорий Федорович Гуща (ум. 1589 г.)**

74 **Игнатий Федорович** (в списке опричников 1573 г.) **Колычев Игнатий Федорович**. В 7078 (1570) и 7079 (1571) гг. — воевода в Смоленске; в октябре 7081 (1573) г. назначен быть «в поезде» на свадьбе короля Магнуса и кн. Марьи Владимировны. В государевом походе в Серпухов 7082 (1574) г. — голова с сотней

ЛОБАНЫ

75 *Федор Степанович Колычев-Лобан, святой митрополит Филипп, р. 15 февр. 1507 † 9 янв. 1570*

76 **Прокофий Степанович Колычев-Лобан (новгородский помещик)**

77 **Яков Степанович Колычев-Лобан (новгородский помещик)**

78 **Борис Степанович Колычев-Лобан (новгородский помещик), жив 1573 г.**

УМНОГО

79 *Федор Иванович Колычев-Лобан Умного, боярин †1567*

80 *Василий Иванович Колычев-Лобан Умново, окольничий †1575*

КОЛЕНО VIII

ХЛЫЗНЕВЫ

81 Иван Никитич Колычев-Хлызнев Батуй (участник Собора 1566 г.)

82 Борис Никитич Колычев-Хлызнев, жив в 1616 г.

83 Богдан Никитич Колычев-Хлызнев, в 1563 году бежал из-под Полоцка в Литву

84 **Борис Иванович Колычев-Хлызнев**

85 **Иван Иванович Колычев-Хлызнев, жив в 1608 г.**

86 *Богдан Константинович Колычев-Хлызнев (новгородский помещик), исчез из разрядов после 1565 г.*

87 Иван-Богдан Ославович Колычев-Хлызнев

ЛОШАКОВЫ

88 **Петр Андреевич Колычев-Лошаков, служил кн. Старицкому**

89 **Неклюд Колычев-Лошаков (по другим родословцам Нелюб) Федорович**

90 *Василий Федорович Колычев-Лошаков, служил в Земщине, исчезает из разрядов после 1571 г.*

91 **Петр Федорович Колычев-Лошаков, жив в 1579 г.**

92 Семен Федорович Колычев-Лошаков, исчезает из разрядов после 1550 г.

93 **Михайло Федорович Колычев-Лошаков, жив в 1578 г.**

94 *Афанасий Григорьевич Колычев-Лошаков, исчезает из разрядов после 1567 г.*

95 **Федор Григорьевич Колычев-Лошаков, ум. в 1550 г.**

96 **Василий Григорьевич Колычев-Лошаков,** окольничий †1579, но почему-то внесен в Синодик Ивана Грозного

97 **Григорий Григорьевич Колычев-Лошаков**, в 1573 году есть в списке опричников
Колычев Григорий Григорьевич. Летом 7075 (1567) г. — воевода большого полка в Полоцке, в походе 7076 (1568) г. — воевода большого полка; в 7078 (1570) г. — воевода в Кореле; в зимних походах 7080 (1572) и 7081 (1573) гг. — во главе стрелецкого приказа. В Ливонском походе зимой 7081 (1573) г. — «голова в стану у государя»

98 *Тимофей Данилович Колычев-Лошаков*, новгородский помещик, погиб в 1570 г.

99 **Богдан Данилович Колычев-Лошаков, жив в 1580 г.**

100 **Федор Данилович Колычев-Лошаков, жив в 1580 г.**

101 Ждан Третьякович Колычев-Лошаков, жив после опричнины

102 *Андрей Третьякович Колычев-Лошаков, новгородский помещик, погиб в 1570 г.*

103 Матвей Третьякович Колычев-Лошаков, жив в 1583 г. В списке опричников 1573 г.
Колычев Матвей Третьяков сын Лошаков. В 7079 (1571) г. — воевода в г. Себеж. Во время государева похода в Серпухов в феврале 7082 (1574) г. — один из наиболее приближенных к царю лиц, вместе с В. Г. Зюзиным и И. М. Глинским

104 **Владимир Третьякович Колычев-Лошаков, жив в 1580 г.**

105 **Образец Третьякович Колычев-Лошаков**

106 **Михайло Никитич Колычев-Лошаков**

107 Еливферий Никитич Колычев-Лошаков, новгородский помещик, умер в 1602 г.

108 **Степан Никитич Колычев-Лошаков, новгородский помещик, жив после 1571 г.**

109 **Алексей Никитич Колычев-Лошаков, новгородский помещик, ум. после 1610 г.**
В списках опричников 1573 г.

110 Иван Григорьевич Колычев-Нос

111 *Михайло Иванович, гибель в Опричнину не исключена*

112 *Гавриил Иванович, гибель в Опричнину не исключена*

113 *Алексей Иванович, новгородский помещик, гибель в Опричнину не исключена*

114 *Григорий Иванович, московский помещик, гибель в Опричнину не исключена*

ПУПКОВЫ

115 *Данило Васильевич Колычев-Пупков*

116 *Иван Иванович, убит при осаде Пскова в 1618 г.*

117 Василий Васильевич, участник Собора 1566 г., новгородский помещик, жив в 1573 г.

118 *Михайло Васильевич, участник Собора 1566 г.*
В списках опричников 1573 г., убит в 1574 г. в Новгороде, в немецком бою на реке Нерее

ХРОМОГО

119 *Иван Михайлович Колычев-Хромой (сын Михаила Ивановича, казненного в 1569 г., казнен, но показан рындой у Боде в 1574 г.)*

120 Иван Федорович Колычев-Крюк (Колычев-Хромой, сын Федора Корелки), боярин и дворецкий, казнен царем Василием Шуйским †1609. В списках опричников 1573 года.

121 **Захарий Федорович Колычев-Хромой (сын Федора Корелки), убит в 1608 г. на Ходынке, служил у Скопина-Шуйского**

122 **Андрей Федорович Колычев-Хромой (сын Федора Корелки), убит в 1608 г. на Ходынке**

ЛОБАНЫ

123 *Петр Борисович Колычев-Лобанов, погиб по делу митрополита Филиппа*

124 **Венедикт Борисович, умер в 1610 году.** В списке опричников 1573 г.
Колычев Венедикт Борисович. В походе царя во главе Двора в Серпухов 7082 (1574) г. — голова с сотней

КОЛЕНО IX
ХЛЫЗНЕВЫ

125 **Богдан Иванович Колычев-Хлызнев**

126 Никита Борисович Колычев-Хлызнев, умер около 1658 г.

127 Иван больший Борисович Колычев-Хлызнев, участник Собора 1566 г.

128 **Юрий Борисович Колычев-Хлызнев**

129 Иван меньший Борисович Колычев-Хлызнев

130 Иван Богданович Колычев-Хлызнев

131 Михайло Иванович ослан Колычев-Хлызнев

132 Василий Иванович Колычев-Хлызнев
ЛОШАКОВЫ

133 Андрей Семенович Колычев-Лошаков, ум. около 1638 г.

134 **Петр Семенович Колычев-Лошаков**

135 *Афанасий Семенович Колычев-Лошаков, последняя запись в разрядах 1570 г.*

136 Юрий Жданович Колычев-Лошаков, ум. 1604 г.
В списках опричников 1573 г.
Василий Жданович

137 **Алексей Жданович Колычев-Лошаков, ум. 1628 г.**

138 Полуехт Матвеевич Колычев-Лошаков, ум. 1618

139 Никифор Елевферьевич Колычев-Лошаков

140 **Алексей Иванович Колычев-Нос, умер около 1583 г.**

141 **Григорий Иванович Колычев-Нос, ум. 1583 г.**

142 Дмитрий Васильевич Колычев, ум. 1608 г.

И вот сухая статистика – на более чем сто человек мужских представителей рода приходится более шестидесяти БЕЗДЕТНЫХ. Впечатляет картина?! А на сорок четырех мужчин 8-го колена рода приходится вообще только 11 человек 9 колена, которые смогли продолжить свой род.

А ведь в Опричнине, по утверждению В. Б. Кобрина, было только двое из Колычевых – бездетные братья Умные. И только они понесли за это наказание.

А что же случилось с остальными? Ведь погибали не только бездетные?

Перелистаем еще раз этот список, но уже с пометами, взятыми из разных источников: А. А. Зимин, В. Б. Кобрин, М. Л. Боде-Колычев, «Русский биографический словарь», и постараемся восстановить список «погубленных» кромешниками Колычевых.

Первым в этом родовом списке значатся представители рода Колычевых-Хлызневых:

Иван Большой Борисович Колычев-Хлызнев, окольничий князя Андрея Ивановича Старицкого, впоследствии окольничий царя Ивана Васильевича, Смоленский воевода.

«Хлызневы – близкие люди старицким князьям. Иван Борисович еще в 1533 г. присутствовал на свадьбе князя Андрея, в 1537 г. участвовал в его борьбе с войсками Елены Глинской, а в 1550–1558 гг. упоминается среди воевод его сына Владимира. В августе 1563 г. Иван IV «взял в свое имя» бояр и детей боярских, которые «блиско жили» при князе Владимире Старицком, и «пожаловал их, которой же которого чину достоит». Так Хлызневы оказались в государевом дворе. И. Б. Хлызнев в конце 1563–1565 гг. занимает видное место среди царских воевод. У него были владения в Медынском (в 1585–1586 гг.) и Вяземском (до 1594/1595 г.) уездах».

«…о [его]казни …писал А. Курбский, сообщая, что вместе с последним погибло около десяти Колычевых».

«Узнав по слухам о страшной казни одного из родственников митрополита Филиппа Курбский ошибочно отнес это сведение не к М. И. Колычеву, а к И. Б. Хлызневу, который также, как это стало ему известно, погиб в 1569 г.».

Вот что писал поэтому поводу князь Андорей Курбский: «Потом погубил род Колычевых, также мужей светлых и известных, единоплеменников Шереметевым, так как их прародитель, муж светлый и знаменитый, выехал из Немецкой земли, звали его Михаилом, и говорят, что происходил он из рода княжат Решских. А побил он их, разгневавшись на дядю их Филиппа (митрополита. — Н. Э.), обличавшего его за злые беззакония, о чем я коротко дальше поведаю. И было тогда знамение от Бога, ясно явленное Иоанну Борисовичу Колычеву; чудо настоящее, как слышал я от очевидца. А было так: когда этот царь, рожденный от бесовской сожительницы, о чем я уже неоднократно писал, очень разъярился, словно на врага своего, и, сам разъезжая с кромешниками, палил земли, деревни и дворы этого Иоанна Борисовича со всеми живущими в них, тогда нашел он хоромину, как говорят, очень высокую, у них она называется повалуша, и в самых верхних комнатах ее приказал привязать

этого вышеупомянутого мужа, затем в эту хоромину и в другие, рядом стоящие, согнали много народу, затворили их и несколько бочек пороху по его приказу поставили, а сам царь стал издалека, в своих полках, которые под городом стояли, ожидая, когда взорвется хоромина. Когда взорвало и разметало не только ту хоромину, но и другие, близко стоящие строения, тогда он со своими кромешниками, со всем дьявольским полком как бесноватые закричали, как на поле брани с супостатами, будто бы одержали победу, и на всех скоростях, взнуздав коней, поскакали смотреть растерзанные христианские тела, так как множество народу было связано и затворено в тех хороминах, под которые был подложен порох. Тогда же, далеко в поле, был найден и тот Иоанн, привязанный одной рукой к бревну, целым и невредимым, сидящим на земле и прославляющим Господа, творящего чудеса, а там (в доме) был он растянут и связан по рукам и ногам. Когда кромешники узнали об этом, тогда один из них, бесчеловечный и самый лютый, быстро подъехал к нему на коне и, увидев его здоровым и распевающим псалмы благодарственные Богу, отсек ему голову саблей и принес ее как многоценный дар лютому своему царю. Он же повелел ее в кожаный мешок зашить и послать дяде его, архиепископу (тогда уже митрополиту — Ред.) Филиппу, заточенному в темницу, приговаривая: «Это родственника твоего голова! Не помогло ему колдовство твое!» Тех же Колычевых около десяти было в роду и среди них были храбрые и именитые мужи, некоторые из них почтены боярским чином; другие же были стратилатами, а погублен был весь род их».

А. А. Зимин возражает Курбскому: «Колычевы в годы опричнины разделили судьбу многих дворянских фамилий: те из них, которые были особенно близки к мнительному и жестокому монарху, в конечном счете заплатили дорогой ценой за дни фавора. Ни о каком специальном истреблении членов колычевского семейства не может идти речь. В разное время гибли те из него, которые, как это казалось грозному царю, были близки к опальным вельможам.

Опричные казни коснулись Колычевых выборочно. Об их истреблении царем Иваном Грозным «на корню» поголовно не может быть и речи. По данным синодиков, погибло всего 11 Колычевых. Этим, конечно, дело не ограничивалось. Сюда нужно добавить, кроме митрополита Филиппа, Ивана Борисовича Хлызнева, о казни которого писал Курбский, сообщая, что вместе с последним погибло около десяти Колычевых.

…С делом митрополита Филиппа могла быть связана загадочная судьба трех братьев Немятых (Юрия, Афанасия и Ивана), а также внуков Г. А. Носа-Колычева — Алексея и Григория, сошедших с исторической сцены в 1568—1570 гг. С. Б. Веселовский считает, что бездетные племянники Филиппа — Венедикт и Петр — погибли в связи с низложением их дяди. Это предположение может быть принято только для Петра, но для Венедикта не подтверждается, ибо он упоминается еще в источниках 1573—1576 гг. Гибель бездетных двоюродных братьев Тимофея (Даниловича) и Андрея (Третьякова сына) скорее всего повлек за собою поход Ивана Грозного 1570 г. на Новгород. Их братья — новгородские помещики — хорошо известны источникам 70—80-х годов. О самих Тимофее и Андрее уже в 60-70-х годах упоминаний не сохранилось. Последний из Колычевых, о насильственной смерти которого сообщают источники, Василий Иванович Умный погиб не ранее 1575 г. по неясной причине».

Давайте тогда посчитаем, сколько же Колычевых стало жертвами опричнины по прикидкам самого А. А. Зимина.

Я насчитал более тридцати человек (при наличии более ста мужчин в трех коленах: дед – отец—сын). То есть во времена Опричного террора был казнен (а не умер естественной смертью) каждый третий из боярского рода Колычевых. Такую высокую смертность мы отмечаем только в роду организаторов и идеологов Опричнины Захарьиных. Но за что казнили Колычевых?

Доктор исторических наук, один из крупнейших специалистов по истории эпохи времен Ивана Грозного А. А. Зимин пишет следующее: «Из краткого биографического очерка Колычевых можно сделать определенные

выводы. Перед нами представители верхнего слоя класса феодалов, как правило, энергично поддерживавшие правительственную политику. Близость некоторых из них к дому Андрея Старицкого и их проновгородские симпатии влекли для них не раз тяжелые последствия. Политика московского правительства в *XVI в. направлялась на постепенную ликвидацию пережитков политической раздробленности, которые наиболее отчетливо проявлялись в существовании уделов и в обособленности Новгородской земли. Именно в этом нужно видеть характерные черты перипетий политической* борьбы в *XVI в., а не в пресловутом противоборстве бояр и дворян, о котором столько писалось в исторической литературе*».

Итак, судя по исследованиям А. А. Зимина, тридцать Колычевых, за исключением одного Василия Умного, который действительно заплатил «дорогой ценой за дни фавора», были в противоборствующем Опричнине лагере и расплатились за эту «близость к дому Андрея Старицкого», родство с митрополитом Филиппом и «проновгородские симпатии» своей жизнью.

Но как объяснить в таком случае, почему именно новгородские помещики Колычевы, родственники самых кровавых жертв Опричнины, становятся после 1572 года ближайшими людьми царя, главными действующими лицами на свадьбе Ивана Грозного с Васильчиковой и входят в число его телохранителей, согласно известному «опричному» списку, датированному 1573 годом?

Конечно, я нашел ответ на этот вопрос во многих солидных исторических трактатах. Он банален – бояре безропотно выполняли любую, даже самую безрассудную, волю своего монарха и стелились у его ног, как солома!

Роберт Ю. Випер в качестве доказательства приводит слова иностранного душегуба-опричника Штадена с такой вот его характеристикой: «Такова личность этого оборотня, который соединял в себе поразительные таланты с мелочностью и низостью поведения. Однако, забывая об отрицательных моральных качествах немца-опричника, историк должен удержать в памяти суждение об Иване Грозном одного из умнейших его современников, а у Шта-

дена, как он ни враждебен царю, вырывается такое невольное признание величия Ивана IV: "Хотя всемогущий бог и наказал Русскую землю так тяжко и жестоко, что никто и описать не сумеет, все же нынешний великий князь достиг того, что по всей русской земле, по всей его державе – одна вера, один вес, одна мера! Только он один и правит! Все, что ни прикажет он, – все исполняется, и все, что запретит, – действительно остается под запретом. Никто ему не перечит: ни духовные, ни миряне. И как долго продержится это правление – ведомо богу вседержителю!»

Но буквально на следующей странице сам автор угощает нас вторым «абсурдом»: «Ивана Грозного не приходится обвинять в чрезмерной подозрительности; напротив, его ошибкой была, может быть, излишняя доверчивость по отношению к созданной им гвардии и администрации и недостаточная последовательность в борьбе с той опасностью, которая грозила ему со стороны консервативной и реакционной оппозиции и которую он не только не преувеличивал, а скорее недооценивал».

Но эти два абсурда и есть исторические константы, переходящие из одного исторического трактата в другой: вокруг царя одни сплошные заговоры и измены, но свою боярскую голову на плаху и заговорщики, и «изменщики» кладут одинаково безропотно и покорно, веруя в этого самого царя. И «белые». А потом и «красные». Словно эта игра такая.

Но ведь не игра – гражданская война.

Только она может объяснить необъяснимое и расставить все точки над «i».

И только по этой (а какой еще?) причине царь-опричник мог искать политического убежища в Англии. От кого? Только от разъяренной его кромешным террором Земщины!

В 1571 году Опричный двор в сожженной Земщиной Москве рухнул и слетели с плеч головы у главарей Опричнины.

В 1571 году установилось некое правительство компромисса, в которое вошли на какое-то время представи-

тели обеих враждующих сторон: именно в этот период Земское руководство снова начало производиться в чины окольничих и бояр.

Само слово «опричнина», утверждают маститые историки, было с 1572 года под запретом, и за его употребление следовало строгое наказание.

Но неожиданно этими же историками обнаруживается документ, датируемый 1573 годом, который является, по мнению историков, самым полным списком… опричников.

И в этом списке добрый десяток имен Колычевых.

Конкретно:

«Лета 7081-го марта в 20-й день государь царь и великий князь Иван Васильевичь всеа Русии пометил бояром, и околничим, и дияком, и дворяном, и приказным людем свое жалование по окладу.

По 600 рублев

Князь Иван княж Михайлов сын Гленской.

Околничей Василей Ивановичь Умного Колычев.

500 рублев

Князь Борис княж Давыдов сын Тулупов.

По 400 рублев

Василей Григорьев сын Зюзин.

Марья Малютина жена Белского.

300 рублев

Дияк Петр Григорьев.

По 250 рублев

Воин Васильев сын Киндырев.

Богдан Яковлев сын Белской.

По 200 рублев

Князь Иван Сеитов Городетцкого.

Князь Иван

княж Володимеров сын Тулупов.

Григорей Григорьев сын Колычев.

Михайло Васильев сын Колычев.

Богдан Федоров сын Бабкин.

150 рублев

Дияк Постник Суворов.

По 130 рублев

Князь Юрьи да князь Иван — княж Семеновы дети Козловского.

120 рублев

Баим Васильев сын Воейков.

По 100 рублев

Дияк Афонасей Демьянов.

Игнатей Федоров сын Колычов.

Сулеш Артаков — 50 рублев в кормление, а за стрелецкое — 50 рублев.

Михайло Чюбаров.

90 рублев

Меншой Панкратьев сын Панин.

По 80 рублев

Федор Ильин сын Волков.

Игнатей Петров сын Татищев.

По 70 рублев

Матвей Васильев сын Воейков.

Сулемен Тимофеев сын Булгаков.

Матвей Третьяков сын Лошаков Колычев.

По 60 рублев

Семен Григорьев сын Бутиков.

Григорей Борисов сын Бутиков.

Князь Иван Аликеев.

Князь Иван Янчюрин.

Федор Ондреев сын Супонев.

По 50 рублев

Пентей Власьев сын Бастанов. Тимошка Суботин сын Осорьин. Назарей да Григорей Борисовы дети Васильчикова. Гневаш Яковлев сын Извеков. Ондрей Коуров сын Болотников. Фома да Федор Меншого дети Панина. Дияк Иван Болшой Петров сын Извеков. Борис Федоров сын Годунов. **Венедихт Борисов сын Колычев.** Данило Мурза Кубкеев. Яков Афонасьев сын Годунов. Князь Тихон Киясов.

По 40 рублев

Микита Кутлуков сын Канчеев. Илья да Григорий Ондреевы дети Васильчикова. Иванец да Гриша Григорьевы дети Киндырева. Иван Федоров сын Чюбаров.

Офонасей Васильев сын Белского. Борис Веригин сын Благово. Голова Офонасьев сын Олябьев. Иван Васильев сын Воейков, Федор Третьяков сын Белской. Яков Давыдов сын Мансуров. Григорей Нежданов сын Белской. **Осип Иванов сын Колычов**. Степан Иванов сын Писчиков.

По 35 рублев

Иван Федоров сын Колычев.

По 30 рублев

Темеш Иванов сын Бастанов. Володка Клементьев сын Грешной. Иван да Федор Елчаниновы. Володимер Веригин сын Благово. Костянтин Собакин сын Скобелцын. Дияк Таврило Михеев. Подьячие Стахей Иванов, Богдан Иванов. Володимер Матвеев сын Безобразов. Денис Дмитриев сын Моклоков. Богдан Сидоров сын Белского**. Василей Жданов сын Колычев. Олексей Микитин сын Колычев.** Иван Блудов сын Благово».

Итого я насчитал в этом списке 1573 года десять Колычевых.

Если исходить из того, что правительство 1573 года – это, как объясняют нам историки, временное правительство политического КОМПРОМИССА, в который входят представители Опричнины и Земщины, тогда мы не видим никакого противоречия в том, что в этом списке есть опричный боярин Василий Иванович Умной Колычев и земский окольничий Григорий Григорьевич Колычев-Лошаков, а также и другие представители Земского руководства (по списку В. Б. Кобрина) Матвей Третьякович Колычев-Лошаков и Колычев Игнатий Федорович.

Но не все так просто, как кажется.

Человек, который открыл науке этот документ, — Даниил Альшиц — считает, что именно этот список отражает истинный опричный состав двора царя и благодаря ему этот документ так и называется «Список опричников Ивана Грозного. 1573 год»: «В 1949 г. мною <…> был обнаружен и опубликован список служилых двора Ивана Грозного, в котором числится 1854 человека с указанием окладов для лиц высшего состава и с указанием для лиц

обслуживающего персонала их обязанностей, оплаты и «корма».

Судьба находки, однако, оказалась не совсем счастливой. На документе стоит дата — 20 марта 1573 г. По мнению большинства историков, к этому времени опричнина уже полгода как была отменена и слилась с земщиной.

Обратимся к существу названных архивных материалов. В 1790 г. братья Васильчиковы подали заявление в Московское дворянское депутатское собрание об утверждении их рода в дворянском достоинстве. Одна из справок, полученных ими для этого, гласила: «По справке в архиве фамилии Васильчиковых имяна написанными оказались по Москве. В боярской книге 7081 (1573) году написано: «Книга царя и великого князя Иоанна Васильевича приговор, как давать жалованье бояром и князем, и детем боярским по государеву уложению на их головы и на люди», без закрепы. А в заглавии оной написано: «Лета 7081 марта в 20 день государь царь и великий князь Иван Васильевич пометил бояром, и окольничим, и диаком, и дворяном, и приказным людем свое жалованье по окладу»».

Но слова «опричный» двор в названии этого документа отсутствует.

В качестве доказательства, что это все-таки список опричников Д. Альшиц приводит такой довод: «Принцип подбора «по родству» четко выражен в списке. Включение в состав двора целого клана родичей обеспечивало как бы родовую поруку. От верности одного зависела судьба десятков его родичей. Поэтому сама сплошная «клановость» списка дворовых 1572–1573 гг. — в нем почти нет одиночек, зачисленных без однородцев, — указывает на особый, хорошо известный опричный порядок подбора в состав двора «по родству». Вот перечень этих опричных кланов — весьма известных в последующих столетиях дворянских родов: Бастановы — 11 человек; Безобразовы — 25; Вельские — 12 (среди них числятся такие «ведомые» опричники, как покойный Малюта Скуратов, Богдан Яковлевич, Верига Третьяков, Григорий Петрович, Тимофей Петрович, Григорий Нежданов); Болотниковы — 12

человек; Булгаковы — 6; Бунаковы — 7; Воейковы — 21; Волженские — 16; Вороновы — 9; Готовцевы — 6; Дубасовы — 9; Елчаниновы — 6; Извековы — 8; Качаловы — 14; Колычевы — 10 (из них один — знаменитый опричник В. И. Колычев, он же возглавляет список дворовых 1573 г. и получает высший оклад — «600 рублев»); Косицкие — 10 человек; Краснослеповы — 8; Кукташевы —32; Лехчановы — 6; Мокеевы — 13; Моклоковы — 11; Мокшеевы — 6; Овцыны — 21; Панины — 9; Спиридоновы — 9; Скобельцыны — 34; Татищевы — 6 человек».

Действительно ли, что приведенное выше суждение — это очень серьезный аргумент?

Не очень, если вспомнить, что существует и другой список опричных фамилий, который приводит в своих «Записках» Петр Владимирович Долгоруков: «В бумагах, завещанных мне уважаемым Павлом Федоровичем Карабановым, находится любопытный список семей, ведущих свое начало от опричников Ивана Грозного; я привожу здесь этот список в качестве исторического документа и пользуюсь случаем еще раз и окончательно объясниться по поводу фактов, содержащихся в этих «Записках». Я твердо и непоколебимо убежден, что дурные деяния, совершенные предками и родственниками, ни в чем не могут запятнать добропорядочность их детей и потомков; славные деяния, таланты, добродетели имеют отношение и к потомству; преступления же и тем паче злодеяния отношение имеют лишь к тем, кто оные совершил. Среди семей, ведущих свое происхождение от опричников, многие искупили преступления своих предков службою на благо страны, а три семейства из этого списка даже внесли свой вклад в дело русских свободолюбивых мучеников, имена которых всегда будут глубоко почитаться (Рылеев, Радищев, Ивашев). Вот этот список: Алалыкин, Алеев, Бегичев, Бердяев, Бехтеев, Битяговский, Благово, Бобыкин, Верещагин, Верховский, Вечеслов, Витовтов, Глотов, Гневашев, Головащев, Дедевшин, Деденев, Дирин, Желтухин, Жихарев, Зилов, Звягин, Ивашев, Извеков, Камынин, Катенин, Колударов, Кривцов, Лужин, Лызлов, Мертвахо, Норов, Олсуфьев, Опочинин, Пантелеев, Плюсков, Понютин,

Постельников, Потапов, Похвиснев, Пустошкин, Радищев, Рукин, Русинов, Рылеев, Рябинин, Свищов, Свиязев, Сколков, Скуратов, Тимашев, Тулубеев, Тутолмин, Фонарев, Чаплин, Цвеленев, Шамшев».

Совпадает в обоих списках только одна фамилия – Извеков.

Поэтому, чтобы не затевать научный спор, который еще неизвестно какой даст нам результат в «сухом остатке», давайте попытаемся разобраться в тех конкретных Колычевых, которых историки записывают в опричники Ивана Грозного наравне с Василием Умным, нахождение которого в Опричнине не оспаривается.

Иван Федорович Колычев-Крюк, сын Федора Ивановича, внук Ивана Семеновича Хромого. Того самого Хромого, старший сын которого — Михаил Иванович — был казнен вместе со своими детьми и братьями (в том числе и отцом Ивана Федоровича — Федором Ивановичем Корелкой), а его (по одной из версий) отрубленная голова была прислана царем низложенному митрополиту Филиппу — троюродному брату казненного.

Осип Иванович Колычев — родной брат Михаила Ивановича, Ивана Ивановича, Петра Ивановича и Федора Ивановича, казненных кромешниками (сам он почему-то не указан в родословной Колычевых, составленной князем П. В. Долгоруковым).

Венедикт Борисович Колычев — сын новгородского помещика Бориса Степановича, внук Степана Ивановича Стенстура, родной племянник казненного митрополита Филиппа и брат погибшего в опричнину Петра Борисовича (он же, по мнению некоторых генеалогов, и знаменитый Иван Борисович Колычев).

Матвей Третьякович Колычев — родной брат Андрея Третьяковича и двоюродный брат Тимофея Даниловича, погибших во время новгородского погрома 1570 года.

Василий Жданович Колычев – сын Ждана Третьяковича, племянник казненных Андрея Третьяковича и Тимофея Даниловича Колычевых.

Михаил Васильевич, сын новгородского помещика Василия Владимировича Колычева, окольничий, и Алек-

сей Никитич Колычев, сын новгородского же помещика Никиты Ивановича, по землям которых совсем недавно с огнем и мечом прошла кромешная нечисть…

Список телохранителей царя Ивана по меньшей мере странен – он окружает себя людьми, которым не может доверять уже потому, что его царские руки по локоть в крови родных этим Колычевым людей. А ведь кромешники «тщательно перебирали» людишек, прежде чем принять их в опричное войско, не говоря уже об опричной гвардии телохранителей царя.

Это во-первых.

Во-вторых, как пишут историки, столица в эти годы была перенесена из сожженной Москвы в Новгород.

Это тоже необъяснимая странность – вернуться туда, где уже напакостил так, что может за все воздаться сторицей. И привлечь в свою личную охрану новгородцев и их родичей, будучи по уши в крови их родных и близких?!

Но поток исторических странностей и логических нелепостей на этом не иссякает.

В 1574 году Колычев Матвей Третьяков сын Лошаков, как пишут в комментариях к списку, – «один из наиболее приближенных к царю лиц, вместе с В. Г. Зюзиным и И. М. Глинским». Юный Иван Михайлович Глинский – это двоюродный брат царя – с ним понятно (кстати, а женат он был – двоюродный брат царя! – на дочери «безродного» Малюты Скуратова). Василий Григорьевич Зюзин, — также пишут в комментариях, — «получает такой же оклад, какой получал покойный Малюта Скуратов. Видимо, Зюзин разделял с ним (или унаследовал после его смерти) обязанности по охране безопасности царя».

Понятно было бы, если бы речь шла об Умном Колычеве, который, как пишет Р. Скрынников, и «унаследовал» должность главы службы безопасности царя и подтверждал эту свою верность в течение целого ряда лет кровавой опричной службы. Но Матвей Третьякович, потерявший в результате Опричного террора родного брата, руководитель службы безопасности царя?! Что-то снова не очень вяжется…

Но и это еще не все: в 1575 году на свадьбе Ивана Грозного и Анны Васильчиковой из 35 «самых близких к царю» гостей, как подсчитал неутомимый Руслан Григорьевич Скрынников, было уже… 19 представителей одного только рода Колычевых.

Анна Васильчикова

В семье Васильчиковых сохранился «Чин бракосочетания царя Ивана Васильевича с царицею Анною Васильчиковых (7083/1575 г.). И вот как все выглядело:

«А по государеву указу на первой день в болшом месте сидел царевичь князь Федор Ивановичь. В тысяцких был царевичь князь Иван Иванович.

З государеву сторону дружки Борис Годунов з женою да Иван Яковлев сын Старого з женою.

А с царицыну сторону Игнатей Колычов да жена его Агафья да Назарей Василчиков з женою да сваха ж Иванова жена Олексеева сына Мансурова и кику несла она ж.

А с чарою с вином ходил к месту Тимофей Ондреев сын Хлопов.

С осыпалом к месту ходил Василеи Иванов сын Хлопов.

А за столом сидели боярыни: Анна Ондреева жена Василчикова, Орина Григорьева жена Ондреева сына Василчикова, княж Михайлова Ондреевича Трубетцкого княгиня Оксинья, княж Васильева Ондреевича Трубетцкогокнягиня Анна, княж Федорова Михаиловича Трубетцкого княгиня Настасья, княж Давыдова Ивановича Тулупова княгиня Анна, Олексеева жена Михайлова сына Старого, Михайлова жена Булгакова, Орина Федорова жена Булгакова, Юрьева жена Булгакова, Оксинья Пояркова, Марфа Судимонтова, Олексеева жена Мансурова Овдотья, Дарья Лодыженская.

А против боярынь сидели в скамье: Григореи Ондреев сын Василчиков, Илья Ондреев сын Василчиков, князь Петр Тутаевич Шейдяков, боярин князь Федор Михаилович Трубетцкой, **боярин Василей Иванович Умной Колычов**, околничей князь Борис Давидовичь Тулупов, Олексей Михайлов сын Старого, Федор да Юрьи Матвеевы дети Булгакова, **Тимофей Данилов сын Колычов.**

А в кривом **столе** сидели: боярин князь Иван Петрович Шуйской, околничей Дмитрей Ивановичь Годунов.

На место государя звал боярин князь Иван Петрович Шуйской.

А на месте сидела Иванова дочь Старкова Орина.

А ходили перед государем Иван Васильев сын Мелюков, Богдан Яковлев сын Белской, Иван Олексеев сын Мансуров.

А за санми у царицы и великие княгини ходили: Воин Кондырев, Нехорошей Хлопов, дьяк Истома Евской, в яселничего место были Иван Назарьев сын Хлопов.

У коня государева был и ездил около подклета Григорей Борисов сын Василчиков.

Колпак государев держали Микита Григорьев сын Василчиков, Федор Васильев сын Старого. А списки держал и разряжал дьяк Ершь Михаилов.

У платья государева, и у царицына и великие княгини были Нехорошей Хлопов да дьяк Петр Григорьев.

А постелю кто слал, того именно не написано, кому государь велит.

Мылню топил Федор Васильев сын Мелюков, Микифор Яковлев сын Мансуров.

У воды были: Воин Григорьев сын Мелюков, Григорей Захарьев сын Хлопов да 4 человека детей боярских царицы и великие княгини Данило Всеславин, Булгак Нарбеков, Отучь Култашев, Семейка Григорьев.

В мылне з государем мылись Борис Годунов, Богдан Белской, Никита Василчиков, Федор Васильев сын Старого.

Вино в склянице нес к церкве Петр Фомин сын Головин.

У места был и места берег Федор Ондреев сын Супонев.

У зголовей и у места государева был Матвей Третьяков сын Лошаков Колычов.

А у царицына места и у зголовья был Клементей Данилов сын Мелюков.

Сорок соболей, чем опахивать, держал Михайло Васильев сын Мелюков.

Государево зголовье к церкве нес Иван Григорьев сын Мелюков.

А царицыно Василей Михайлов сын Хлопов.

Скамейку к церкве несли истобники Михайло да Олеша.

Подножье к церкве несли, на чом венчалися, **Иванко Федоров сын Колычов,** Митка Васильев сын Старого.

Подножье слали, почему ходили, князь Дмитрей княж Иванов сын Ондреевича Шуйской, Иванко Васильев сын Головин, Невежка Яковлев сын Белской, **Олешка Жданов сын Колычов**, Иванко Олексеев сын Василчиков, Фай Яхонтов.

Миндерь нес к венчанью царицы и великие княгини сын боярской Данило Всеславин.

У постели были: Нехорошей Хлопов и постелю замыкал по прежнему и з белым платьем стряпал он же.

Свечю государеву несли **Венедихт Борисов сын Колычов** да Ондрей Васильев сын Безобразов.

А царицыну свечю несли Федор Васильев сын Головин да Верига Третьяков сын Белской.

Над государевою свечею фонарь несли Иван Болшой да Иван Меншои Ондреевы дети Хлопова.

А над царицыною свечою фонарь несли Матвей да Назарей Степановы дети Хлопова.

Государев коровай несли Володимер Васильев сын Головин, Михайло Фомин сын Головин, Григорей Федоров сын Милюков, Яков Васильев сын Милюков.

А другой царицын коровай несли **Иван Офонасьев сын Колычов**, Микита Федоров сын Милюков, Григорей Васильев сын Милюков, Иванко Юрьев сын Булгаков.

С обручалными свечами Богдан Сидоров сын Белской.

С водокщеною свечею Назарей Данилов сын Милюков.

Фонарь с свечею нес Федор Ондреев сын Хлопов.

А действовал священник Василей Бородатой.

А со святою водою ходил священник Василей Молодой да с ним дьякон Понкратей.

А у естьы сидел Петр Фомин сын Головин.

А ести перед государя ставили князь Василей да князь Ондрей да князь Дмитреи княж Ивановы дети Ондреевича Шуйского, Богдан да Невешка Белские, князь Тимофей да князь Ондрей Трубетцкие, Микита да Ондрюшка Григорьевы дети Василчиковы, Дмитреи да Федор Васильевы дети Старого, Иванко Юрьев сын Булгаков.

А с платьем з белым стряпали Нехорошей Хлопов, Микита Василчиков, Дмитрей да Федор Васильевы дети Старого.

А с платьем з болшим теж, да которые ести ставили, да х тому Володимер да Федор да Ивашко Васильевы дети Головины, **Иван Офонасьев сын Колычов,** Михайло Фомин сын Головин, Петр Романов сын Пивов, Иванко Юрьев сын Булгаков, князь Ондреи да князь Никита Тулуповы, Верига да Григорей Белские.

А перед царевичи ести ставили **Иван Офонасьев сын Колычов**, князь Ондрей да князь Никита княж Володимеровы дети Тулуповы, Григорей Нежданов сын Белской, Верига Третьяков сын Белской, Петр Романов сын Пивов, Володимер да Федор да Ивашко Васильевы дети Головина, Михайло Фомин сын Головин.

А в столы ставили Давыд Нежданов сын Белской, Григорей Семенов сын Овцын, **Иван Федоров сын Колычов, Олеша Жданов сын Колычов**, Фетка Костентинов сын Фофанов, Ивашко Олексеев сын Василчиков, Гриша Микифоров сын Безобразов, Образец Семенов сын Вахромеев, Тимошка Суботин сын Осорьин, Игнашко Звягин сын Воейков, Фетка Васильев сын Воейков, Ивашко да Посничко Богдановы дети Белского, Фетка Петров сын Бутиков, Мишка Федоров сын Булгаков.

У поставца был диак Матвей Мешков.

Поезд ведали и збирали их околничей **Василей Григорьевич Колычов**, да дьяк Терентей Лихочов.

А в поезду были:

Князь Иван Михайлович Глинской, **Михаило Васильев сын Колычов, Ждан Третьяков сын Лошаков-Колычов, Петр да Михайло Федоровы дети Колычова,** князь Иван княж Володимеров сын Тулупов, князь Иван Сеитов, князь Микита Трубетцкой, Микита Годунов, Федор Иванов сын Годунов, Василей Григорьев сын Зюзин, Роман Михайлов сын Пивов, Деменша да Демид Черемисиновы, Баим Васильев сын Воейков, Микифор Васильев сын Безобразов, **Григореи Федоров сын Колычов**, князь Василей Шуйской-Скопин, Петр Федоров

сын Булгаков, Захарей Лишнего сын Хлопов, Долмат Иванов сын Мелеков, Иван Дмитреев сын Мелеков, Иван Гусь Васильев сын Милюков, Тимофей Иванов сын Хлопов, Иван Фомин сын Головин, Офонасей Федоров сын Нагово, **Василей Жданов сын Колычов, Богдан да Федор Васильевы дети Колычова, Степан да Олексей Никитины дети Колычовы,** Федор Пучков Молвянинов.

Составим новый список:
Игнатей [Федорович] Колычов
боярин Василей Иванович Умной Колычов
Тимофей Данилов сын Колычов
Матвей Третьяков сын Лошаков Колычов.
Олешка Жданов сын Колычов
Венедихт Борисов сын Колычов
Иван Офонасьев сын Колычов
Иван Федоров сын Колычов
околничей Василей Григорьевич Колычов,
Михаило Васильев сын Колычов
Ждан Третьяков сын Лошаков-Колычов
Григорей Федоров сын Колычов
Петр да Михайло Федоровы дети Колычова
Василей Жданов сын Колычов,
Богдан да Федор Васильевы дети Колычова,
Степан да Олексей Никитины дети Колычовы

Действительно, девятнадцать человек.

Новые для нас имена:

Тимофей Данилович Колычев. А. А. Зимин пишет о нем, как о погибшем во времена Опричнины: «Гибель бездетных двоюродных братьев Тимофея (Даниловича) и Андрея (Третьякова сына) скорее всего повлек за собою поход Ивана Грозного 1570 г. на Новгород. Их братья – новгородские помещики – хорошо известны источникам 70-80-х годов. О самих Тимофее и Андрее уже в 60-70-х годах упоминаний не сохранилось».

Григорий Федорович Колычев Гуща, помещик новгородский и московский. А. А. Зимин: ««Относительно

спокойно, очевидно, сложилась жизнь и у <…> Григория Гущи и Игнатия (сыновей Федора Семеновича Ломаки). Обоих их записали в 50-х XVI в. в дворовые дети боярские по Москве, в 1566 г. призвали для участия в заседаниях Земского собора. Григорий Гуща пережил и опричнину, и самого Ивана Грозного, сохранив свои вотчины и поместья в Москве и Новгороде».

То есть Григорий и Игнатий Федоровичи Колычевы — это родные сыновья казненного Федора Ломаки и племянники Михаила Ивановича Колычева и его братьев, казненных в 1569 году.

По Кобрину, Г. Ф. Колычев Гуща входил в состав Земского руководства.

Петр и Михаил Федоровичи Колычевы. Оба указаны В. Б. Кобриным в составе Земского руководства.

Богдан и Федор Васильевичи (у Долгорукова – Даниловичи) – новгородские помещики. Данила Иванович, брат Третьяка Ивановича, погиб в 1563 году при взятии Полоцка,

Степан и Алексей Никитичи – тоже новгородские помещики.

То есть мы снова находимся в мире каких-то несуразностей: ближайшее окружение царя на его собственной свадьбе – это его «кровники» Колычевы из Земщины: 19 из 35 гостей. И только один из них – боярин Василий Умной Колычев – верный опричник.

Но именно на таких вот «чудесах» и зиждется вся официальная история Опричнины.

Н. М. Карамзин, правда, по поводу этой свадьбы пишет: «Не знаем, дал ли он ей имя царицы, торжественно ли венчался с нею: ибо в описании его бракосочетаний нет сего пятого; не видим также никого из ее родственников при дворе, в чинах, между царскими людьми ближними […] На этот пятый брак, равно как и на последующие, Иоанн Грозный не испрашивал уже благословения епископов и церковного разрешения».

Р. Г. Скрынников (в какой уже раз) делает новое открытие: «Пятый брак был абсолютно незаконен, и потому свадьбу играли не по царскому чину. На свадьбе

отсутствовали великие бояре, руководители думы. На брачный пир пригласили немногих “ближних людей”. Из тридцати пяти гостей девятнадцать принадлежали к роду Колычевых. Иван Колычев был главным дружкой невесты Анны Васильчиковой, другой Колычев водил царский поезд».

Правда, не Иван, а Игнатий, но главное не в этом – кто-то с маниакальной настойчивостью убеждает историков в том, что земская рать бояр Колычевых превратилась в верных телохранителей тирана. И это начиная с 1949 года настойчиво тиражируется, передаваясь, как эстафета, от одного маститого историка другому, еще более маститому, превращаясь в некую историческую константу или доктрину…

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Но исторические «чудеса» на этом вовсе даже не исчерпываются… Наоборот!

«Распустив опричнину, — пишет Р. Г. Скрынников, — Грозный пытался найти опору в Новгороде (!!! который сам же перед этим и разгромил до основания – С. В.). Первое послеопричное правительство сплошь (!!! – С. В.) состояло из новоиспеченных новгородских помещиков, вошедших в состав реорганизованного двора. Умной, Тулупов и другие лица, бывшие свидетелями страшного разгрома Новгорода и потерявшие тогда многих родственников, видели свою задачу в том, чтобы умиротворить и успокоить страну, потрясенную террором. Однако они должны были УСТУПИТЬ МЕСТО (выделено мной – С. В.) А. Ф. Нагому и племяннику Малюты Б. Я. Бельскому, настаивавшим на возвращении к террористическим методам управления государством. Конфликт послужил почвой для второго «новгородского дела».

Подробности дела неизвестны. Однако в распоряжении исследователя имеется следующая запись синодика опальных, составленная на основании подлинного судного списка опричного архива: «Князя Бориса Тулупова, князя Володимера, князя Андрея, князя Никитоу Тулуповы, Михайлоу Плещеев, Василиа Умной, Алексея, Федора Старово, Ориноу Мансурова, Федора, Семена Сунбуловы, Якова Мансурова, Григорья, Александра Колтовские». Перед нами не случайный набор имен, а почти полный список «новгородского» правительства, пришедшего к власти после разгрома опричной думы. Возглавляли его шелонский помещик боярин В. И. Умной-Колычев и окольничий Б. Д. Тулупов. А. Старой-Милюков управлял опричной половиной Новгорода неза-

долго до отмены опричнины. Попытка противопоставить боярской Москве второй по значению политический центр – Новгород Великий – рухнула».

Но странности на этом не кончаются. Уже в следующем абзаце Руслан Григорьевич говорит о том, что незадолго до смертной казни всех поименованных в синодике можно было встретить на свадьбе царя.

«Осенью 1574 года Грозный отпраздновал в узком кругу доверенных лиц свадьбу с Анной Васильчаковой. В дни свадебного пира на скамье возле молодых сидели В. И. Умной, князь Б. Д. Тулупов и А. М. Старой, в мыльне с царем мылся Ф. В. Старой, с платьем были князья А. В. и Н. В. Тулуповы, «боярыней» царицы была жена А. Мансурова, свахой – жена И. Мансурова. Менее чем через год все эти лица взошли на эшафот».

Именно ВСЕ.

«По словам Горсея, Тулупов был уличен в заговоре против царя и в сношениях с опальной знатью. Впавшему в немилость фавориту Б. Д. Тулупову была уготована страшная казнь. Его посадили на кол. Погибла мать Б. Д. Тулупова и двое его двоюродных братьев Андрей и Никита Владимировичи. Княжеский род Тулуповых, издавно связанный с Новгородским Софийским домом, был искоренен раз и навсегда. Родство с Тулуповыми обернулось трагедией для Колтовских. Царский шурин Г. А. Колтовский, женатый на двоюродной сестре Б. Д. Тулупова, впал в немилость после заточения в монастырь царицы Анны Колтовской. Он был убит вместе с А. К. Колтовским, видимо, по одному делу с Умным и Тулуповыми».

И вот что любопытно – в это же примерно время, 24 октября 1575 года, был казнен еще один сын Василия Михайловича Захарьина-Юрьева – Протасий.

«Среди оклеветанных <…> людей оказался видный придворный Протасий Юрьев-Захарьин, троюродный брат наследника. Имя его записано в Синодике. Как можно установить, новгородский архиепископ Леонид «преставился» к государевой опале 20 октября 1575 г., а четыре дня спустя палач обезглавил Захарьина-Юрьева.

Все это не было случайным совпадением. Новые кровавые казни на Москве связаны были с новгородским делом, главным героем которого стал владыка Леонид. Архиепископ принадлежал к тому кругу духовенства, который поддерживал тесную дружбу сначала с опричниной, а потом с «двором». Пользуясь полным доверием царя, он занял новгородский престол после опричного разгрома Новгорода. Местную церковь Леонид подчинил целям опричной администрации, которую в то время возглавлял Алексей Старой. Старой подвергся казни накануне суда над Леонидом. По словам современников, участь новгородского архиепископа разделили два других высокопоставленных духовных лица. Их имена записаны в кратком Синодике государевых опальных в одном списке с Леонидом: «архиепископ Леонид, архимандрит Евфимий, архимандрит Иосиф Симоновский». Евфимий возглавлял кремлевский Чудов монастырь. Летописи упоминают о том, что он погиб вместе с Леонидом. Эти лица в самом деле были тесно связаны между собой. В годы опричнины в Чудовом монастыре сидел Левкий, любимец Грозного, навлекший на себя проклятия Курбского. Левкий передал обитель Леониду, а тот сделал своим преемником Евфимия. Весь этот кружок лиц запятнал себя сотрудничеством с опричниной. К нему принадлежал также и архимандрит Симонова монастыря. Названный монастырь удостоился особой чести: он был зачислен в опричнину».

А 27 ноября 1575 года накануне Земского Собора, на котором царем всея Руси будет объявлен Симеон Бекбулатович, казнены опричники из рода Радши — отец и сын Бутурлины, Дмитрий Андреевич и Роман Дмитриевич.

А к власти в стране неожиданно (!!!) приходят родственники Соломонии Сабуровой – святой Софии Суздальской, первой жены великого князя Василия III, – Сабуровы и Годуновы. Впрочем, не так уж и неожиданно для тех времен – Евдокия Богдановна Сабурова была первой женой царевича Ивана Ивановича. Эта свадьба состоялась в роковом для опричников 1571 году, а в сле-

дующем году супруга царевича была уже сослана в монастырь.

«Мы не знаем ничего или знаем очень немногое о тех распрях, которые раскололи верхушку «двора» незадолго до появления на сцене Симеона. Очевидно одно. В итоге раскола власть перешла к крайним элементам, настоявшим на возврате к опричным методам управления. Первые симптомы конфликта внутри «дворового» руководства можно уловить в острых местнических спорах между Колычевыми, с одной стороны, Годуновыми и Сабуровым — с другой. Боярин Ф. И. Умной безнадежно проиграл тяжбу с боярином Б. Ю. Сабуровым и был выдан ему «головой» (так вот в чем причина истинной смерти Федора Ивановича в 1574 году – С. В.). Его родной брат боярин В. И. Умной с трудом защищался от местнических претензий постельничего Д. И. Годунова» (Р. Скрынников).

Но это еще не все — Старицкая вотчина князя Б. Д. Тулупова была передана Борису Годунову.

А вот и подробности: «Точную дату гибели «новгородского» правительства позволяет установить документальная запись кормовой книги Иосифо-Волоцкого монастыря по поводу вклада Бориса Годунова. Тотчас после смерти Грозного Борис «по слову» благочестивого царя Федора пожертвовал старицкую вотчину с. Неверово, отданную ему «за бесчестье» при опале Тулупова, в Иосифо-Волоцкий монастырь. Этот вклад должен был обеспечить вечное поминание В. И. и Ф. И. Умных, князя Б. Д. Тулупова и матери последнего, замученной вместе с ним. Поминали «убиенных» 2 августа».

В числе казненных в 1575 году мы находим имя Якова Давыдовича Мансурова, того самого, который проходил свидетелем по делу о беременности монахини Софии (Соломонии Сабуровой), будучи постельничьим великого князя Василия.

Не слишком ли много совпадений?

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Историки разных времен весьма потрудились над созданием образа Малюты Скуратова и его помощника Васюка Грязного.

Но по Грязному хоть проходит информация о том, что он прежде служил у князя Старицкого. А также то, что Грязные-Ильины-Молчановы-Ошанины происходили из ростовских владычных детей боярских, служивших великим князьям.

А вот и любопытный финал его «верноподданической» службы у Грозного: «…лишился обширного новгородского поместья, которое было поделено между боярином Н. Р. Юрьевым и окольничим М. Т. Плещеевым…».

А Иван Иванович Молчанов, из рода Грязных, присутствовал в 1573 году на свадьбе принца Магнуса с княгиней Старицкой, дочерью князя Владимира Андреевича.

А вот как в официальной истории выглядит сам Малюта Скуратов, палач и кровопийца…

«…он руководит погромом в селах опального (а потом и казненного) боярина И. П. Федорова…

Зенит возвышения Малюты связан с новгородским погромом и делом Владимира Андреевича Старицкого. Осенью 1569 г. Иван Грозный получил какие-то доносы на своего двоюродного брата, старицкого князя Владимира Андреевича, и на Новгород. Поверить этим доносам царю очень хотелось. Ведь Владимир Андреевич был его естественным соперником в династической борьбе, а Новгород, утративший столетие тому назад независимость, всегда оставался под подозрением. В октябре 1569 г. Владимир Андреевич был арестован недалеко от Александровской слободы. Это поручение выполнил Малюта вместе с Василием Грязным. По приказу царя удельный

Малюта Скуратов. Художник К. В. Лебедев. 1892 г.

князь вместе с женой и младшей дочерью были вынуждены выпить яд.

…Малюта в припадке гнева (вероятнее, по полученному заранее приказу) задушил митрополита. <…>

Малюта Скуратов. Художник П. В. Рыженко. Фрагмент

В январе 1570 г. начался продолжавшийся в течение нескольких недель погром Новгорода опричными войсками, стоивший жизни десяткам тысяч ни в чем не повинных людей. Отряд Малюты особенно отличился в

этом кровавом деле. В составленном по приказу Ивана Грозного за два года до его смерти (то есть в 1582 году, через двенадцать лет – С. В.) синодике опальных (для их церковного поминовения) читаем: «По Малютинские ноугородские посылки отделано скончавшихся православных крестьян тысяща четыреста девятдесят человек».

Все это, конечно, очень интересно.

Как и вот это: «Вскоре после новгородского погрома исчезают главные СОПЕРНИКИ (выделено мной и читай – ПРОТИВНИКИ – С. В.) Малюты: гибнут отец и сын Басмановы, князь Афанасий Вяземский, царский шурин князь Михаил Темрюкович Черкасский. Малюта, его родственники, близкий к Малюте Василий Грязной быстро идут в гору. Уже в мае 1570 г. Скуратов впервые упоминается как думный дворянин и в этом же году занимает высокий пост дворянина «в стану у государя», т. е. состоит при особе царя».

И это не удивительно, если предположить, что Малюта и Грязной – главные палачи… Опричников (кстати, не мы первые выдвигаем такую гипотезу).

Удивительно, но Малюта Скуратов Бельский — одна из центральных фигур истории Опричнины — появляется в нашей отечественной истории из НИОТКУДА.

Как сообщает В. Б. Кобрин: «Действительное же происхождение рода Скуратовых-Бельских пока не выяснено». Есть только одни предположения.

И конечно же, отечественную историю, судя по тысячам книг, обличающих Малюту Скуратова, на одних только предположениях писать легко, а верить ей еще «легче».

Но как быть с фактами?

Хотя бы вот с таким: почему этот самый Малюта Скуратов Бельский, неизвестно откуда свалившийся на голову русского народа, без роду и без племени, кровавый маньяк, безжалостный палач и изверг, существовавший в отечественной истории всего лишь миг (с 1568 по 1573 годы), успел породниться — выдав замуж своих столь же безродных дочерей! — со всеми боярскими семьями, ко-

торые впоследствии будут ПРЕТЕНДОВАТЬ на царскую КОРОНУ России?

С Годуновыми, с Шуйскими, с Черкасскими, с Глинскими, с Головиными…

И это в эпоху, когда браки являлись союзом политическим?!

Вероятно, ключевая позиция в биографии Малюты Скуратова Бельского и его товарища Василия Грязного — разгром Ордена кромешников-Радшичей, начиная с войск конюшего Челяднина. Следовательно, последующие поколения кромешников, о ком у нас речь впереди, не простили им этого, и спустя десятилетия, когда Радшичи одержали в период Великой Смуты решительную победу над своими лютыми врагами, они, судя по всему, отомстили Малюте Скуратову и его товарищу Василию Грязному, переведя на них стрелки и изменив исторические полюса….

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Раскрыв секрет «предательства» Колычевых, которые на самом деле оставались до конца верными князьям Старицким, мы сможем раскрыть и другие подобные исторические «феномены» – например, о предательстве родственников князя Старицкого, которые так же, как и Колычевы, неожиданно дружно переметнулись на вражескую сторону, как только князь Владимир Андреевич был убит.

На этот счет существует даже целая «теория предательства». Вот что, в частности, предполагал В. Б. Кобрин: «Довольно значительную группу, не количественно, но по своему весу в опричнине составляли лица из родственного кружка Владимира Андреевича Старицкого. Это племянники Старицкого князя – сыновья его сестры (вероятно, троюродной) княгини Фетиньи Пронской – Петр и Семен Даниловичи Пронские, троюродный брат и дворецкий Владимира Андреевича кн. А. П. Хованский, брат его второй жены кн. Н. Р. Одоевский, бывший старицкий боярин кн. В. И. Темкин-Ростовский. Все они, а особенно Пронские и Темкин заняли высокое положение в опричнине, непосредственно участвуя в проведении политики опричного террора и зачастую, как, например, кн. П. Д. Пронский, даже направляя ее. Это <…> могло быть, на наш взгляд, связано только с одним – с какими-либо особыми заслугами, оказанными этими лицами центральной власти в связи с делом полумятежного старицкого князя. Можно, таким образом, предположить, что Владимир Андреевич был выдан Ивану IV своими же родственниками. Вместе с тем включение этих лиц в состав Опричного двора было также несомненно связано с роспуском двора Владимира Андреевича».

Какие же доказательства имеются в наличии у автора этой «теории предательства»?

Вот, что он пишет, например, о князе Пронском.

«С начала 1570 года он уже опричник: после новгородского погрома остается правителем города, с февраля 1571 г. по июнь того же года – новгородский наместник».

Именно в тот период, когда Земщина расправляется с Орденом, когда казнят Плещеевых-Басмановых и Яковлевых-Захарьиных за «новгородскую измену», наместником Новгорода является Пронский, а телохранителями первого лица царства – Колычевы.

Не правда ли, любопытная связь?!

В это же время «заявляется» (согласно В. Кобрину) в опричнине и князь Андрей Петрович Хованский: «…в сочетании с первым опричным упоминанием в сентябре 1570 г. позволяет довольно точно датировать его вступление в опричнину первой половиной 1570 г. Думается, не может быть случайным прием в опричнину вскоре после казни Владимира Андреевича близкого к нему человека. Это может, вероятно, объясняться какими-то услугами, оказанными кн. А. П. Хованским центральной власти в связи с делом Владимира Андреевича».

Вот так – совершенно огульно выносится еще один приговор.

И не последний.

О князе Никите Романовиче Одоевском, родном брате казненной жены князя Владимира Старицкого, В. Кобрин находит интереснейшую информацию: «…те княжата были на своих уделах и велие отчины под собой имели; а колико тысящь с них не чту воинства было слуг их».

То есть князь Никита Одоевский был, ко всему, еще и удельным князем, настолько знатным, что он «местничался» в 1572 году с князем М. И. Воротынским, которого В. Кобрин не относит к опричникам (наоборот, он у него в списках Боярской думы Земщины), но в следующем 1573 году (когда, по всей видимости, погибает и юный князь Василий Старицкий) они будут оба казнены. Вместе с ними будет казнен и Михаил Яковлевич Морозов, который вместе с князем Михаилом Ивановичем Воро-

тынским (по Кобрину же) также входил в Состав Боярской думы Земщины.

Интересный получается расклад, не правда ли?

Поэтому мы должны более подробно рассмотреть эту «теорию предательства». Тем более что в данном случае мы можем воспользоваться и особым маркером – посмотреть, как вели себя и на чьей стороне были потомки родственников князя Старицкого в период Великой Смуты, когда Орден кромешников вновь раскрыл свою сатанинскую сущность и не стеснялся в средствах во имя захвата верховной власти в стране.

НЕЗАВЕРШЕННОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ

Часть первая

Так — «Незавершенное расследование» — назвал главу одной из своих многочисленных книг об эпохе Опричного террора Руслан Григорьевич Скрынников.

Историческое расследование этой эпохи, по-моему, зашло в тупик, хотя и написаны уже тысячи книг.

Как, например, можно согласиться с таким вот утверждением маститого историка: «Опричнина выдвинула нетитулованное старомосковское боярство на авансцену как в земщине, так и в опричнине. Разгром заговоров Федорова-Челяднина, Данилова в земщине и Басманова в опричнине, наконец, Захарьиных в опричнине и земщине покончил с могуществом старомосковской знати. Не имея опоры ни в опричной, ни в земской думе, **Грозный попытался найти опору среди жертв террора** (выделено мной – С. В.). Род князей Пронских серьезно пострадал от гонений опричнины. Старший из бояр Пронских Иван Турунтай был забит палками примерно в 1569 г. Князь Василий Рыбин-Пронский лишился головы тремя годами ранее. Петр Пронский служил в боярах у князя Владимира Старицкого. После перехода на царскую службу он участвовал в расследовании заговора сторонников Старицкого в Новгороде. В дни погрома он каждый день выезжал из города навстречу государю и докладывал о том, что произошло за ночь. В начале 1571 г. боярин был принят в опричнину. К осени 1570 г. на опричную службу был зачислен князь Никита Одоевский. Его сестра, бывшая замужем за князем Владимиром, была отравлена с мужем и детьми на Богане осенью 1569 г. После сожжения Москвы Одоевский был пожалован в бояре и вошел в опричную думу. Одновременно с Одоев-

ским в опричнину был принят князь Андрей Хованский, двоюродный племянник Евфросиньи Старицкой. Он прежде был боярином и дворецким у князя Владимира. Членом опричной думы стал Никита Борисов, родня которого подверглась казни по делу Федорова. По матери Евфросинья Старицкая была Борисовой. Три года Грозный вел настоящую охоту за мнимыми сторонниками брата Владимира, а теперь, казалось бы, решил составить новую опричную думу из его родни и бояр. Формально опричной думой руководил служилый князь Федор Трубецкой, младший родич Бельских и Мстиславских. Он попал в опричнину к осени 1570 г. и к маю 1571 г. занял пост первого дворового воеводы, оттеснив Черкасского. Не позднее лета 1570 г. воеводский чин в опричнине получил известный воевода князь Василий Барбашев-Суздальский, а к весне 1572 г. главой опричной думы стал князь Иван Андреевич Шуйский. Опричнина начала с казни Горбатого-Суздальского, а закончила тем, что перешла под руководство Шуйского. Цикл замкнулся. Опричному двору нужен был новый блестящий фасад, и царь постарался пополнить опричную думу представителями самых знатных фамилий России. Все это вовсе не означало, что в опричнине в конечном итоге взяла верх высшая аристократия. Опричники Таубе и Крузе весьма метко характеризовали последнее опричное правительство, заметив, что при особе царя не осталось никого, кроме отъявленных палачей и молодых ротозеев. Представители высшей титулованной знати, появившиеся в опричнине, принадлежали ко второй категории: в большинстве своем это были люди сравнительно молодые…»

То есть к власти в стране после Опричнины пришли, по мысли уже самого Р. Г. Скрынникова, а не отъявленных негодяев и палачей Таубе и Крузе, «молодые ротозеи князя Старицкого».

Или все было ровным счетом наоборот — к власти в стране пришли ЛЮДИ КНЯЗЯ СТАРИЦКОГО — его родственники и вассалы? Которые, в свою очередь, в 1573 году будут уничтожены кромешниками, попытавшимися взять реванш за прошлые поражения?

А в 1575 — уже эти, снова на крови пришедшие к власти, кромешники положат свои головы на эшафот? И тогда будет достигнуто некое перемирие, которое Орден кромешников снова коварно разорвет в начале следующего века и организует в стране Великую Смуту, завершившуюся, в конечном итоге, воцарением Романовых.

Нечто похожее на период Смуты было, вероятно, в Московском государстве и в период с 1569 по 1575 годы, когда белые рубили красных, а красные рубили белых, найдя после смерти (в бою или на эшафоте) свое последнее упоминание в общем Синодике, который впоследствии стал одинаково для всех покойных и живых называться в угоду верным Ордену кромешников историкам Синодиком «опальных».

Я не знаю, почему к родственникам князя Владимира Андреевича Старицкого В. Б. Кобрин отнес и князя В. И. Темкина-Ростовского, который действительно служил в свое время Старицким князьям.

Поэтому и начнем наше расследование именно с Василия Ивановича Темкина-Ростовского, который был боярином Старицкого князя и «прославился» своими опричными зверствами. Во время Ливонской войны князь попал в литовский плен и был выкуплен царем в 1567 году. И сразу же зачислен в опричнину боярином и воеводой. То есть, по всей видимости, это и была цена вопроса его верности Ордену. И он, судя по всему, действительно участвовал в Опричном терроре. А в 1571 году с Темкина спросили за убийство людей, и он возместил и материальный, и моральный ущерб: его вотчины на сумму 1200 руб. были в феврале 1571 г. переданы некоему Н. А. Парфеньеву «за сына ево убитую голову и за долг», что не спасло самого князя Темкина и его сына Ивана от казни.

Убийство сыновей-наследников, на которых прерывалась мужская линия рода, было характерной чертой Опричной эпохи. Так кромешники, начиная террор, уничтожили род Горбатых-Шуйских (отца и сына) – и это было ритуальное убийство, так как, убивая единственного сына, душе покойного отца отказывали «в упокоении»…

Что же касается Петра Даниловича Пронского, который с братом Семеном были сыновьями княгини Фотиньи Хованской, то есть двоюродными братьями князя Старицкого, то здесь не совсем такая уж простая история, как предполагал Кобрин. Кромешники не только расправились с семьей князя Старицкого и многими из князей Пронских, о чем справедливо пишет Р. Скрынников, они ударили и по святому — по сыновней чести Пронских: во «Вкладных и кормовых книгах Борисоглебского монастыря», к которому был приписан девичий монастырь Живоначальной Троицы, сообщается о вкладе Ивана Грозного за насильственное пострижение в монастыре Живоначальной Троицы княгини Фотинии, вдовы князя Даниила Пронского.

Сам же В. Б. Кобрин и пишет: «Вскоре после отзыва от удельного князя Петр Данилович взамен малопочетного старицкого боярства получил московское боярство, хотя на первых порах и в **земской думе** (выделено мной – С. В.)». В Земской… И далее: «…после новгородского погрома остается правителем города, с февраля 1571 г. по июнь того же года – новгородский наместник. <…> затем снова возвращается в Новгород, по одним сведениям – вторым воеводой, а по другим – наместником. В послеопричные годы не упоминается».

Как же так? Идут массовые казни опричников, а новгородского опричного наместника это вовсе и не касается? Или в это время в Новгороде другая власть? Видимо другая, поскольку за измену мая 1571 года, которую виновник — князь Иван Федорович Мстиславский, глава Земской думы, — как утверждают историки, полностью признал, его не казнят, не отправляют в ссылку в какую-нибудь Тьмутаракань, а назначают наместником в Господин Великий Новгород, куда перенесена после московского пожарища столица царства!

И исчезает Петр Данилович из истории как-то очень уж таинственно и почему-то бесследно… Последняя дата в разрядах – 1573 год. Мне кажется, что все уже запомнили эту – кровавую – дату, когда исчезает из истории имя последнего Старицкого князя Василия Владимировича и его близких.

И брат его, князь Семен Данилович Пронский, который тоже считается В. Б. Кобриным опричником, тоже «…в августе 1572 г. назначается в Новгород «управу чинити людем».

Князь Хованский Андрей Петрович. «Его доопричная карьера такова: в начале 1560-х годов служил дворецким у кн. Владимира Андреевича, боярином у которого был его брат Борис Петрович. Мать Владимира Андреевича Ефросинья была двоюродной теткой братьев Хованских. <…> исчез из разрядов до апреля 1564 г., когда он уже перешел в государев двор.

<…> в сочетании с первым опричным упоминанием в сентябре 1570 г. позволяет довольно точно датировать его вступление в опричнину первой половиной 1570 г. Думается, не может быть случайным прием в опричнину вскоре после казни Владимира Андреевича близкого к нему человека. Это может, вероятно, объясняться какими-то услугами, оказанными кн. А. П. Хованским центральной власти в связи с делом Владимира Андреевича. В послеопричные годы А. П. Хованский продолжал служить воеводой в ряде походов. Последнее упоминание <…> в 1577/78 г.».

Владимира Борисовича Кобрина в связи с этими его голословными заявлениями все-таки мучали сомнения на счет А. П. Хованского, и в статье об опричниках Пронских он уже пишет: «Мы видели, что вступление в опричнину кн. П. Д. Пронского датируется 1568–1569 гг., так как в январе 1570 г. он уже получает ответственное опричное назначение. Если прием в опричнину другого бывшего слуги и родственника кн. Владимира Андреевича кн. А. П. Хованского мог объясняться **не обязательно его услугами** (выделено мной — С. В.) царю и, отсюда, доверием, но и **прямо противоположными причинами** (выделено мной — С. В.) — вполне вероятным стремлением держать под неослабным контролем подозрительного человека, то мотивы привлечения в состав опричного корпуса кн. П. Д. Пронского сомнения не вызывают. Царь, назначая его наместником в Новгород, должен был иметь какие-то неопровержимые доказательства того,

что он, хотя и родственник, и бывший боярин Владимира Андреевича, но не только его сообщник, а враг его. Этим доказательством могло быть активное участие в расправе над Владимиром Андреевичем».

Вот ведь как – одним росчерком пера и в предательстве обвинили, и в активном участии в расправе…

А почему в голову ученого, всю жизнь занимающегося изучением Опричнины, не могли прийти другие мысли — о том, что могут существовать и ПРЯМО ПРОТИВОПОЛОЖНЫЕ ПРИЧИНЫ, согласно которым и князь Петр Данилович, и князья Хованские были и должны остаться в памяти потомков людьми долга и чести?!

Но продолжим.

Князь Никита Романович Одоевский, по словам В. Б. Кобрина, принадлежал «к самой высшей княжеской аристократии»: «Вместе с Воротынским он был одним из последних удельных князей. Напоминаем, что Курбский пишет о них, что «те княжата были на своих уделах и велие отчины под собою имели; а колико тысящь с них не чту воинства было слуг (то есть воинов – С. В.) их». Его сестра Евдокия была женой кн. Владимира Андреевича Старицкого и погибла вместе с ним».

По одной из версий она вместе с детьми и мужем приняла из рук царя яд. По другой – их расстреляли…

Включение князя Одоевского в опричнину относится также к 1570 году, когда идет «новгородская бойня» — судя по всему, настоящая гражданская война.

Историки с какой-то необыкновенной легкостью (если не сказать прямо – небрежностью) обходят очень важное противоречие, которое никак не вписывается ни в характер царя, «помешанного на изменах», ни в характер эпохи, когда за каждым именитым вельможей стоял весь его род и местнические конфликты, то есть конфликты, касающиеся места (должности, чина) на службе у царя, были конфликтами родов, а не отдельных его представителей.

Опалы, казни одного из представителей рода таким образом касались, всех без исключения остальных его представителей и отражались на их дальнейшей судьбе и карьере.

Это во-первых.

И, второе, — по версии официальной исторической науки, царь Иван Грозный с какой-то маниакальной одержимостью начал с 1570 года казнить самых верных себе людей и, наоборот, окружать себя людьми, которые не могли его не ненавидеть и не желать ему смерти за гибель своих родных.

И в числе самых первых из них – родной брат второй жены князя Владимира Старицкого Евдокии Романовны, казненной вместе с мужем и малолетними детьми, князь Никита Романович Одоевский.

Князья Одоевские были не простыми служилыми князьями типа Оболенских, не имевших своего удельного княжество и полностью зависящих от царской милости и воли.

Одоевские были удельными князьями (имеющими собственные небольшие княжества), хотя и происходили из одного корня с князьями Оболенскими – от святого Михаила Черниговского, у которого было пять сыновей. Один из них – князь Симеон Михайлович, владетель Глухова и Новосиля, «пришол из Новосиля жить в Одоев от насилия Татарского». Он имел трех сыновей – князя Василия Романовича, родоначальника князей Белевских, князя Льва Романовича, умершего бездетным, и князя Юрия Ивановича, от которого пошли две ветви: от Федора Юрьевича – князья Воротынские, от Семена Юрьевича – князья Одоевские. То есть последние были младшей ветвью некогда единого рода Воротынских-Одоевских и занимали в Боярской думе соответствующие места: боярином был Василий Семенович Швих Одоевский, а также дети его старшего брата Ивана Семеновича Сухорука – Михаил Иванович и Роман Иванович, отец Никиты Романовича, который также, в соответствии с «регламентом», стал впоследствии боярином, и боярами впоследствии были его дети – Иван Большой и Иван Меньшой.

То есть появление Никиты Романовича в Боярской думе было явлением закономерным.

Более того, именно на 1572 год, как пишет Ю. М. Эскин, приходится весьма странный местниче-

ский конфликт: ««Весной 1572 г. при назначении разряда «для приходу» крымцев, как известно, были соединены опричные и земские войска. В это время кн. Н. Р. Одоевский, только что ставший опричным боярином, попытался заместничать с кн. М. И. Воротынским, бывшим служилым князем, одним из лидеров земской боярской думы, видным деятелем, не раз подвергавшимся опале. «В правой руке в Торусе бояре и воеводы князь Микита Романовичь Адуевской, да Федор Васильевичь Шереметев; и Микита Адуевской бил челом государю в отечестве на князь Михайла Ивановича Воротынского». Последнее опричное правительство, отмечает Р. Г. Скрынников, состояло в основном из «молодых» людей, а по словам И. Таубе и Э. Крузе, «при особе царя не осталось никого, кроме отъявленных палачей и молодых ротозеев». Боярин Н. Р. Одоевский по возрасту, вероятно, относился к последним. Продвигался по службе он быстро: в 1562/63 г. – есаул, в 1564 г. – первый воевода полка правой руки, в 1567 г. – первый в большом полку на берегу; с сентября 1570 г. – опричный боярин. Челобитье его, однако, было оставлено без внимания. Вместе с Ф. В. Шереметевым, князьями И. П. Шуйским и Д. И. Хворостининым Одоевский участвовал, под командованием кн. М. И. Воротынского, в разгроме Девлет-Гирея на Молодях и, как первый воевода передового полка, принял бой с авангардом ханских войск на Оке. Тем временем на опричного боярина, в свою очередь, подал челобитную и кн. И. П. Шуйский, назначенный первым в сторожевой полк, причем по сути победил – «государь велел челобитье ево записать, и челобитье ево записано». Если учесть, что должности эти были формально равны и по крайней мере узаконенно безместны, то решение можно вполне трактовать в пользу Шуйского. Иван Петрович принадлежал к той ветви рода суздальских княжат Шуйских, которая избежала царских репрессий. В том же 1572 г. он стал боярином, в дальнейшем прославился».

Странность же заключается в том, что Одоевский неожиданно вступает в местнический конфликт со своим прямым старшим родственником. Это могло быть по од-

ной единственной причине – статус Одоевского был на данный момент выше статуса Воротынского. Этим же, вероятно, объясняется и факт его местничества с Шуйским (и кстати, не факт, что Шуйские избежали репрессий, как пишет Ю. М. Эскин, – 24 мая 1571 года в Москве был убит (казнен?) Никита Петрович Шуйский, родной брат Ивана Петровича).

Так что этот местнический конфликт мог случиться только по ОДНОЙ причине – по причине ближнего родства князей Одоевских к князьям Старицким, если согласиться с версией о том, что в 1570–1573 году новое правительство страны возглавлял князь Василий Владимирович Старицкий, о котором историки нам практически ничего не сообщают – доносится лишь шепоток о том, что в эти году князю Старицкому было возвращено отчее княжество, а сестра его – Мария Владимировна в том же 1573 году была выдана замуж за короля Ливонского и принца Датского Магнуса (и этому факту тоже, кстати, не уделено в нашей истории серьезного внимания, так, вроде как, исторический казус, очередная династическая «шуточка» Ивана Грозного, как бывало с его многочисленными завещаниями).

Первоначально этот брак с Магнусом должен был свершиться со сводной старшей сестрой Марии — Евфимией, которая была обручена с Магнусом, но неожиданно (!!!) умерла в 1570 году.

И свадьба состоялась уже с княгиней Марией Владимировной 12 апреля 1573 года в Новгороде.

Мария вступила в этот брак в возрасте 13 лет, что для той эпохи не было чем-то сверхъестественным. Посаженным отцом на этой свадьбе был князь Василий Старицкий. Как же могло такое случиться при Иване Грозном? Важнейший для Ливонской войны и Московского государства династический брачный союз с королем Ливонии неожиданно для историков связан с детьми погубленного Грозным князя Владимира Андреевича Старицкого?

Странностей, приходящихся на начало 1570-х годов, слишком много, но все они находятся в определенной и весьма последовательной связке событий.

Если версия о смене правительства верна, то появление ближней родни и ближних бояр князей Старицких (в том числе и Колычевых) в правительстве страны более чем закономерно – а кто же еще, если не они? И гибель в том же 1573 году князя Василия Владимировича и его родного дяди Никиты Романовича Одоевского вместе с лидерами Земщины, князем Михаилом Ивановичем Воротынским и Михаилом Яковлевичем Морозовым, которые – все трое, подчеркнем это, – были полководцами и были в тот год в одной команде, — становится не просто понятной, а закономерной: в 1573 году произошел, по всей видимости, новый государственный переворот и были уничтожены лидеры правительства Старицкого вместе с юным князем Василием и его ближайшим окружением.

У князя А. Курбского есть одно сообщение об удельных князьях Одоевском и Воротынском, которое очень важно для понимания того, что могло происходить в это время в России, и поэтому мы его еще раз повторим: «… те княжата были на своих уделах и велие отчины под собою имели; а колико тысящь с них не чту воинства было слуг их».

То есть удельные князья имели свои войска.

Весной 1573 года князь Никита Одоевский был назначен первым воеводой полка правой руки в русской армии под командованием боярина князя Михаила Ивановича Воротынского, сосредоточенной для обороны южнорусских границ.

И уже летом 1573 года казнен вместе с князем Михаилом Ивановичем Воротынским и боярином Михаилом Яковлевичем Морозовым.

Андрей Михайлович Курбский написал: «Такожде и Одоевского Никиту мучити различне повелел, ово сраницу его пронзинувши в перси его тамо и овамо торгати; той же в таковых абие мучениях скончался».

Михаил Яковлевич Морозов-Поплевин, будучи родственником Захарьиных, некогда входил в состав Избранной Рады. Был женат на княжне Евдокии Дмитриевне Бельской (умерла в том же 1573 году), дочери боярина

князя Дмитрия Фёдоровича Бельского. Вместе с ним и женой были казнены в 1573 году и их дети: Иван Большой и Фёдор.

Род Морозовых-Поплевиных продолжил младший сын Иван Михайлович Глухой, который оставил после себя двух сыновей: Бориса (женатого на Анне Ильиничне Милославской), воспитателя царя Алексея Михайловича и Глеба (женатого первым браком на Авдотье Алексеевне Сицкой, дочери князя Алексея Юрьевича, а вторым — на Феодосии Прокопьевне (урожденной Соковниной), той самой знаменитой проповеднице староверия «боярыне Морозовой»).

Мы говорим здесь уже о детях и внуках, чтобы проследить в судьбе прямых потомков наших героев существование возможного «кромешного следа», который достаточно четко обозначился в Смутное время у кромешников по факту их «личной преданности» ЛжеДмитриям и «воровскому патриарху» Филарету.

И, как мы увидим, этот «след» в отношении названных выше людей не только не прослеживается, а именно они являются настоящими героями Смутного времени, сохранившими Отечество и Православную Веру.

Их потомки, как отцы и деды, продолжали сражаться с Орденом кромешников.

Так, одним из самых активных борцов за спасение России был боярин Василий Петрович Морозов (†1630). Будучи воеводой в Казани, он в 1611 году по призыву священномученика Ермогена, Патриарха Московского и всея Руси, во главе казанской рати пришел к Москве и присоединился к первому земскому ополчению, осаждавшему занятый поляками Кремль. Затем Василий Петрович уехал в Ярославль, где вступил в ополчение Минина и Пожарского и вместе с князем Д. М. Пожарским подписывал грамоты в разные города, призывая их жителей встать «против общих врагов польских и литовских и немецких людей и русских воров».

У Михаила Ивановича Воротынского в период Смуты тоже оставался только один сын Иван Михайлович. Вторым браком он был женат на княжне Марии Петров-

не Буйносовой-Ростовской, родной сестре жены царя Василия Шуйского. В период Смуты он — последовательный защитник русского престола, сторонник и единомышленник патриарха Гермогена, в 1611 подвергся году преследованию со стороны бояр-кромешников — приверженцев Сигизмунда, был посажен под стражу и вынужден подписать грамоту об отдаче Смоленска. То есть и в этом случае не виден добровольный «кромешный след» его связи с Орденом.

Не прослеживается он и в отношении сыновей князя Никиты Одоевского. Их в Смуту было двое. Один – Иван Никитич Большой — до последнего оборонял Новгород и вынужден был принять вместе с новгородцами шведское подданство. Другой – Иван Никитич Меньшой — видный участник народного ополчения, которое возглавил Дмитрий Пожарский, громил банды казачьего атамана Ивана Заруцкого — последнего мужа Марины Мнишек, в недавнем «верной жены» двух ЛжеДмитриев.

Князь Петр Данилович Пронский был бездетным. Умер в 1577 году.

Но в истории Смутного времени остался Петр Иванович Пронский, сын Ивана Васильевича. Это был один из кандидатов в цари Всея Руси: длинный список претендентов содержит «Повесть о Земском соборе 1613 года». Вот как в ней изложен порядок избрания: «Князи ж и боляра московские мысляще на Росию царя из вельмож боярских и изобравше седмь вельмож боярских: первый князь **Феодор Ивановичь Мстиславской**, вторый князь **Иван Михайловичь Воротынской**, третей князь **Дмитрей Тимофиевичь Трубецкой**, четвертой **Иван Никитин Романов**, пятый князь **Иван Борисовичь Черкаской**, шестый **Феодор Ивановичь Шереметев**, седьмый князь **Дмитрей Михайловичь Пожарской**, осмый причитается князь **Петр Ивановичь Пронской**, но да ис тех по Божии воли да хто будет царь и да жеребеют».

Он был мало кому известен, но это была альтернатива Михаилу Романову — «такой же молодой и родовитый стольник, как и Михаил Романов, только кня-

жеского происхождения», ставший заметным благодаря своей службе в земском ополчении в Ярославле.

Сергей Шокарев. «Смутное время в Москве»:

«Собор сразу определил круг кандидатов — «великие» роды Московского государства, крупное боярство. По различным источникам известны имена, называвшиеся на Соборе, — князь Федор Иванович Мстиславский, князь Иван Михайлович Воротынский, князь Иван Васильевич Голицын, князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой, Иван Никитич Романов, князь Иван Борисович Черкасский, князь Петр Иванович Пронский, Федор Иванович Шереметев.

…Кандидатура Мстиславского, несомненно, одного из наиболее знатных претендентов по происхождению от Гедимина и родству с династией московских царей (он доводился праправнуком Ивану III), не могла быть принята к серьезному рассмотрению, поскольку он еще в 1610 г. заявлял, что пострижется в монахи, если его будут принуждать принять трон. Не пользовался он симпатиями и за свою откровенно пропольскую позицию. Были также отведены кандидатуры бояр, входивших в Семибоярщину, — И. Н. Романова и Ф. И. Шереметева. Наибольшие шансы были у кандидатов, входивших в ополчение, — князей Д. Т. Трубецкого, И. Б. Черкасского и П. И. Пронского.

Наиболее активную предвыборную деятельность развил Трубецкой: «Учреждаша трапезы и столы честныя и пиры многия на казаков и в полтора месяца всех казаков, сорок тысяч, зазывая толпами к себе на двор по вся дни, честь им получая, кормя и поя честно и моля их, чтоб быти ему на Росии царем…». Вскоре после освобождения Кремля от поляков Трубецкой расположился на бывшем дворе царя Бориса Годунова, подчеркивая этим свои претензии. Была подготовлена и грамота на пожалование Трубецкого огромной по территории волостью Вага (на Двине), владение которой было своеобразной ступенькой к царской власти — Вагой владел в свое время Борис Годунов. Под этой грамотой поставили свои под-

писи высшие иерархи и руководители объединенного ополчения — князья Д. М. Пожарский и П. И. Пронский, однако рядовые участники собора отказались подписать грамоту. Они хорошо знали о колебаниях бывшего тушинского боярина во время боев за Москву и, возможно, не могли простить ему присягу Псковскому вору. Вероятно, были и другие претензии к Трубецкому, и его кандидатура не смогла набрать достаточного количества голосов».

Позже, уже при царе Михаиле Федоровиче, П. И. Пронский был сослан в Сибирь…

Женат он был (и это тоже важно для нашего расследования, ибо браки совершаются, как известно, «на небесах») с 1624 года на Марии Григорьевне Колычевой, дочери Григория Фёдоровича Гущи-Колычева (получил за нею в приданое сельцо Чижово, да семь пустошей и перелогу 200 четей (ныне Богородского у., в 28 верстах от Москвы).

А вот теперь поговорим о Хованских.

Князь Андрей Петрович Хованский, двоюродный племянник княгини Ефросиньи Андреевны Старицкой, которого, с одной стороны, пытаются обвинить в предательстве, а, с другой стороны, определяют, что для кромешников он был фигурой весьма подозрительной.

Развеем эти сомнения – именно князь Андрей Петрович Хованский, как никто другой, мог состоять в Ордене кромешников: он был единственным из всех родственников князей Старицких, кто был связан с кромешниками прямыми родственными узами – его матерью была Ирина Федоровна Плещеева, дед которой — Андрей Михайлович Плещеев — был женат на Елене Яковлевне Захарьиной-Кошкиной. То есть родным дядей Ирины Федоровны был Данила Андреевич Басманов, а двоюродным братом – Алексей Данилович, зачинщики Опричного террора.

Вот ведь где настоящая пища для размышлений о возможном предательстве князя…

Андрей Петрович Хованский умер в 1579 году. То есть в событиях Смуты личного участия не принимал.

Но его сын — князь Иван Андреевич Хованский был товарищем, то есть заместителем Дмитрия Пожарского во Втором, то есть Земском, ополчении, противостоявшем «тушинскому воровскому лагерю» кромешников и объединившем истинных патриотов своей страны. Во время знаменитой Московской битвы князь Иван Андреевич был третьим воеводой Большого полка, как один из самых опытных командиров Второго ополчения.

С князем Дмитрием Пожарским Иван Андреевич был и в родственных отношениях — его брат, князь Никита Андреевич Хованский (ум. в 1608 г.) был женат на сестре князя Дмитрия Пожарского Дарье.

Третий из братьев – знаменитый в будущем тобольский воевода Андрей Андреевич Хованский также ничем не запятнал себя в Смутное время.

В Опричнине, по данным В. Б. Кобрина служили и двое Борисовых-Бороздиных, которые приходились родственниками Старицких по матери княгини Евфросиньи – урожденной Борисовой-Бороздиной и происходили из тверских бояр – Григорий Никитич и его двоюродный племянник Никита Васильевич.

Григорий Никитич служил князю Старицкому. После роспуска его двора появляется в государственных разрядах: «После отмены Опричного двора был боярином (с 1577 г.)».

Никита Васильевич «в 1573 г. участвовал в походе на черемисов, а в 1575 г. был вторым воеводой в Вильяне (Феллине). Вероятно, около этого времени казнен (упомянут в синодике), а по Шереметевскому списку «выбыл» в 1575/76 г.».

Действительно, по синодику, не один, а два Борисовых – Никита и Василий — казнены 27 ноября 1575 года вместе с Дмитрием Бутурлиным и князем Друцким.

То есть Борисовы-Бороздины все же удосужились связаться с кромешниками?

Но обращает на себя внимание и другой факт: этот же В. Б. Кобрин, которого мы цитируем, в той же книге «Опричнина. Генеалогия. Антропонимика» записывает

тех же Борисовых-Бороздиных – «Гр. Ник. и Ник. Вас.» — и в земские руководители (14 и 15 по списку).

И это больше походит на правду.

И вот почему: после событий марта 1553 года Захарьины попытались сместить духовника царя священника Сильвестра, влияние которого при дворе было очень значительным: «Сильвестру удалось отогнать от царя Ивана «ласкателей» после того, как он «присовокупляет себе в помощь архиерея онаго великаго града» Москвы, иначе говоря, митрополита Макария.

Вот причина, почему Грозный ни словом не обмолвился о Макарии в своем отчете о кризисе 1553 г. Смертельная болезнь государя и династический кризис выдвинули фигуру митрополита на первый план. Если монарх в своем отчете о «мятеже» вообще не упомянул имени Макария, то лишь потому, что щадил его память. Он не стал обвинять пастыря церкви в том, в чем обвинял «изменных бояр», а именно во вражде к Захарьиным. Видимо, в 1553 г. Макарий, подобно Сильвестру, старался погасить раздор между Старицкими и Захарьиными, чтобы устранить опасность смуты.

Споры о ереси возродили прежний раздор. Розыск обнаружил, что ересь свила себе гнездо при дворе старицкого удельного князя. Главными сообщниками еретика были объявлены знатные дворяне Иван Тимофеевич Борисов-Бороздин и его брат. Они происходили из очень знатного рода тверских бояр и доводились троюродными братьями Евфросинье Старицкой. Оба служили в удельном княжестве и были видными придворными князя Владимира Андреевича. Враги Старицких не прочь были использовать момент, но Сильвестр и Макарий не дали разжечь пожар.

Следствие по делу Башкина и Борисовых было передано осифлянам (то есть «стяжателям», за которыми стояли Захарьины, провоцировавшие процессы над еретиками – С. В.). Башкин в конце концов сознался, что называл иконы «идолами окаянными», хулил самого Христа. Видимо, эти признания были получены под пыткой. У обвиняемого помутился рассудок: он «язык извеся,

непотребная и нестройная глаголаша на многи часы, и потом в разум прииде». Матвей Башкин был брошен в тюрьму, Иван Борисов сослан в монастырь на остров Валаам» (Р. Скрынников).

То есть, как рассказывает нам Руслан Скрынников, Борисовы еще до казни княгини Старицкой и ее сына были смертельными врагами Захарьиных, ярых иосифлян, погубивших в своем время не только Борисовых, но и князей Патрикеевых, из рода которых были и сами Хованские.

Мы обратились к «Родословной книге» князя Петра Владимировича Долгорукова и обнаружили, что Григорий Никитич и Никита Васильевич относятся к тому же родовому колену Борисовых-Бороздиных, что и Иван Тимофеевич с братом Григорием Тимофеевичем и сама княгиня Хованская.

Василий Петрович Борисов-Бороздин, дед княгини Старицкой, был женат на дочери князя Федора Палецкого (из того же рода князей Стародубских, что и Пожарские, потомки св. Михаила Черниговского), который также не испытывал к Захарьиным никаких добрых чувств: « *N. Федоровна* — тетка княжны Ульяны, дочь Федора большого Ивановича (Палецкого – С. В.), была за окольничим Вас. Петр. Бороздиным, принимавшим участие в хлопотах Евфросинии старицкой по доставлению сыну ее Владимиру Андреевичу престола» («Русский биографический словарь»).

Князь Борис Иванович Палецкий, — читаем мы в том же «Русском биографическим словаре» — «внук родоначальника П. — Ивана Давидовича, конюший и боярин кн. Андрея Ивановича старицкого. В 1537 г., когда кн. старицкого посадили в заключение, Б. И. взят был в числе других бояр кн. Андрея, которые «его думу ведали»; его пытали, казнили торговой казнью и потом бросили в наугольную стрельницу».

Дмитрий Федорович Палецкий Шереда в 1553 году был на стороне князей Старицких, хотя, как родич Ивана Грозного (его дочь была женой князя Юрия Васильевича, родного брата Ивана Грозного – С. В.), занимал двой-

ственную позицию, торговался со Старицкими за удел, который должен был остаться за князем Угличским, зятем.

Его дочь, Ульяния Дмитриевна Палецкая (о которой мы упомянули выше) и была женой брата Ивана Грозного – удельного князя Юрия Угличского, после смерти которого в 1563 году пострижена в монахини и находилась в Горицком девичьем монастыре вместе с инокиней Евдокий Старицкой, а 15 октября 1569 года кромешники казнили обеих, утопив в реке Шексна, на берегу которой и стоял монастырь.

Вся ее вина, как пишут, заключалась в том, что она в монастырском заточении была близка с княгиней Старицкой.

НЕЗАВЕРШЕННОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ

Часть вторая

Но это еще далеко не полный список казненных из рода князей Стародубских, которые через князей Палецких породнились с Иваном Грозным.

Князь Дмитрий Давыдович Палецкий, по прозванию Тулуп, был родоначальником князей Тулуповых.

21 ноября 1570 года, если верить синодику опальных, вместе с дьяками Висковатым и Фуниковым по делу конюшего Федорова-Челяднина казнен князь Андрей Давыдович Тулупов с женой Афимьей.

А в августе 1575 года посажен на кол князь Борис Давыдович Тулупов. Вместе с ним казнены князь Владимир, князь Андрей и князь Никита Тулуповы.

Вот как Р. Скрынников объясняет причины смерти Бориса Давыдовича:

«Источники хранят по этому поводу молчание, и только синодик опальных приоткрывает краешек завесы. В синодике можно обнаружить следующую запись: «Помяни, господи, князя Бориса Тулупова, князя Володимера, князя Аньдрея, князя Никиту Тулуповы, Михайлоу Плещеев, Василий Умной, Алексея, Федора Старово, Ориноу Мансурова... Якова Мансурова», Составитель синодика не случайно соединил этих людей на одной странице поминальной книги. Можно установить, что все они служили в опричнине, а затем перешли во «двор» Грозного (после роспуска опричнины так называемый двор заменил собой опричный охранный корпус). На «дворовой» службе подвизались лишь особо доверенные лица. Число их не превышало нескольких сот. Названные выше люди занимали при новом дворе какое-то особое положение. За год до коронации Симеона царь

отпраздновал свадьбу с Анной Васильчиковой. На ней было не много приглашенных: избранные из избранных. Но вот что интересно: на свадьбе весело пировали все те, кто вскоре оказался в числе опальных. Никто не подозревал, каким коротким окажется для них путь из-за свадебного стола на эшафот. Незадолго до свадьбы Грозный посетил Пыточный двор и задал вопрос боярским холопам, которых жгли на огне: «Кто из бояр наших нам изменяют?» И сам принялся подсказывать имена: «Василий Умной, князь Борис Тулупов, Мстиславский?..» Царь начал с самых близких своих советников, стоявших подле него тут же на Пыточном дворе. Он шутил, но от его слов у бояр леденела кровь.

В синодике записаны не просто высокопоставленные чиновники двора. Знакомство с их биографиями убеждает в том, что перед нами руководители первого послеопричного правительства. В его состав входил князь Борис Тулупов, который сделал головокружительную карьеру. Вначале — скромный оруженосец, возивший царский самопал, а через год-два — член ближнего царского совета, вершивший дела государственной важности. Рядом с Тулуповым в синодике записан Василий Умной. Этот был преемником Скуратова. Он с таким рвением продолжил начатый Малютой розыск о боярской измене, что тотчас был пожалован в «дворовые» бояре. За Умным во «двор» потянулась вся его многочисленная родня — Колычевы».

Что же это было за правительство и что же произошло, что изменилось в стране после 24 мая 1571 года, когда Орден кромешников был разгромлен?

В разных книгах Руслана Григорьевича мы находим интересующие нас подробности:

«Преемником опричнины стал «двор». «Дворовую» думу возглавили боярин Василий Умной-Колычев и окольничий князь Борис Тулупов. В состав «дворового» корпуса вошли избранные опричники, прошедшие многократные чистки».

«Новое правительство пыталось умиротворить государство, потрясенное опричным террором. Но оно не

успело выполнить свою задачу и распалось под влиянием внутренних разногласий. Бояре Колычевы оказались втянутыми в острый местнический конфликт с Годуновыми и Сабуровыми. Дмитрий Годунов затеял тяжбу с Василием Умным-Колычевым, а Богдан Сабуров добился того, что боярин Федор Умной-Колычев был выдан ему головой. Годуновы не успокоились, пока не уничтожили своих противников. Одержимый подозрениями царь Иван приказал казнить своих самых доверенных советников — Василия Умнова и Бориса Тулупова. Первое послеопричное правительство пало».

Итак, к власти пришли Сабуровы и Годуновы.

С Годуновыми понятно – все они заклеймены в истории как самые «ярые опричники».

Но как быть с Сабуровыми?

Как они могли быть в числе «избранных опричников» и пройти «многократные чистки», если В. Б. Кобрин всех их определяет в числе руководителей Земщины:

Сабуровых в Земском руководстве было несколько (по В. Б. Кобрину):

Сабуров-Вислоухов Вас. Бор.
Сабуров-Вислоухов Гр. Папин
Сабуров Замятня Ив.
Сабуров И.И.
Сабуров-Вислоухов Ив. Папин
Сабуров Юр. Вас.

То есть повторяется та же история, что и с многочисленными Колычевыми – мы констатируем явный исторический подлог.

Но вернемся к первому послеопричному правительству.

Попытаемся понять, почему это правительство возглавил именно Тулупов – потомок князей Стародубских

Напомним, что это ветвь древнейшего (старшего из всех Рюриковичей) рода Владимиро-Суздальских князей, к которому относились и ненавидимые Захарьиными князья Шуйские – первые заводилы всех дворцовых

заговоров и переворотов в шестнадцатом и начале семнадцатого столетий.

Вот что пишет о них Руслан Григорьевич, напоминая, в том числе, и о событиях 1553 года:

«Совершенно особенное положение в среде высшей титулованной знати занимали многочисленные и влиятельные князья Ростово-Суздальские, Ярославские и Стародубские, происходившие от единого корня и сидевшие крупными гнездами на территории некогда принадлежавших им княжеств. К середине XVI в. землевладение младших потомков удельных княжеских династий Владимиро-Суздальской земли подверглось значительному дроблению. Наиболее крупные земельные богатства сохранили в своих руках старшие Суздальские князья.

Группировка Захарьиных успела снискать ненависть Боярской думы за время своего кратковременного правления. Противниками Захарьиных выступили, с одной стороны, фрондирующие удельные князья и, с другой — более могущественная титулованная знать, князья Оболенские, Ростово-Суздальские, Стародубские, Ярославские и т. д. Располагая большинством в Боярской думе и поддержкой влиятельной церковной верхушки, знать, естественно, стремилась вернуть себе доминирующее положение в правительстве. Захарьины видели непрочность собственных позиций в Боярской думе и после отставки Сильвестра настояли на проведении в думе новой присяги. Члены думы клятвенно обещали «отстать» от Сильвестра и его сподвижников. Но, повествует царь Иван, и после того крамольные бояре не прекратили своих интриг, «крестное целование преступивше, не токмо осташа от тех изменников, но и болми начаша им помогати и всячески промышляти, дабы их на первой чин возвратити и на нас (царя. — *Р. С.*) лютейшее составите умышления...».

Зачисление Суздаля в опричнину преследовало, по-видимому, две цели. Первая состояла в том, чтобы сократить родовое землевладение Суздальских князей, и эта цель была отчасти достигнута после конфискации

земель у Горбатых (ветвь князей Шуйских, которые были уничтожены в первые годы Опричнины – С. В.). Вторая цель сводилась к тому, чтобы ослабить традиционные политические связи суздальской знати с многочисленным средним и мельчайшим дворянством Суздальского уезда. В итоге опричного генерального смотра из уезда были выведены все местные феодалы, которых подозревали в симпатиях к Суздальским князьям, потомкам местной княжеской династии. Суздаль был «старшим» из городов и наиболее крупным политическим центром, попавшим в опричнину. Созданная по типу удела опричнина могла с полным правом именоваться «суздальским уделом». Создание «суздальского удела» было мерой, направленной острием своим против суздальской знати.

Вслед за Суздальскими князьями репрессиям подверглись их младшие сородичи князья Ростовские, Ярославские и Стародубские. Для суждения об опричных репрессиях против высшей титулованной знати исключительное значение имеет указ Грозного о ссылке княжат в Казанский край».

И далее…

«Князь Д. И. Хилков (из рода князей Стародубских – С. В.) поддерживал партию Сильвестра. Когда пала Рада, он был сослан на воеводство в Юрьев. После смерти члена ближней думы князя Д. Ф. Палецкого Хилков стал главным и, кажется, единственным из Стародубских князей, имевшим боярский чин. Опалу на Хилкова, возможно, следует связывать с обсуждением в Боярской думе Уложения о княжеских вотчинах в 1562 г. Уложение ущемляло интересы Стародубских княжат, которые, естественно, возражали против его утверждения. Правительство конфисковало у Хилкова все его земли в период между сентябрем 1563 г, и августом 1564 г. По утверждению Курбского, князь был оторван от семьи и предан «внезапной» смерти.

Опала на Хилкова обезглавила влиятельный род Стародубских князей».

А затем последовали и прямые репрессии: «Наряду с Ростовскими и Ярославскими князьями указ о казанской ссылке более всего затронул род *Стародубских князей*. Незадолго до введения опричнины царь подверг опале боярина князя Д. И. Хилкова, в результате чего Стародубские князья были полностью удалены из Боярской Думы. Вслед за тем по указу Грозного в Казанский край были сосланы троюродный брат боярина Хилкова князь А. И. Стригин Ряполовский, воевода Н. М. Сорока Льяловский-Стародубский, его родня В. И. Большой, А. И., Ф. И. и В. И. Меньшой Кривоборские, их двоюродные братья князья И. А., П. А. и И. С. Ковровы, затем родня боярина князя Ф. Б. Ромодановского князья Иван, Н. И. и А. А. Нагаев Ромодановские, князья Гундоровы, а также князь Ф. И. Меньшого Пожарский (из самой старшей линии Пожарских князей), его дядя П. В. Пожарский с двумя племянниками, более десятка князей Гагариных».

А теперь главное. В 1573 году, когда произошло убийство князя Василия Владимировича Старицкого, Борис Давыдович Тулупов получает чин окольничего, то есть становится представителем рода князей Стародубских в послеопричной Боярской думе, расправившейся с правительством князя Василия Старицкого и его ближним боярским кругом.

Это правительство возглавили, по Скрынникову, князь Борис Давыдович Тулупов и Василий Иванович Умной-Колычев.

Как видим, и Тулупов – из разряда прямых врагов Опричнины, от которой пострадала его многочисленная родня.

Что же их сблизило с Василием Умным-Колычевым?

Иван Иванович Умной-Колычев Лобанов, отец Федора и Василия Умных, на протяжении многих лет был дворецким удельного князя Андрея Ивановича Старицкого.

Он также, как и князь Борис Иванович Палецкий (из рода которых вышли Тулуповы), сменивший его на посту старицкого дворецкого, прошел через позорную тор-

говую казнь и тюрьму, которые были им наказанием за верность своему сюзерену.

Мы не знаем, когда клан Радшичей-Бяконтов-Кобылиных сложился в Орден кромешников.

Но мы знаем другое — что Колычевы происходят из того же рода Кобылиных, что и Захарьины.

И когда дети Ивана Ивановича Колычева-Лобана – Федор и Василий – временно остались без отца, они совершенно непостижимым образом для местнических принципов того столетия начали создавать себе карьеру – Федор Иванович Умной-Колычев не только стал боярином (первым из Колычевых за прошедшее СТОЛЕТИЕ, со времен Дмитрия Донского! – ни один из Лобанов до них не поднялся выше чина окольничего), но и вместе с чином боярина в 1562 году стал одним из регентов царевича Ивана Ивановича, при дворе которого и начинал свою службу.

Василий Иванович, также служа при дворе царевичей, в 1562 году получает чин окольничего.

Безусловно, что оба были посвящены в дела Ордена.

По всей видимости, в 1571 году Никиту Романовича Захарьина-Юрьева (родоначальника рода Романовых) и братьев Умных-Колычевых спасло от казни только их ближайшее родство. Захарьина – с Горбатыми-Шуйскими и Головиными-Ховриными. Умных – с Колычевыми и, прежде всего, с убитым кромешниками святым митрополитом Филиппом (Федором Степановичем Колычевым).

Но позже, когда к власти в стране пришли уже не сторонники князей Старицких, а родственники Соломонии Сабуровой, уничтожены были и Тулуповы, и Колычевы.

Какая тут связь?

А давайте вспомним, что народная молва утверждала, будто сын Соломонии был знаменитым разбойником Кудеяром. По другой народной легенде, Девлет-Гирея привел к Москве Кудеяр Тишенков, и Девлет-Гирей после этого носил символическое имя «Взявший трон».

Поэтому местнический спор опричного «маршала» Федора Ивановича Умного-Колычева с земским «генералом» Василием Борисовичем Сабуровым вряд ли был

«менее значимым эпизодом», чем гибель митрополита Филиппа, как полагал В. Б. Кобрин.

Этот эпизод был как раз фактом окончательного крушения Опричнины – и приходом к власти в стране Земщины – в лице ее «генералитета».

Добавим к этому еще такой любопытный, на наш взгляд, исторический факт — Василий Борисович Сабуров стал боярином в 1571 году! Как и… Никита Романович Одоевский…

И далее состав Думы пополняется следующим образом (по А. А. Зимину): «В это время (1573 год – С. В.) боярами уже были Богдан Юрьевич Сабуров, отец жены царевича Ивана Ивановича и Василий Юрьевич Голицын (из рода Патрикеевых, злейших врагов Захарьиных – С. В.). В октябре 1573 г. упоминается в разрядах боярин кн. Иван Юрьевич Голицын. В том же году были окольничими кн. Петр Иванович Татев (из рода князей Ряпополовских-Стародубских, в будущем тесть полководца Михаила Васильевича Скопина-Шуйского – С. В.) и Григорий Григорьевич Колычев, кн. Юрий Иванович Токмаков (князь Звенигородский, воевода Пскова, пытавшийся остановить репрессии кромешников в 1570 году – С. В.)…

То есть Земщина реально пришла к власти и начала предъявлять свои счета (в том числе и местнические, возвращая утраченные при опричнине «места» при троне).

И земский боярин Сабуров не просто «сковырнул» опричного боярина Федора Умного-Колычева – тот вынужден был «за бесчестие» постричься в монахи, то есть навсегда распрощаться с мирской жизнью.

Что на этот раз происходит в стране по мнению историков?

«Управление «уделом» осуществляла «удельная» дума, возглавленная Нагими, Годуновыми и Бельским. Старый постельничий царя Дмитрий Годунов подвизался на поприще политического сыска: Постельный приказ

расследовал заговоры против особы царя. Заслуги Дмитрия Годунова были оценены, и он получил боярский чин, не полагавшийся ему по «худородству». Его племянник Борис вошел в «удельную» думу с чином кравчего, а свояк Бориса Богдан Бельский стал оружничим. Афанасий Нагой оказал царю важные услуги, будучи послом в Крыму. Он разоблачил мнимую измену бояр в пользу крымского хана и тем обеспечил себе карьеру. Под влиянием Афанасия Нагого царь ввел в «удельную» думу его брата Федца, пожаловав ему чин окольничего, а позже женился на его племяннице Марии Нагой. Образовавшийся триумвират — Нагие, Бельский, Годуновы — сохранил влияние при дворе Грозного до последних дней его жизни».

Нагие в этом списке стоят первыми.

Давайте и мы разберемся, кто такие Нагие?

В опричнине числился только Афанасий Федорович Нагой. Именно числился, так как он был послом в… Крыму. Да-да, именно там, откуда и пришла гибель Опричнине: «В июне 1571 г., будучи русским послом в Крыму, — пишет В. Б. Кобрин, — был за заслуги зачислен в опричнину. <…> По возвращении из Крыма был воеводой».

Вопрос: за какие такие заслуги в ИЮНЕ 1571 года, если 24 мая 1571 года с помощью крымских татар Земщина (от чего князь Мстиславский, глава Земской Думы, конечно же, не отказывался, признавая свою «измену», и за что был вместо казни назначен наместником новой столицы – Новгорода) вырезала чуть не подчистую всех кромешников?

Лично у меня в голове идея о признании таких «заслуг» не укладывается.

А вот заслуги перед Земщиной за разгром Опричнины – это в самый раз!

Но Афанасий Федорович Нагой – совершенно не случайная здесь фигура. Он сын Федора Михайловича Немого, родного брата Александра Михайловича, дочь которого (двоюродная сестра Афанасия Федоровича) Евдокия Александровна Нагая была первой женой князя Владимира Андреевича Старицкого, выбранная им не

по воле брата – царя Ивана Грозного, а по собственной воле, и родившая ему сына Василия Владимировича, будущего князя Старицкого, и дочь Евдокию.

Неизвестно по каким причинам, но Евдокия Александровна Нагая вместе с племянницей Ириной в 1555 году постриглись и ушли в монастырь, а князь Владимир женился на княжне Одоевской.

Но именно после событий мая 1571 года, когда князю Василию Владимировичу возвращен титул Старицкого князя, Нагие появляются при дворе.

Это неожиданное возвышение Нагих, безусловно, связано с именем князя Василия Старицкого, которого, вероятно, в 1573 году убили. И не погибли ли вместе с ним тогда воеводы Воротынский, Одоевский и Морозов?

Семен Федорович, Федор Федорович и Юрий (почему-то без отчества) Нагие были, согласно В. Б. Кобрину, в составе Земского руководства.

То есть мы еще и еще раз убеждаемся в том, что к власти в стране пришла Земщина. Но успех, по всей видимости, был переменный, вплоть до 1575 года, пока оставшееся ядро кромешников окончательно не было уничтожено.

Весьма любопытной представляется в новом правительстве и роль Бельских. В истории, как правило, фигурирует только фаворит царя Богдан Яковлевич Бельский. Но судя по свадебному чину Васильчиковых, «имя им – легион».

Кто такой Малюта Скуратов, вдове которого царь устанавливает в 1573 году, после его гибели, беспрецедентную по тем временам пенсию в размере должностного оклада своих фельдмаршалов – 400 (а не 40, как у В. Б. Кобрина) рублей, третью по значимости в «табеле о рангах» марта 1573 года?

И не удивляет ли вас дата назначения этой пенсии – 1573 год? И еще: Царь «дал по холопе своем по Григорье по Малюте Лукьяновиче Скуратове» вклад в 150 рублей — больше, чем по своему брату Юрию или жене Марфе. В 1577 году Штаден записал: «По указу великого князя его поминают в церквах и до днесь».

Ясно одно – в этот год в стране что-то снова происходило…

Но для нас важнее другое – какую сторону в гражданском противостоянии представляли Бельские (не могу понять, почему эту фамилию историки пишут по-разному: Бельские, Вельские) и их вождь Малюта Скуратов.

Д. Альшицу все ясно: в его мартовском списке опричников 1573 года только одни «красные»: «Вельские — 12 (среди них числятся такие «ведомые» опричники, как покойный Малюта Скуратов, Богдан Яковлевич, Верига Третьяков, Григорий Петрович, Тимофей Петрович, Григорий Нежданов)».

А мне, например, многое, наоборот, не ясно.

Начнем с главного, вычитанного у В. Б. Кобрина: «И в народной памяти, и в исторической традиции опричнина связывается с его (Малюты – С. В.) именем. Это, однако, не совсем верно. Малюта **НИКОГДА** (выделено мной – С. В.) не занимал очень высокого официального положения, в первые же годы опричнины он был сравнительно незначительным его деятелем».

А вот теперь вдумайтесь в слова: «До 1569/70 г. его имя встречается только один раз – в сентябре 1567 г.».

То есть он возвышается в то самое время, когда Земщина поднялась на Опричнину, и обе эти силы столкнулись в смертельном противоборстве.

И разве случайно, что правой рукой Малюты Скуратова становится человек, который прежде служил князьям Старицким – Василий Грязной-Ильин.

«Выдвигается он лишь в конце 1560-х годов в связи с делом о новгородской измене и Владимире Андреевиче Старицком».

Чем же он прославился?

Только своим зверством? Но зверства в Опричнине было столь много, и оно было столь многолико, что Скуратов вряд ли был бы даже замечен на фоне того, что творили хотя бы те же иноземцы-опричники Таубе и Краузе, о чем они не стесняясь писали в своих отчетах, являющихся сегодня историческими «бестселлерами».

А вот если он встал, как Минин и Пожарский, во главе Земского бунта, то фигура его действительно становится весьма зловещей для кромешников и их потомков – как по крови, так и по духу.

Ученые-историки до сих пор не могут свести концы с концами: откуда появился на Руси род Бельских-Скуратовых и кто таков на самом деле этот Малюта Скуратов?

Кромешники стерли о нем любое упоминание, кроме ложных, фальшивых, подтасованных, превративших его в общественном мнении в монстра.

Но почему именно с безвестным в истории родом Григория Лукьяновича Малюты Скуратова Бельского решили связать свою дальнейшую (прежде всего, политическую) судьбу первостатейные вельможи России – Иван Михайлович Глинский, двоюродный брат царя, Борис Федорович Годунов (будущий царь), Дмитрий Иванович Шуйский (брат будущего царя Василия IV), родственник князей Черкасских (потомков царей Египетских) – князь Иван Келмамаев и потомки византийского императорского дома Комнинов – Ховрины-Головины?

Связать свою судьбу с худородными – было бесчестием (преступлением) не только для своего родового клана, но и для всей остальной вельможной аристократии, для которой брачный союз имел исключительно важное политическое значение – а тут законные претенденды на русский престол.

В. Б. Кобрин чувствовал, что в этом вопросе что-то совсем не так, как представляется нам сегодня: «Отметим, что Малюту связывали с Иваном IV какие-то не совсем обычные отношения. Во вкладной книге Иосифо-Волоколамского монастыря царский вклад по его душе записан следующим образом: «Дал царь государь и великий князь Иван Васильевич всея Русии по холопе по своем по Григорье по Малюте Лукьяновиче Скуратове»… Возможно, что эта формула указывает на какую-то особую связь семьи Бельских с царской семьей».

Да и не о каждом «холопе» писали в те времена с «вичем»…

Впрочем, совершенно мнимой является и «худородность» Годуновых, о которых заявляет Р. Г. Скрынников, — это одна ветвь с Сабуровыми и Вельяминовыми, патриарх рода которых был тысяцким (фельдмаршалом) в войске Дмитрия Донского. А Сабуровы (и иже с ними Годуновы), помня об обиде, нанесенной Василием III своей жене Соломониде Юрьевне Сабуровой, безусловно, могли быть только врагами Глинских, посягнувших на честь их древнего боярского рода. Как и врагами Захарьиных. И самого Грозного – который по словам А. Курбского (или его талантливого фальсификатора) «в законопреступном сожительстве и сладострастном прелюбодеянии был зачат и рожден».

То есть, современникам была известна ТАЙНА РОЖДЕНИЯ царя Ивана IV?!

Какой же вывод напрашивается из всего этого?

Вывод, который потрясает своей простотой: после уничтожения Опричного двора к власти пришла партия князей Старицких, возглавил которую молодой князь Василий Владимирович. Отсюда так много его родни, его вассалов (которые, конечно же, не были предателями его отца), друзей и единомышленников в высшем дворцовом окружении. В том числе и искренне преданных князьям Старицким представителей боярского рода Колычевых.

И тогда становится понятным, почему именно в 1573 году княгиня Мария Владимировна Старицкая, сводная сестра Василия Владимировича, становится королевой Ливонии, и на этой свадьбе князь Василий Владимирович с женой выступают в роли посаженных родителей.

Но в том же 1573 году происходит новый дворцовый переворот, в результате которого Василий Владимирович убит и казнены его лучшие военачальники.

А затем еще одна смена власти происходит осенью 1575 года, когда на Земском Соборе был провозглашен царем всея Руси Симеон Бекбулатович.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Итак, в 1573 году при неизвестных истории обстоятельствах был уничтожен последний представитель правящего колена династии Рюриковичей – князь Василий Владимирович Старицкий – прямой потомок святого благоверного великого князя Александра Ярославовича Невского, сын князя Владимира и внук князя Андрея Старицкого, правнук великого князя Ивана III Грозного.

И, как мы увидим в дальнейшем, в политической судьбе бояр Колычевых также произойдет принципиальный перелом – теперь они встанут в одни политические ряды с князьями Шуйскими и уже вместе с ними разделят их дальнейшую судьбу и участь.

В книге Г. А. Абрамовича «Князья Шуйские и российский трон» о том историческом периоде, который был связан с Опричным террором, мы не найдем ответа на этот вопрос.

Более того – Колычевы (исключая братьев Умных) в этот период занимали противоположную Шуйским политическую позицию, поддерживая альтернативную Ивану IV династическую фигуру.

А князья Шуйские, согласно исследованиям Г. А. Абрамовича, играли следующую роль в политике Московского государства:

1. «Подозревая жену в измене, Василий не доверил ей регентство на период малолетства наследника престола, но Елена с помощью фаворита разогнала регентский совет и сделалась единовластной правительницей в государстве. Иван Овчина помог ей ликвидировать заговор Андрея Старицкого, после чего стал фактически главой правительства. Шуйских он не решался трогать, напротив, оба брата были привлечены к участию в реформах, проводимых Еленой Глинской».

2. «Во главе образовавшегося боярского правительства встал старейший представитель рода Шуйских — князь Василий Васильевич Немой. Он освободил из заключения многих опальных князей и бояр, и в том числе двоюродного брата Андрея Михайловича Шуйского. Чтобы укрепить свое положение среди московской знати, Василий Васильевич в мае 1538 г. женился на двоюродной сестре Ивана IV, дочери казанского царевича Петра, зятя Ивана III, мужа его дочери Анастасии».

3. «После смерти Василия Васильевича его вдова княгиня Анастасия и дочь Марфа, впоследствии выданная замуж за виднейшего представителя литовского рода Гедиминовичей, князя Ивана Дмитриевича Бельского, пользовались до конца жизни всеми правами членов царской семьи. Так, когда Иван IV при выборе невесты отдал предпочтение Анастасии Романовой, то для бережения невесты до свадьбы к ней были приставлены: ее мать, Ульяна Романова, бабка царя Анна Глинская и Анастасия Шуйская».

4. «Враждебная Шуйским боярская группировка во главе с князьями Бельскими непрерывно искала повода для отстранения Шуйских от власти и, наконец, в июле 1540 г. им это удалось. Они сумели перетянуть на свою сторону митрополита Иоасафа, и по его ходатайству Иван IV приказал выпустить из заточения главного врага Шуйских — князя Ивана Федоровича Бельского. Великий князь не только выпустил, но «и опалу свою отдал, и гнев свой ему отложил, и очи свои ему дал видети. И о том възнегодовал князь Иван Васильевич Шуйской, на митрополита и на бояр учал гнев държати и к великому князю не ездити, ни с боляры съветовати о государьских делах, ни о земских, а на князя на Ивана на Бельского великое враждование имети и зло на него мыслити, и промеж бояр велик мятеж бысть». Отстранившись от государственных дел, И. В. Шуйский совершил крупную ошибку. Пользуясь его отсутствием, Бельские смогли, наконец, провести в Думу своих сторонников (в члены Думы — князя Юрия Голицына-Булгакова, а в окольничьи — Ивана Хабарова), чего безуспешно добивались с 1538 г.

5. «Придя к власти, Бельские прежде всего освободили из заключения врагов централизаторской политики Ивана III и Василия III, в том числе жену и сына удельного князя Андрея Старицкого и возвратили их удел, а также вернули из ссылки верных им бояр и слуг. Получил свободу и сын Углицкого князя Андрея Дмитрий, пробывший в заключении 49 лет. И, наконец, добились амнистии для своего родича князя Семена Бельского, изменника, бежавшего в Литву и выступавшего против Москвы вместе с крымским ханом Саиб Гиреем в 1541 г. Деятельность Бельских была на руку Шуйским, и в начале 1541 г. Иван Васильевич Шуйский, при поддержке всего владимирского и новгородского дворянства и, вероятно, значительной части московского, выступил из Владимира к Москве.

Ивана Бельского арестовали, бросили в тюрьму в Кирилловом монастыре и там, уже после смерти И. В. Шуйского, в результате происков Андрея Михайловича, убили. Был отстранен от должности и сослан на Белоозеро митрополит Иоасаф, а на его место в марте 1542 г. был поставлен старый знакомый Василия и Ивана Васильевичей Шуйских новгородский архиепископ Макарий. В истории широко известно то благотворное влияние, которое оказывал на Ивана IV митрополит Макарий, а также его роль в укреплении Русского централизованного государства и в развитии русской национальной культуры. Иван Васильевич Шуйский умер в 1542 г. и был похоронен в Москве у храма Богоявления.

После убийства лидера Бельских Ивана Федоровича их положение сильно ослабло. При поддержке брата Ивана и князя Федора Ивановича Скопина-Шуйского, которому в 1543 г. было пожаловано боярство, у кормила власти встал Андрей Михайлович Шуйский. Как пользовался Андрей Шуйский данной ему властью, можно судить по сообщениям летописца, не сохранившимся до наших дней, но приведенным князем М. М. Щербатовым в его Истории Российской. Автор летописи сообщает, что, «окроме вышепоказанных и известных многих наглостей при дворе и в присутствии самаго государя», налицо были «грабеж и насильное отнятие продажею за малую

цену земель у благородных и общее разорение крестьян взятием великого числа подвод из сел и деревень по пути лежащих, когда кто к нему из его деревень ехал или кто от него в деревни отправлялся, так что уповательно и все припасы его, к облегчению его крестьян, ко отягощению же народному, на таковых взимаемых насильно лошадях важивались». Далее М. М. Щербатов, пересказывая своими словами текст летописца, продолжает: «Не токмо к отягощению народному таковые подводы по его велению взималися, но и каждый его служитель, каждый его крестьянин под тенью власти его и силы своего господина таковые же насилия и отягощения народу чинили».

6. «Кроваво расправившись с Андреем Шуйским (о чем, кстати, нет ни слова в «послании»), Иван не подверг опале ни одного из его родичей; они были лишь удалены от двора. Андрей погиб 29 декабря 1543 г., а уже в январе 1544 г. Иван Михайлович Шуйский в разрядной книге значится первым воеводой Большого полка во Владимире, т. е. занимает самый высокий пост в армии.

7. «В 1557 г. при дворе появляется еще один Шуйский, сын казненного Андрея — Иван Андреевич, причем в весьма почетной роли. Он был послан с речью и наказом к двоюродному брату царя князю Владимиру Андреевичу Старицкому».

8. «В декабре 1562 г. в походе Ивана IV к Полоцку И. А. Шуйский значится в свите царя в компании с такими близкими к персоне Ивана IV людьми, как князь Петр Горбатый и будущие опричные любимцы Ивана — Федор Басманов, Петр Зайцев и Иван Черемисинов».

9. «В 1559 г. П. И. Шуйского вместе с И. Ф. Мстиславским срочно направили из Москвы к Пскову, где активизировался противник. Вторым воеводой у него был боярин Алексей Данилович Басманов, один из главных вдохновителей опричнины».

«В этом походе П. И. Шуйский вместе с И. Д. Бельским, мужем дочери В. В. Шуйского, шел воеводой Большого полка, которым командовал двоюродный брат Ивана Грозного князь Владимир Андреевич Старицкий. Полоцк был взят, но в результате боевых действий его

стены и укрепления сильно пострадали. В феврале 1563 г. П. И. Шуйского посадили в Полоцке наместником и воеводой. Перед ним стояла задача восстановления всех разрушенных укреплений города, с которой он успешно справился».

10. «Казалось бы, опричный террор должен был начаться именно с представителей фамилии Шуйских. Однако первыми жертвами террора становятся главный герой покорения Казани князь Александр Борисович Горбатый и его сын Петр, принадлежавшие к другой линии суздальских князей — потомков не Василия Кирдяпы, а его брата Семена, и в период боярского правления входившие в группировку Бельских, враждебную Шуйским. Расправе подверглись также и все близкие князьям Горбатым люди.

11. «Совсем иной была судьба Шуйских. Именно в годы опричнины блестящую карьеру делает Иван Андреевич Шуйский, сын убитого псарями, по указу Грозного, Андрея. 13 марта 1565 г. царским приказом он переводится с воеводства в Великих Луках на пост первого воеводы сторожевого полка в Серпухов, а в октябре назначается первым воеводой полка левой руки. Находясь в этой должности, Иван Шуйский совершает поступок, который любому другому воеводе из земщины мог стоить головы или, самое меньшее, — грозил опалой. Шуйский отказывается принять полк, потому что князя Петра Щенятева — первого воеводу передового полка — он считал ниже себя по родовитости. Документы не сообщают, как отнесся Иван IV к проступку Ивана Андреевича, а говорят лишь о получении последним в апреле 1566 г. чина боярина. В 1569 г. с Иваном Шуйским произошла еще более неприятная история: в то время, когда он занимал высокий пост Смоленского воеводы, сбежал в Литву его слуга. Однако хозяин отделался лишь отзывом в Москву без опалы, иначе говоря, — легким испугом».

12. «Иван Шуйский женит своего третьего сына, балованного и честолюбивого красавчика Дмитрия, на дочери всесильного любимца Грозного — Малюты Скуратова. Благодаря этому браку Дмитрий становится не

только зятем Малюты, но свояком двоюродного брата царя по матери князя И. М. Глинского, а также и второго любимца царя — Бориса Годунова, женатых на двух других дочерях Малюты. Женитьба князя Рюрикова рода на дочери палача, видимо, очень понравилась Ивану IV, и организатор брака И. А. Шуйский в 1572 г. являлся уже первым боярином в опричнине, т. е. **главой Опричной Думы**. И. А. Шуйский погиб в бою в 1572 г. почти одновременно с Малютой Скуратовым, успев обеспечить своим пятерым сыновьям твердое положение при дворе Ивана Грозного».

И вот какой вывод делает исследователь: «…круша направо и налево, Грозный не тронул ни одного из Шуйских, которых, судя по воспоминаниям, должен был считать главными виновниками своего тяжелого детства».

Вроде бы все правильно. Кроме одного – князь Иван Андреевич Шуйский погиб не в бою, а в страшной давке во время пожара в Москве 24 мая 1571 года, когда (по неизвестной никому причине, но об этом пишут многие, как будто бы были живыми свидетелями) слуга князя Петра Татева (род князей Стародубских) вонзил нож в сердце князя Ивана Шуйского, отца будущего царя Василия IV.

А 24 мая 1571 года, как мы уже об этом писали, — это день публичной казни опричников.

Князь Петр Иванович Татев, кстати, в 1573 году вошел в Боярскую думу нового состава в чине боярина.

Что же могло произойти, чтобы весь род Колычевых изменил свой политический вектор?

Оказывается, не все было так просто, как видится сегодня.

У князей Шуйских, как и у князей Старицких было свое династическое приоритетное право на обладание российским троном.

Родоначальником Суздальских князей был родной брат Александра Невского Андрей Ярославович, который первым из братьев получил ярлык на великое княжество Владимирское, ставшее центром будущего Московского государства. Но впоследствии в связи с историческими заслугами великого князя Александра Невского со вре-

мен его сына — Ивана Александровича Калиты — правящая династия Рюриковичей начала генеалогический отчет династии именно с Александра Невского, отсекая таким образом все многочисленные побочные ветви как потенциальную причину для династического конфликта…

Но конфликт этот все-таки был заложен в самом принципе наследования верховной власти на Руси – передавался старшему в роду. До той поры, пока власть в стране распределялась в Золотой Орде, этот принцип не играл серьезной роли. Но после Куликовской битвы началось новое, никогда уже более не прекращающееся на Руси сражение, — битва за власть…

Суздальские князья, таким образом, были старейшей ветвью князей Московского государства. Более того – они совершили генеалогический подлог, подменив свое прямое происхождение от Андрея Ярославовича на его брата Александра Ярославовича Невского.

И на это повелись многие в истории. В том числе, вероятно, и Колычевы.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Итак, противостояние Опричнины и Земщины закончилось полным поражением Опричнины, основной командный состав которой был уничтожен к осени 1575 года.

Последним из казненных кромешников Захарьиных — 24 октября 1575 года — был Протасий, старший сын Василия Михайловича Юрьева и Анастасии Дмитриевны Бельской (казнена с младшими детьми в 1571 году), которому по неизвестной нам причине удалось избежать казни 24 мая 1571 года.

В живых остался только Никита Романович Захарьин-Юрьев, родной дядя Ивана Грозного.

И именно отсюда, из этого родового гнезда, новые кромешные щупальцы начали вновь опутывать Россию.

В 1586 году сразу после смерти отца Никиты Романовича, старший из Романовых – Федор Никитич, минуя чин окольничего, становится боярином и встает во главе Боярской думы.

В 1590 году он женится на Ксении Ивановне.

Удивительное дело, но историки до сих пор так и не ответили на вопрос, к какой фамильной династии относится мать первого царя Романова… Шестова она или Шестунова?

Если Шестова — то, следовательно, она происходит из рода Морозовых-Салтыковых-Тучковых, с которыми у Кошкиных-Захарьиных были давние родственные связи, почему Салтыковы в истории Смуты и последующего царствования Романовых всегда выступали в первых и весьма неприглядных ролях – как, например, предатель и изменник Михаил Глебович Салтыков, потомки которого нашли впоследствии приют в царском доме Романовых.

Если Шестунова, дочь Ивана Васильевича, — то это род князей Ярославских, к которому относились Сицкие и Троекуровы, и которые также были вместе с ярославскими князьями частично истреблены кромешниками в самом начале Опричного террора. Кстати, Романовы и Шестуновы уже были в родстве: на дочери Данилы Романовича Захарьина-Юрьева Фетинии Даниловне (ум в 1596 г.) был женат князь Федор Дмитриевич Шестунов.

Но, оказывается, секрет был в другом: матерью Ксении Ивановны Шестовой была Мария Тимофеевна — внучка «кровавого опричника, помощника Малюты Скуратова» Васюка Грязного, что романовские историки, естественно, и попытались скрыть от любопытных потомков, не будучи в силах объяснить этот политический брачный альянс.

А вместе с этой тайной раскрываются и другие: «…из книги современного петербургского историка А. П. Павлова удалось узнать, что она была дочерью видного деятеля Смутного времени, сына боярского Тимофея Васильевича Грязного.

Т. В. Грязной был женат на Марии Булгаковне – представительнице старинного рода рязанских бояр Таптыковых (Каркадымовых). Известно, что в другом браке она состояла с Петром Денисьевым (из опричного рода – С. В.). В клубке семейных связей Марии Тимофеевны Грязной отыскалось имя еще одного видного деятеля эпохи Смуты. Как оказалось, ее тетка Алена Булгаковна была замужем за Г. П. Ляпуновым – братом одного из лидеров Первого ополчения Прокопия Петровича Ляпунова».

Удивительно, но последующая история Грязного-сына очень схожа с историей Михаила Глебовича Салтыкова, который вел по поручению Годунова следственное дело опальных Романовых, а потом был верным псом Лжедмитриев: «В 1601 году в качестве пристава даже сопровождал в ссылку князя И. В. Сицкого (родственника Романовых – С. В.) с женой. Затем служил головой в Смоленске, воеводой в Касимове. В 1607 году участвовал в разгроме отрядов И. И. Болотникова под с. Коломен-

ским. В 1609 году после неудачного заговора против царя В. И. Шуйского сбежал в с. Тушино. На службе у Лжедмитрия II получил чин окольничего. В 1610 году присягнул королевичу Владиславу, в оккупированной поляками Москве ведал Монастырским приказом. После изгнания интервентов был лишен чинов и земель, «нахватанных» в лихие времена. При царе Михаиле Федоровиче числился на службе со званием московского дворянина и «в полной неизвестности доживал свой век»».

И это сын Васюка Грязного, который, будучи в крымском плену, не побоялся вступить в письменную перепалку с самим Иваном Грозным?

Удивительно, но для всех предателей России нашлось место при царствующей особе Михаила Федоровича Романова (в первую очередь, Салтыковых), кроме… потомков родного прадедушки царя — Тимофея Васильевича Грязного?

Странно, не правда ли?

Или просто мы чего-то очень важного не знаем.

Ведь с Салтыковыми, например, поступили совсем по-другому: «Тесные отношения связывали Шестовых с семьей переяславского сына боярского А. Т. Михалкова (? – после 1587), женатого на двоюродной сестре И. В. Шестова Марии Григорьевне Шестовой. Даже их вотчины в Костромском уезде располагались по соседству. Как полагают, троюродные сестры Ксения Шестова и Екатерина Михалкова дружили с детских лет. Е. А. Михалкова вышла замуж за дальнего родственника Шестовых окольничего М. М. Салтыкова по прозвищу Кривой (ок. 1560 – 1608). Кстати, он доводился троюродным братом главе боярского суда над Романовыми Михаилу Глебовичу Салтыкову, награжденному за это боярством. Благодаря протекции К. И. Романовой дети Салтыковых Борис Михайлович и Михаил Михайлович получили важные должности при дворе царя Михаила Федоровича: первый был назначен дворецким (глава Приказа Большого дворца), второй – кравчим (служитель при царском столе во время трапезы)».

Связь Захарьиных-Юрьевых с Черкасскими и Сицкими по истории Опричнины нам уже известна. Правда, после казни жены и детей князь Василий Сицкий, чудом оставшийся в живых, как и Федор Никитич Романов-Юрьев, тотчас женился на княгине Марии Васильевне Нерыцкой из старинного, но захудалого к этому времени рода, которая родила ему сына Андрея Васильевича.

Эта связь Сицких и Черкасских с Романовыми сохраняется и на протяжении всего последующего времени и закрепляется новыми династическими браками: Марфа Никитична Романова стала женой Бориса Камбулатовича Черкасского, а Евфимия Никитична – женой Ивана Васильевича Сицкого, который был с ее братом Федором Никитичем «братия и великие други».

История Сицких при Борисе Годунове, как в зеркале, отражает и историю семьи Романовых после опалы 1600 года: «…если при Иване Грозном и в первые годы правления царя Федора Иоанновича опричное прошлое и близость Сицких к Захарьиным-Юрьевым способствовали их быстрому продвижению по служебной лестнице, то когда на престоле Русского государства утвердился Борис Годунов, эта связь и, надо полагать, былые местнические обиды стали причиной опалы Сицких. Уже в мае 1598 г. известный нам Андрей Васильевич Сицкий послан в Рязанские земли «смотрети новые Вожские засеки». В 1599 г. был послан на воеводство в Астрахань и фактически отстранен от двора Иван Васильевич Сицкий. На него поступают доносы, предпринимаются попытки пересмотра давних местнических дел. А в 1600 г. Сицкие подвергаются прямым репрессиям. Князь И. В. Сицкий с семьей попадает в тюрьму. Гонениям подвергаются и другие представители широко разветвившегося рода: князья Андрей Васильевич, Алексей Юрьевич и Андрей Данилович Сицкие оказались сначала в тюрьме, а затем были сосланы в «понизовые города». В 1602–1604 гг. они служат воеводами в Ядрине, Уржуме и Василегороде.

В 1601 году Романовых постигла опала от царя Бориса Годунова. Пострадали и их родственники, в числе которых был и князь Иван Васильевич Сицкий. Он с женой и

сыном Василием были привезены из Астрахани в Москву скованными. Сам князь Сицкий был лишен боярства и пострижен в монашество с именем Сергия в Кожеозерском монастыре, основанным преподобным Серапионом около 1565 года и находившемся в Каргопольском уезде. Жена его, Евфимия Никитична, пострижена с именем Евдокии в пустыне Сунского Острога на Белом Озере, где и умерла 8 апреля 1602 года. Сам Иван Васильевич умер в 1608 году.

Черкасские

Борис Камбулатович Черкасский (Хорошай-мурза) (ум. 25 апреля 1601) — кабардинский служилый князь, московский воевода, боярин (1592), сын великого князя-валия Кабарды Камбулата Идаровича Черкасского (ум. 1589)

В 1578 г. младший брат Темрюка Идаровича Камбулат – к тому времени князь-валий Кабарды – приезжает с посольством в Москву. С ним приехал и его сын Карашай, которого по просьбе отца оставили в России, на службе. Карашая вскоре крестили, дав ему имя Борис.

Он был двоюродным братом Михаила Темрюковича, зятя Василия Михайловича Захарьина-Юрьева.

Его судьба также зеркальна с судьбой Юрьевых-Романовых:

«Князь Борис Камбулатович Черкасский занимал различные воинские должности. В 1582 г. он становится воеводой Большого полка в Новгороде, затем находился на воеводстве в Серпухове. В 1591 г. Черкасский – первый воевода Большого полка в Туле. В том же году он сыграл важную роль при отражении нашествия 100-тысячного войска крымского хана Казы-Гирея, пытавшегося захватить Москву. Ратники Бориса Камбулатовича, нанося противнику удары, преследовали его до Серпухова. Тогда царь наградил Бориса Камбулатовича особым знаком отличия – «золотым корабельником», прообразом российского ордена.

В 1592 г. племяннику Темрюка Борису Черкасскому был пожалован боярский сан. В девяностые годы за ним закрепляется репутация одного из самых видных и опыт-

ных российских военачальников. Английский автор Флетчер в работе «О государстве Русском», говоря о военных деятелях России, пишет: «Большим воеводой, или генералом, бывает теперь, обыкновенно, в случае войны, один из следующих четырех: князь Федор Иванович Мстиславский, князь Иван Михайлович Глинский, князь Черкасский и Трубецкой. Все они знатны родом».

Когда в 1598 г. царь Борис Годунов находился в походе против крымского хана Казы-Гирея, Борис Камбулатович оставался при «царице и царевиче водить Москву».

Князь Борис Камбулатович Черкасский был женат на Марфе Никитичне Романовой, племяннице первой жены Ивана Грозного и сестре боярина Федора Никитича, который впоследствии стал патриархом Руси Филаретом. У Бориса и Марфы было трое детей: сын Иван и дочери Ирина и Ксения.

Борис Камбулатович как государственный деятель России высшего ранга присутствовал на всех посольских приемах, на заседаниях боярской Думы, где числился первым. Это был человек большого ума, высокого авторитета и заслуженной в боях ратной славы.

Вскоре Борис Камбулатович попадает в немилость к царю Борису Годунову в связи с тем, что его родственники, братья Романовы, претендовали на царский престол. Все Романовы подверглись репрессиям. В 1599 г. Борис Камбулатович также был схвачен по обвинению в злоумышлении на жизнь царя Годунова. И этого человека, несмотря на знатность происхождения и высокие звания, подвергали пыткам, его держали «на цепи и в железах, пытали на дыбе». Потом, по указу Бориса Годунова, Черкасский с женой Марфой Никитичной и дочерьми Ириной и Ксенией был сослан на север. Там, в 1601 г. в районе Белоозера и умер кабардинский князь и российский боярин Борис Камбулатович Черкасский».

Еще любопытнее судьба его сына: «Иван Борисович — сын князя Бориса Камбулатовича, двоюродный брат и ближний боярин царя Михаила Феодоровича. Первый раз упоминается его имя под 1598 годом: на соборном определении об избрании Бориса Годунова на

царство подписался и стольник князь Иван Борисович Черкасский. В 1599 году, когда по оговору дворового человека Бартенева были схвачены Романовы, их родные, друзья и знакомые, одновременно с ними был взят и князь Иван. Едва ли можно сомневаться в том, что сын князя Бориса Камбулатовича не оставался в стороне от действий, которые старобоярская партия с Романовыми во главе вела против царя Бориса: известно, что в «благодатный» дом князя Бориса Камбулатовича часто приходил Григорий Отрепьев, который от князя Ивана Борисовича «честь приобретал»; заслуживает внимания замечание летописца, что царь Борис «негодовал» за это на князя Ивана только, а не на его отца. Боярский приговор, состоявшийся в июне 1601 года, определил князю Ивану Черкасскому самую высшую меру наказания, какая только была применена в этом процессе: имение его было отписано на Государя, а самого его решено было сослать в Сибирь на житье; туда же были сосланы только двое из выдающихся представителей рода Романовых — Иван и Василий Никитичи. Однако пристав, везший князя Ивана Борисовича в ссылку, получил приказание оставаться со своим узником до царского указа в Малмыже, на Вятке. 28 мая 1602 г. царь указал быть князю Ивану Черкасскому и дяде его Ивану Никитичу Романову на государевой службе в Нижнем Новгороде; пристав должен был везти князя Ивана из Малмыжа в Нижний нескованного и смотреть, чтобы он ни во время пути, ни в Нижнем ни в чём не нуждался и никакого «лиха» над собой не учинил; также должен был пристав смотреть и за тем, чтобы к князю Ивану, и к Ивану Романову, и к их людям никто не подходил, с ними не разговаривал и писем им никаких не передавал. В Нижнем Новгороде князь Черкасский должен был жить до указа, который и вышел 17 сентября 1602 года: царь Борис пожаловал князя Ивана и Ивана Никитича Романова, велел их взять к Москве, куда князь Иван и был привезен в ноябре того же года. О дальнейшей судьбе его при царе Борисе и при первом самозванце ничего не известно».

В тени остается князь и в последующих событиях Смутного времени:

«В 1608 году, — писал В. Бенешевич в «Русском биографическм словаре», — царю Василию Шуйскому <…> понадобилась служба князя Ивана: весною этого года второй самозванец подступил к Москве; тогда царь собрал войско и разделил его на три полка, из которых один был отдан под команду князя Черкасского. Это царское войско напало в июне 1608 года на польско-литовское войско самозванца, стоявшего лагерем в Тушине; битва продолжалась целый день без решительных результатов для противников; после того московская рать две недели стояла без действия на речке Ходынке, в шести верстах от литовского лагеря; 25-го июня неприятель напал на москвичей и заставил их отойти в Москву; все лето прошло в мелких стычках, а к осени ратные люди мало-помалу стали расходиться по домам; куда отправился князь Иван Борисович и что он делал в остальное время правления царя Василия Шуйского, совершенно неизвестно».

И последний штрих: «Кроме того, известно еще, что в феврале 1611 года князь Иван приходил в войске князя Ивана Семеновича Куракина из Юрьевца-Повольского под Владимир, бывший тогда на стороне Владислава; здесь князь Куракин был разбит, а князь Черкасский попался владимирцам в плен».

Дальнейшая судьба князя проясняется уже после воцарения Михаила Романова, при котором он стал главой правительства.

У Марфы Никитичны и Бориса Камбулатовича было трое детей – Иван, Ирина и Ксения. Иван при царе Михаиле стал боярином, Ирина выдана за боярина Федора Ивановича Шереметева, а Ксения – за… Ивана Дмитриевича Колычева.

Что же касается остальных детей Никиты Романова, то история такова.

Анна Никитична Юрьева-Романова (ум. 02.12.1585 г.) вышла замуж за ярославского князя Ивана Федоровича Троекурова.

Матерью князя Троекурова была родная сестра Ивана Михайловича Глинского, двоюродного брата Ивана Грозного, дочь Михаила Васильевича Мамая и внучка Малюты Скуратова.

Отец – Федор Иванович Троекуров (или Федор Львов), ярославский князь, замечательный полководец, подвергся гонениям в период Опричнины и был казнен, оставив единственного сына.

То есть Юрьевы-Романовы, как и их предки Кошкины-Захарьины, снова начали раскладывать «яйца» по разным «корзинам», вовлекая в Орден тех, чьи предки были жертвами Опричного террора.

И, как показало Смутное время, их политический расчет оказался верным: «В конце мая 1608 г. племянник царя князь Михаил Скопин выступил навстречу войскам Лжедмитрия II. Когда полки достигли речки Незнань, Скопин был отозван в столицу. По словам летописца, государю сообщили об измене: «В полках же нача быти шатость, хотя царю Василью изменити князь Иван Катырев, да князь Юрьи Трубецкой, да князь Иван Троекуров и иные с ними».

Заподозренные лица были арестованы. Но они принадлежали к высшей знати и не могли быть казнены без боярского суда. Шуйскому пришлось ограничиться служебными перемещениями. Князь Иван Катырев был отправлен первым воеводой в столицу Сибири Тобольск, князь Иван Троекуров попал на воеводство в Нижний Новгород, а князь Юрий Трубецкой — в Тотьму. Несколько дворян, в их числе Яков Желябужский, были казнены на Москве».

Случайна ли, зададим себе вопрос, эта измена?

Вот что пишет по этому поводу Д. М. Володихин: «После Волхова Лжедмитрий II двинулся прямо на Москву. Козельск, Калуга, Можайск и Звенигород без боя открыли ему свои ворота.

Шуйский срочно собрал новое войско и отправил его навстречу самозванцу. Командование им царь поручил своему родственнику Михаилу Васильевичу Скопину-Шуйскому и Ивану Никитичу Романову.

Царские полки заняли позицию на речке Незнани между городами Подольском и Звенигородом. На поиск переправы были направлены разъезды, которые донесли, что «вор поиде под Москву не тою дорогою». Гетман Рожинский обходил их справа, идя из Звенигорода на Вязьму в направлении Москвы. Одновременно в войске была обнаружена измена. Как говорится в летописи, в полках «нача быти шатость: хотяху царю Василью изменити князь Иван Катырев, да князь Юрьи Трубецкой, да князь Иван Троекуров и иные с ними».

Обратим внимание — во главе заговора стояли в основном родственники Романовых. Иван Федорович Троекуров был женат на Анне Никитичне Романовой, а Иван Михайлович Катырев-Ростовский — на Татьяне Федоровне Романовой. Надо ли говорить, что в случае успеха заговора Иван Никитич Романов не остался бы в стороне.

Из-за «шатости» царь Василий приказал войску срочно отступить к Москве. В итоге рядом с Москвой образовалась новая столица — Тушино, а самозванец вошел в историю под именем Тушинский вор.

В сентябре 1608 г. Петр Сапега с большим отрядом тушинцев взял без боя Переяславль, жители которого присягнули Тушинскому вору. Затем Сапега двинулся к Ростову.

К тому времени Ростов не был укреплен, и горожане решили покинуть его и уходить к Ярославлю под защиту его мощных стен. Однако жесткий митрополит Филарет (Федор Никитич Романов – С. В.) категорически воспротивился этому. Уже потом задним числом церковные историки приписали ему слова: «Если и убиты будем ими, и мы от Бога венцы примем мученические... Многие муки претерплю, а дома Пречистой Богородицы и ростовских чудотворцев не покину». Но наш любитель ловчих птиц никогда не отличался ни фатализмом, ни желанием принять мученический венец. Все стало на свои места после занятия беззащитного Ростова поляками и их русскими союзниками из Переяславля. Пан Сапега в простых санях доставил митропо-

лита в Тушино, что дало повод позднейшим историкам утверждать, что Филарет был увезен насильственно. Но пленных казнят, заключают под стражу, меняют, отдают за выкуп, а не делают главой церкви. Так что не был Филарет пленником.

Митрополиту ростовскому устроили торжественную встречу в Тушино. Лжедмитрий произвел Филарета в патриархи. Тот стал вершить богослужения в Тушино и рассылать по всей России грамоты с призывами покориться царю Димитрию, а под грамотами подписывался: «Великий Господин, преосвященный Филарет, митрополит ростовский и ярославский, нареченный патриарх московский и всея Руси».

Вслед за Филаретом в Тушино перебежала и его родня по женской линии — Сицкие и Черкасские. В Тушине оказался даже Иван Иванович Годунов. Родственник убийцы едет каяться к спасенному царевичу? Ни в коем разе! И. И. Годунов, муж Ирины Никитичны Романовой, едет к ее брату Федору Никитичу. Заодно И. И. Годунов уговорил присягнуть самозванцу и жителей Владимира, где царь Василий поставил его воеводой. Романовы стали, без сомнения, самым сильным русским кланом в Тушине».

Да-да, Иван Иванович Годунов тоже был шурином воровского патриарха Филарета.

Но это еще не все родство потомков Никиты Романовича Юрьева-Захарьина. Его дочь Анастасия Никитична вышла замуж за князя Бориса Михайловича Лыкова из корпорации князей Оболенских, на род которых при Опричнине обрушился один из самых страшных и кровавых ударов кромешников.

Князья Лыковы-Оболенские были вассалами князя Андрея Старицкого. Отец Бориса Михайловича – Михаил Юрьевич, полководец – был разбит Баторием и погиб в 1579 году (25 сентября изрублен немцами при взятии Сокола). Сыну – князю Борису – было в то время всего три года.

В 1602 году Борис Михайлович был сослан на воеводство в Белгород, где он находился вплоть до появления ЛжеДмитрия.

Виновником этой ссылки был, по всей видимости, князь Дмитрий Иванович Пожарский, который в тот год донес царю Борису об измене Лыкова, что мы узнаем из челобитной князя Бориса, поданной на этот раз уже самим Лыковым царю Василию Шуйскому в 1609 году: «Прежде, при царе Борисе, он, князь Дмитрий Пожарский доводил на меня ему, царю Борису, многие затейные доводы, будто бы я, сходясь с Голицыными да с князем Татевым, про него Бориса рассуждаю и умышляю всякое зло; а мать князя Дмитрия, княгиня Марья, в то же время доводила царице Марье на мою мать, будто моя мать, съезжаясь с женою князя Василия Федоровича Скопина-Шуйского, рассуждает про нее царицу Марью и про царевну Аксинью злыми словами. И за эти затейные доводы царь Борис и царица Марья на мою мать и на меня положили опалу и стали гнев держать без сыску».

Дыма без огня не было и на этот раз.

Женой Александра Никитича Юрьева-Романова была княжна Евдокия Ивановна Голицына (умерла 01.08.1597 г.), родная сестра Марфы Ивановны Татевой: «… урожденная княжна Голицына была особой буйного характера, а поэтому ее сослали в Суздальский монастырь «на смирение», за участие в заговоре о разводе Ирины Годуновой с царем Федором в 1587 году. В **Покровском монастыре** ей были созданы привилегированные условия. Она была окружена многочисленными прислужниками, дьяками, правящими ее владениями и хозяйством. Год ее смерти и место погребения не установлены».

Бабушкой князя Петра Ивановича Татева, сына стародубского князя Ивана Федоровича Татя Ряполовского, была княжна Ирина Ивановна Патрикеева, дочь временщика времен Ивана III князя Ивана Юрьевича Патрикеева, родная сестра знаменитого монаха Вассиана. А из рода Патрикеевых, ненавидевших Захарьиных, как известно, вышли Куракины и Голицыны. Но, как показали события, и они теперь в союзе с Романовыми!..

И еще один интересный эпизод из времен Опричнины: «Весной 1564 г. «по крымским вестям» (донесениям лазутчиков о готовящемся набеге) он (Никита Романо-

вич Юрьев – С. В.) был назначен в Каширу вторым воеводой правой руки, товарищем князю Ивану Фёдоровичу Мстиславскому; вторым воеводой в левой руке был князь Андрей Иванович Татев. Воевода большого полка князь Иван Дмитриевич Бельский писал государю, что князь Татев «списков не взял», а сам князь Татев писал государю, что ему «в левой руке быти не мочно для Никиты Романовича, что Никита в правой руке». Царь ответил обоим, чтоб он «списки взял, и в левой руке был, а меньши ему Никиты быти пригоже». По «тайной росписи» Юрьев должен был идти со сторожевым полком «с берега» навстречу царю Иоанну Васильевичу».

Такие вещи, казалось бы, тоже не забываются. Более того, смерть стародубских князей Андрея Ивановича и Федора Ивановича Татевых приходится на 1569 год – годы политических репрессий. Но вот, оказывается, уже Татевы в числе родственниках Романовых, в Ордене кромешников.

Евдокия и Марфа (Татева) были дочерями Ивана Юрьевича Голицына. А его родной брат — Василий Юрьевич Голицын — был отцом известных в Смутное время Василия, Андрея и Ивана Васильевичей Голицыных.

По одной из генеалогических версий матерью князей Голицыных была дочь князя Федора Ивановича Татева.

Но это не так. Женой князя Василия Юрьевича Голицына была княжна Варвара Сицкая, дочь кромешника князя Василия Андреевича Сицкого и родной сестры Анастасии Романовны (жены царя Ивана Грозного) и Никиты Романовича Юрьева-Захарьина Анны Романовны.

То есть и князья Голицыны по факту своего рождения также входили в ближний круг родственников Романовых.

Но и это еще не все – княжна Варвара Васильевна Сицкая была не только женой князя Голицына, но и вдовой одного из лидеров Опричнины Федора Алексеевича Басманова-Плещеева и матерью двух его сыновей – Пе-

тра и Ивана Басмановых, сводных братьев князей Голицыных.

Старший сын князя Василия Юрьевича Голицына – Василий Васильевич — родился в 1572 году, и вполне возможно, что именно этот брак Сицких с Голицыными, который пришелся на страшный для Опричнины 1571 год, уберег князя Василия Сицкого, его дочь и одного из его пяти сыновей от первого брака, от возмездия Земщины, которая на корню уничтожала само кромешное семя, в том числе и кромешников Сицких – Конона, Василия и Федора. В живых остался только один из сыновей — князь Иван Васильевич (в 1601 г. насильственно пострижен в монахи по приказу Годунова). Князь Василий Андреевич тогда же и женился во второй раз на княжне Нерыцкой, которая родила ему сына князя Андрея Васильевича.

А теперь вспомним историю Смутного времени. Кто же конкретно открыл ЛжеДмитрию I дорогу на Москву?

«Лжедмитрий встретил известие о переходе царской армии на его сторону с огромной радостью. Он тут же присвоил И. В. Голицыну боярский чин и направил кравчего Б. М. Лыкова к Кромам, чтобы привести к присяге всех находящихся там воинов. За эту важную услугу вскоре и Лыков стал боярином. Вместе с ним окольничество получили курский воевода Г. Б. Долгорукий и князь Д. В. Туренин. Все это свидетельствовало о небывалой щедрости нового претендента на московский престол.

После этого самозванец отправил подробное письмо с рассказом о своих успехах Станиславу Мнишеку. Затем в окружении новых сторонников он поехал под Кромы. Там он объявил, что распускает по домам большую часть воинов, преимущественно тех, кто был болен или ранен. Остальным следовало отправиться в Тулу. Там были сформированы новые полки. Большой полк возглавили В. В. Голицын и Б. М. Лыков; полк Правой руки – И. С. Куракин (до этого был воеводой Тулы) и Л. О. Щербатый; Передовой полк – Ф. И. Шереметев и П. А. Черкасский (до этого находился в Новгороде-Северском); Сторожевой полк – Б. П. Татев и Ф. А. Звенигородский (был некоторое время воеводой Путивля); полк Левой руки

– Ю. П. Ушатый (был воеводой Орла) и В. Г. Щетинин (был воеводой Новосили). Дворовыми воеводами стали И. В. Голицын и М. Г. Салтыков, окольничими – Д. В. Туренин и Г. Г. Долгорукий-Роща. В ближайшее окружение Лжедмитрия вошли В. М. Мосальский и А. В. Измайлов. Постельничим стал С. Шапкин, родственник Нагих.

В конце мая стало известно, что правительство Годуновых все же смогло послать против Лжедмитрия небольшое войско. В него вошли члены двора и московские стрельцы. Против него под Серпухов самозванец отправил три полка под началом П. Ф. Басманова, В. Г. Долгорукова и А. Г. Долгорукова. Те с легкостью рассеяли противников и вернулись в Тулу за наградами.

Путь к Москве был открыт, но в самом городе на престоле все еще были царица Мария Григорьевна и нареченный царь Федор Борисович. Лжедмитрий решил, что брать штурмом хорошо укрепленный город не стоит. Поэтому отправил туда двух своих эмиссаров, Г. Г. Пушкина и Н. М. Плещеева, с «прелестными грамотами».

Выбор этих дворян для исполнения важной миссии был сделан отнюдь не случайно. Оба принадлежали к роду старомосковского боярства, но при Б. Ф. Годунове не только не смогли выслужиться, но и были отправлены в Сибирь на несколько лет. Г. Г. Пушкин с родственниками служил в Пелыме, Н. М. Плещеев – в Верхотурье».

Мы назвали практически все имена людей, измена которых царю Федору Борисовичу под Кромами и была причиной гибели династии Годуновых: Петр Федорович Басманов Плещеев, князь Борис Михайлович Лыков-Оболенский, князья Василий и Иван Васильевичи Голицыны, князь Борис Петрович Татев, Михаил Глебович Салтыков и… Иван Иванович Годунов, якобы взятый в плен, а также первые «заводчики» Смуты, рязанские дворяне братья Прокопий и Захарий Ляпуновы…

А кем на самом деле был ЛжеДмитрий I?

При всем множестве версий одна остается постоянной: это был человек Юрьевых-Романовых и Черкасских.

По крайней мере так в присутствии самих Романовых и Черкасских во всеуслышанье заявил на Лобном месте в Москве царь Василий Иванович Шуйский. И на что ни один из присутствующих не возразил ему ни словом – то есть для людей, живших в Смутное время, это было АКСИОМОЙ….

Самозванец был творением Ордена…

Следовательно, и не было дыма без огня, когда в 1600 году Годунов узнал о самозванце и измене Романовых, которые, сосредоточив на своем дворе в период болезни царя Бориса в Москве вооруженный отряд, чтобы осуществить по сговору с польским посланником Львом Сапегой государственный переворот и посадить на российский трон сначала романовскую марионетку-самозванца, а затем, устранив и оную игрушку, утвердиться на царстве в собственном лице.

Годунов изменил этот сценарий, лишив Федора Никитича, главу рода, мирского звания, приказав в 1600 году постричь его в монахи.

Но царь Борис Федорович и не подозревал тогда, что заговор против него давно уже вышел за пределы двора Романовых и охватил значительную часть московских дворов, связанных между собой Орденскими поручительствами. Отказавшись от смертной казни и сослав заговорщиков на «низы» — на южную и юго-западную границу страны — царь Борис открывал не только путь для предательства всем, кто стал причастным к заговору тайного Ордена, но и дорогу ЛжеДмитрию на Москву.

Вот только одна из версий происходящего:

«Лжедмитрий I наступал на Москву не по Смоленской дороге, а через Чернигов. Северские земли были населены холопами, которых ссылали сюда уже при Грозном с наказом «писать в казаки», «чернью», бежавшей на теплый юг от голодной смерти. «Прелестные грамоты», агитировавшие жителей за «доброго царя», винившие Бориса Годунова во всех бедах, принесли свои результаты. Жители, не желая сопротивляться, вязали своих воевод и выдавали их Самозванцу, сдавали городки и крепости уже при сообщении о его приближении. Сре-

ди дворян сопротивлялись лишь немногие. Так пал Чернигов; так был сдан и Путивль, ключевой пункт обороны Черниговской земли и единственный из северских городов, где была каменная крепость.

Разные источники по-разному описывают эти события. Восставший народ 18 ноября 1604 г. повязал воевод. Их увезли в лагерь Самозванца. И только третий воевода, дьяк Сутупов, в руках которого оказалась казна, отправленная Борисом Годуновым для войска, сам доставил деньги в лагерь Самозванца. Первым воеводой Путивля был член Боярской думы окольничий М. М. Кривой-Салтыков, а вторым — князь Василий Михайлов сын Рубец Мосальской».

Как сегодня считают военные историки, боевая мощь отряда ЛжеДмитрия, который вторгся в пределы Московского государства, не представляла ни военной, ни, тем более, политической угрозы для великой страны.

Но это с точки зрения очевидной военной тактики и стратегии.

Орден кромешников, который тридцать лет назад потерпел сокрушительное поражение от Земщины, действовал по тайной стратегии и тактике, расставив к этому времени на всех важнейших государственных постах своих людей.

Цари Годуновы могли действовать только в соответствии с правилами местничества. Орден кромешников – по своим тайным правилам, которые устанавливал сам Орден.

13 апреля 1605 года от апоплексического удара (?!?) умер царь Борис Федорович. Это и стало сигналом.

Кромешники знали, кто встанет во главе московских войск. Но, в отличие от Годуновых, они знали и другое – кто и как из этих военачальников поведет себя, когда будет получен приказ Ордена.

Лишить Годуновых военной поддержки – таков был приказ Ордена. И армия, благодаря измене под Кромами, присягнула ЛжеДмитрию.

Царем всея Руси должен стать ЛжеДмитрий – таков был новый приказ Ордена. И Москва дружно, под уве-

щевания на Лобном месте кромешников Пушкиных и Плещеевых, присягнула лжецарю, задушив царя Федора Борисовича и его мать Марию Григорьевну Скуратову-Бельскую, изнасиловав сестру Ксению.

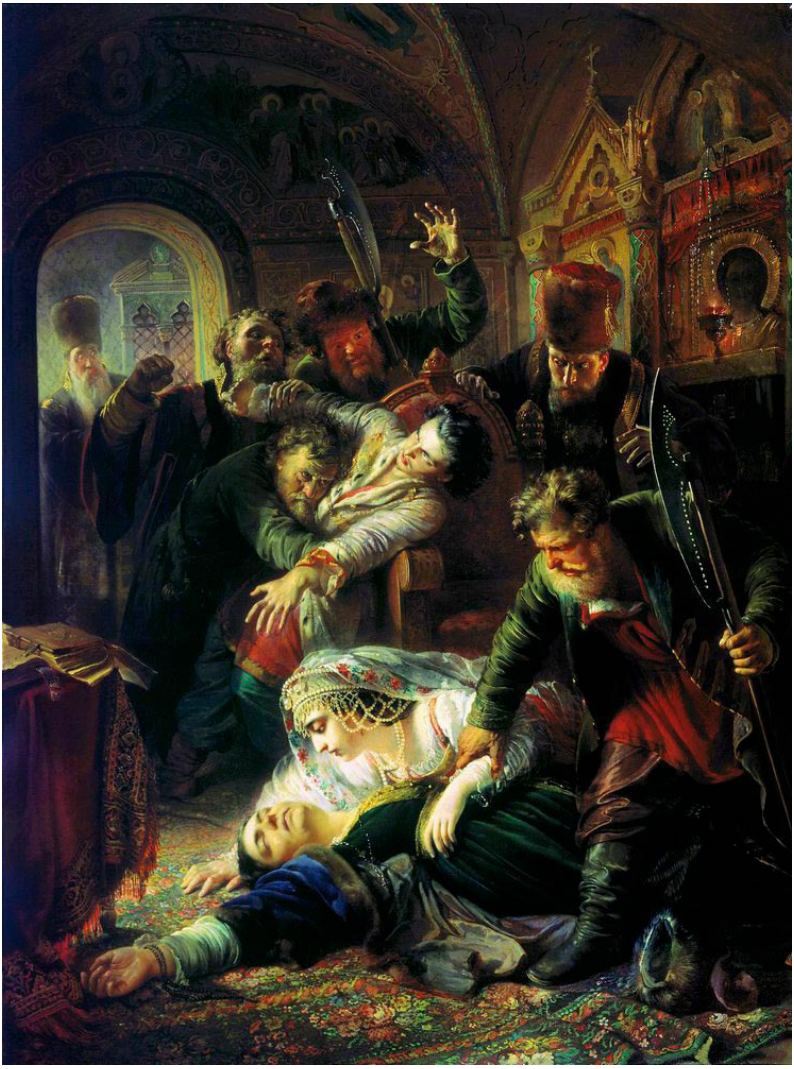
В числе цареубийц Н. М. Карамзин называет князя Василия Голицына, отдавшего приказ, и палачей — князя Василия Мосальского Рубца (того самого, что с Кривым Салтыковым сдали Путивль), дьяков Михаила Молчанова и Андрея Шерефединова.

Но так как ЛжеДмитрий повел дальнейшую политическую игру не по правилам, установленными Орденом (хотя, как знать, может, в этом и заключался замысел для дальнейшего развития событий?!): он посягнул на святое — принцип местничества — и «перебрал» бояр по своей воле, а не по былым и нынешним заслугам рода. Вот что пишет по этому поводу Людмила Морозова в своей книге по истории Смутного времени:

«Еще до венчания на царство Лжедмитрий занялся формированием своего двора. Все прежние служители были распущены, и на их место были назначены новые лица. Среди них появились поляки, например, братья Бучинские, Ян и Станислав, ставшие личными секретарями самозванца. Переписку с Римским Папой, польским королем и будущими родственниками Мнишками он не мог доверить русским людям. Слишком много в ней было компрометирующих его сюжетов.

Существенные изменения произошли и в составе Боярской думы, которая стала называться Совет светских лиц. Первое место в ней осталось за самым знатным князем Гедиминовичем Ф. И. Мстиславским. За ним шли самые знатные князья Рюриковичи В. И. и Д. И. Шуйские. При царе Борисе перед ними находился князь М. П. Катырев-Ростовский.

Следующее место занял князь И. М. Воротынский, который до этого был на одном из последних мест. Царь Борис не жаловал его за родство с Романовыми, Лжедмитрий же за это возвысил. Оценил он и то, что князь ездил к нему на поклон в Тулу и встречал у Москвы. На пятом месте оказался М. Ф. Нагой, мнимый дядя самозванца.

Убийство Федора Годунова. Художник Константин Маковский

Он стал еще и конюшим. Для него это было необычайным взлетом, поскольку с 1591 г. он находился в ссылке. Шестая позиция оказалась у князя Н. Р. Трубецкого, который при царе Борисе был двенадцатым. Возможно, этим самозванец хотел показать, что оценит его отвагу при защите Новгорода-Северского (от Годунова он не получил награду), а также то, что князь одним из первых приехал в Тулу на поклон.

Следующие четыре позиции заняли Нагие, мнимые родственники лжецаря. Для них это было необычайным взлетом после продолжительной ссылки в поволжские городки.

За ними оказался князь В. М. Мосальский, которому было присвоено и звание Великого дворецкого. Это стало ему наградой за сдачу Путивля и поддержку самозванца в трудное время. На двенадцатом месте значился князь И. И. Шуйский, младший брат В. И. и Д. И. Шуйских. Раньше в Думу он вообще не входил. Тринадцатым стал князь А. В. Трубецкой, который ранее следовал вслед за Н. Р. Трубецким. Видимо, ему не удалось выслужиться перед Лжедмитрием. За ними оказался Г. Ф. Нагой — еще один мнимый родственник самозванца.

Далее шли сразу четыре представителя рода Голицыных, но для них это было существенным понижением. При Б. Ф. Годунове старший представитель их рода И. И. Голицын был пятым, В. В. Голицын – шестым. Но И. В. и А. В. Голицыны раньше вообще не входили в состав Боярской думы, последний даже находился в сибирской ссылке. Поэтому трудно понять, были ли они довольны своим новым положением.

Девятнадцатую позицию занял П. Н. Шереметев, который до этого был только окольничим. Это стало ему наградой за встречу Лжедмитрия у Москвы. Двадцатым стал П. Ф. Басманов, который при Годунове был одним из последних в Думе, к тому же он возглавил Стрелецкий приказ; двадцать первым – князь В. К. Черкасский, ранее он был десятым; двадцать вторым – Ф. И. Шереметев, ранее не входивший в Думу и подвергавшийся репрессиям; двадцать третьим – князь А. П. Куракин (до этого он был седь-

мым); двадцать четвертым – князь Б. П. Татев, получивший боярство за сдачу Царева-Борисова; двадцать пятым – князь И. С. Куракин, награжденный боярством за сдачу Тулы, правда, вскоре он был отправлен на воеводство в Смоленск.

Двадцать шестое место оказалось у И. Н. Романова, ранее в Думу не входившего. Он был двоюродным братом царя Федора Ивановича по линии его матери, подвергался за это репрессиям при царе Борисе вместе с братьями. Самозванец объявил его своим родственником, сразу же вызвал из ссылки вместе с остальными Романовыми и возвысил. Его старший брат, постриженный в монахи, стал Ростовским митрополитом Филаретом.

Двадцать седьмое место занял князь Ф. И. Хворостинин, который ранее был тринадцатым; двадцать восьмое – М. Г. Салтыков, который ранее был пятнадцатым; двадцать девятое – князь И. Н. Одоевский-Большой, не входивший ранее в Думу. Видимо, так самозванец отметил его знатность.

Тридцатым стал Б. Я. Бельский, который при царе Борисе находился в ссылке. Лжедмитрий возвысил его за то, что он вместе с Г. Г. Пушкиным и Н. М. Плещеевым агитировал москвичей поднять восстание против Годуновых и доказывал его истинность.

Остался в Думе и князь А. А. Телятевский, которого очень не любили многие представители знати за родство с С. Н. Годуновым. Но вскоре он был отправлен на воеводство в Чернигов. Это назначение означало ссылку.

Неожиданно боярство получил М. Б. Сабуров, который считался родственником Годуновым и, будучи воеводой Астрахани, отказывался присягать «царю Дмитрию». Возможно, так самозванец хотел показать свою демократичность и лояльность по отношению к родственникам царя Бориса. Правда, в Москве Сабуров пробыл недолго, поскольку получил назначение на воеводство в Царев-Борисов.

Все остальные члены Думы получили боярство от Лжедмитрия: князь С. А. Куракин, князь В. В. Кольцов-Мосальский, князь Д. Б. Приимков-Ростовский, князь Ф. Т. Долгорукий, князь М. В. Скопин-Шуйский.

Видимо, все они были молодыми людьми, ровесниками самозванца, поэтому он их возвысил. К тому же богатырь М. В. Скопин получил должность Великого мечника, которой раньше при царском дворе не было. В его обязанность входило стоять с обнаженным мечом у царского трона во время официальных приемов.

Таким образом, при Лжедмитрии число бояр существенно возросло – до 37 человек. При Борисе их было только 22. Новыми боярами стали мнимые родственники самозванца Нагие, его верные соратники в период похода на Москву и молодые представители знатных родов. Щедрая раздача чинов свидетельствовала о том, что новый государь стремился понравиться русской знати.

Произошли изменения и среди окольничих. Первое место среди них занял М. Б. Шеин, который получил этот чин при царе Борисе за добрую весть о разгроме самозванца под Добрыничами. За ним следовали В. П. Морозов, князь И. Д. Хворостинин и М. М. Салтыков, которые имели тот же чин и при Годунове. Новыми окольничими стали:

В. Я. Щелкалов (при Борисе был думным дьяком и находился в опале), князь В. И. Мосальский (до этого был городовым воеводой), князь Г. Б. Долгорукий (сдал Курск), князь А. Ф. Жировой-Засекин (видный воевода), И. П. Головин и его брат В. П. Головин (находились в опале с периода правления Федора Ивановича), князь Г. П. Ромодановский, И. Ф. Колычев (Морозова пишет причину «состоял в родстве с Романовыми», но, скорее всего, он был вызван ЛжеДмитрием по протекции князей Шуйских, Голицыных, Татевых, Головиных, вместе с которыми был в опале у Годунова и «состоял не у дел» – С. В.), князь И. И. Курлятев (был рындой Б. Ф. Годунова), А. Р. Плещеев (сдал Карачев), князь Б. М. Лыков, который был также кравчим, в начале 1606 г. добился боярского чина.

В итоге окольничих стало 15, при Борисе их было 11 человек, но из них только четверо остались в Думе.

Куда же делись остальные бояре и окольничии, которые входили в окружение царя Бориса?

Боярин князь М. П. Катырев-Ростовский был отправлен на воеводство в Новгород, боярин князь П. И. Буйносов-Ростовский был послан в Ливны, боярин С. А. Волосский – в Казань. Боярин С. В. Годунов был пострижен в монастырь и вскоре умер. Боярин Д. И. Годунов умер в начале 1605 г. и был похоронен в Ипатьевском монастыре Костромы. Боярин С. Н. Годунов, вызывавший всеобщую ненависть, был помещен в тюрьму Переславля-Залесского, где умер от голода. Боярин М. М. Годунов был назначен воеводой Тюмени. Окольничий Н. В. Годунов стал воеводой Тобольска, окольничий Я. М. Годунов – Свияжска, окольничий С. С. Годунов – Верхотурья. Окольничий И. И. Годунов был отправлен в свое имение под надзор приставов. От ссылки его спасло, видимо, то, что он был женат на Ирине Никитичне Романовой. Окольничий князь И. Д. Хворостинин, ездивший на Кавказ по брачным делам Федора Борисовича и Ксении Борисовны, был отправлен на воеводство в Астрахань.

В Сибири и Поволжье оказались многие представители рода Годуновых: в Пелыме – И. М. Годунов, в Туринске – И. Н. Годунов, в Ядрине – Н. Д. Вельяминов, в Чебоксарах – Г. И. Вельяминов, Цивильске – А. И. Вельяминов, Санчурске – Ф. Т. Вельяминов, Кокшайске – Т. Г. Вельяминов, Тетюшах – А. П. Вельяминов, Самаре – Б. А. Вельяминов, в Кузьмодемьянске – З. И. Сабуров.

В Совет светских лиц при Лжедмитрии вошли и менее знатные лица: бывший дьяк Б. И. Сутупов стал печатником и великим секретарем (свою карьеру он начал еще в Путивле), думный дьяк А. И. Власьев получил чин подскарбия надворного и возглавил Посольский приказ, Г. Г. Пушкин стал сокольничим, Я. В. Зюзин за сдачу Пронска был награжден думным дворянством, Г. И. Микулин получил аналогичный чин за сдачу Орла (это он сделал вместе с Ф. И. Шереметевым), А. В. Измайлов получил думное дворянство еще в Путивле.

При этом бывшие думными дворянами при Годунове В. Б. Сукин и И. М. Пушкин были посланы на воеводство, один – в Свияжск, другой – в Корелу. Не был включен в число думных дворян и М. И. Татищев, считавшийся

любимцем царя Бориса» (Разрядная книга 1475–1605. Т. IV. Ч. 2. С. 94–102).

Но вот поступает новый приказ из Ордена: ЛжеДмитрия низложить!

Этот приказ устраивает не только кромешников, но и патриотов. Видимо, Орден предпочитает осуществить убийство чужими руками под контролем своих людей. Именно по этой причине на убийство Самозванца пошли представители разных кланов, которым впоследствии предстоит встретиться на поле брани в качестве врагов? С одной стороны, князья Василий, Дмитрий и Иван Шуйские, бояре братья Голицыны, князья Михаил Скопин-Шуйский и Борис Татев-Стародубский, окольничий Иван Крюк Колычев, и, с другой, — кромешники Михаил Татищев, дети боярские Андрей Шерефединов, Григорий Валуев, Иван Воейков…

Убийство Лжедмитрия.
Художник Константин Маковский

Вот одно из описаний этого события:

«Рано утром 17 мая 1606 по всей Москве загудел набат. Вожди заговора – Василий Шуйский, Василий Голицын и Татищев – выехали на Красную площадь с отрядом в 200 человек. Вокруг них стали собираться народные толпы. Приложившись к образу Владимирской Богородицы в Успенском соборе, держа в одной руке крест, а в другой – меч, Шуйский призвал всех «во имя Божие идти на злого еретика». Застигнутые врасплох Лжедмитрий и его ближайший помощник Басманов пытались защищаться, но Басманов был убит ударом ножа в сердце. Лжедмитрий бросился бежать по дворцовым переходам. Он попробовал спуститься из окна на двор по строительным лесам, но упал с большой высоты, разбив себе ногу и грудь. Стрельцы, окружившие раненого царя, под угрозами выдали его заговорщикам. Подошедший сын боярский Григорий Валуев со словами: «А вот я благословлю этого польского свистуна!» – выстрелил Лжедмитрию I в сердце».

Великая Смута в России в начале XVII столетия была определена многими причинами.

Но сегодня все очевиднее становится, что главным инициатором был Орден кромешников.

Вот только некоторые материалы о кромешниках и их участии в событиях Смуты, собранные Максимом Зарезиным:

«***Басманов Петр Федорович***. *Сын видного опричника. Окольничий (1599). Один из любимцев царя Бориса, после смерти Годунова предал его сына Феодора, перешел с войском, направленным против Расстриги, на сторону последнего. Предположительно присвоил себе имущество Годуновых. «Басманов заслужил милость у самозванца тем же способом, что и Годунова. Он повсюду искал изменников и беспощадно карал их. По его навету Сабуровы и Вельяминовы (всего 37 человек) были ограблены и брошены в тюрьму» — пишет Р. Г. Скрынников. Убит во время свержения Отрепьева.*

Воейков Иван Васильевич Меньшой. *Дворянин, служилый человек из захудалого боярского рода; выдвинулся в опричнину. Фаворит Бориса Годунова; в 1584 г. по его приказу убил*

отправленного в ссылку казначея П. И. Головина. Присягнул Отрепьеву. В мае 1606 г. участвовал в заговоре против Лжедмитрия и был одним из его убийц.

***Молчанов Михаил Андреевич**, дворянин, происходил из рядовой дворянской семьи, выдвинувшейся в опричнину. Некоторые источники называют самого Молчанова бывшим опричником. В 1601 г. — стольник. Приближенный Годунова, стал одним из убийц его сына Феодора. Был приближен расстригой, после низложения Лжедмитрия I бит кнутом за чернокнижие, но смог бежать в Польшу, распространяя по дороге слухи о спасении «царя Димитрия» и даже иногда выдавая себя за него. Прибыв в Самбор к теще Самозванца, он сделался закоперщиком интриг против царя Василия Шуйского. Не решившись стать во главе поднявшихся во имя Димитрия городов, Молчанов прислал к ним в качестве воеводы Болотникова. В начале 1609 года он очутился в Москве, строил заговоры против царя Василия Шуйского, а после неудачного мятежа «выбежал» в Тушино к Вору и, возведенный в окольничьи, играл видную роль в «воровской» Думе. После распада тушинского лагеря перешел к Сигизмунду III и в чине окольничего управлял Панским приказом в Москве. Убит во время антипольского восстания москвичей.*

***Салтыков Михаил Глебович**, ставший летом 1592 г. окольничьим, по предположению А. А. Зимина, в конце 90-х годов был близок к Романовым, однако именно он руководил розыском о заговоре братьев Никитичей. Годунов оценил его рвение, и в 1601 г. мы уже видим его боярином. В качестве главы посольства он едет в Польшу. Несмотря на благоволение царя Бориса, М. Г. Салтыков перешел на сторону Самозванца, руководил розыском о заговоре против него Шуйского. Выслуживаясь перед Отрепьевым, Михаил Глебович и здесь извернулся, сойдясь с недавним своим подследственным — Шуйским. Василий, взойдя на трон, все же попомнил Салтыкову былые прегрешения, отправив того в Ивангород воеводой, где Михаил Глебович благополучно перешел на службу Тушинскому вору. Принимал участие в переговорах об избрании на царство королевича Владислава, затем поддерживал кандидатуру самого короля Сигизмунда. Один из немногих, кого правительство Михаила Романова официально признало изменником, жил в Польше, где и умер около 1618 г.*

Татищев Михаил Игнатьевич *– одна из ярких фигур Смуты. Его отец Игнатий Петрович получил в опричнине чин думного дворянина. В1589 г. Михаил Татищев вел расследование против бояр Шуйских, при этом, угождая Годунову, бесчестил Василия Шуйского – «даже и до рукобиения». За свои заслуги перед Борисом Татищев получил чин ясельничего, а затем думного дворянина. Татищевы не остались в долгу и помогли взойти на трон Годунову. Татищев-старший (умер в 1604 г.) занял пост казначея. Михаил Татищев легко сошелся с Отрепьевым и даже считался любимцем первого Лжедмитрия, вошел в его Думу с чином окольничего. Правда, после какого-то инцидента был сослан в Вятку, но быстро вернулся, прощенный Отрепьевым. Не оценив широкого жеста, Татищев принял участие в заговоре Василия Шуйского. Он сыграл важную роль в свержении Отрепьева – именно Татищев убил Петра Басманова, до конца защищавшего расстригу, и, по свидетельству П. Петрея, первым ударил саблей своего благодетеля «императора Деметриуса». Воцарившийся Шуйский, наблюдая, как легко Татищев перебегает из одного лагеря в другой, счел за лучшее сослать его в Новгород. «…Михаил очень старался опять возвратиться из изгнания в царствующий город и прежним способом, некоторыми своими злоухищрениями, добиться приближения к царю», – писал о нем все тот же Тимофеев, который в то время служил в Новгороде* [40]. *Татищев навлек на себя ненависть новгородцев поборами и притеснениями. Кончил Михаил Игнатьевич плохо – его растерзала толпа горожан, заподозривших (очевидно, небезосновательно) в измене Шуйскому.*

Туренин Иван Самсонович *– князь из черниговских Рюриковичей. В 1587 г. – пристав при князе Иване Петровиче Шуйском – герое обороны Пскова в годы Ливонской войны. На Белоозере, куда Шуйского отправили в ссылку, Туренин, очевидно, по указанию Годунова умертвил опального. В 1591 г. Иван Самсонович получил чин окольничего. Умер он в 1597 г., а вот его брат Михаил Самсонович отличился в Смуту. В 1607 г., получив от Шуйского боярство, занимался расспросами и пытками болотниковцев, взятых в плен при осаде Тулы. В 1610 г. будучи воеводой в Коломне, присягнул Лжедмитрию II и бежал в Тушинский лагерь. В 1611 г. Туренин-младший подписал при-*

говор боярской думы о сдаче Смоленска польскому королю и о призвании на престол королевича Владислава».

То есть, со стороны Ордена, практически одни и те же люди то возносят ЛжеДмитрия на трон, то глумятся над его трупом. Исключением из общего правила стал только Петр Федорович Басманов (из рода Плещеевых), попытавшийся защитить царя, но его тут же самого и убили. Братья Голицыны, сами участники заговора, смогли только через несколько дней достойно похоронить своего сводного брата, что только подчеркивает их подчиненную роль в этом кровавом спектакле.

Воцарение Василия Шуйского, возможно, и испортило политическую игру Ордена (хотя он царствовал в плотном окружении кромешников и был ими же впоследствии низложен).

Шуйские, если некоторые из них и служили в Опричнине, вряд ли состояли в самом Ордене, деятельность которого всегда своим смертельным жалом была направлена против Рюриковичей, которым не нужно было выдумывать никаких самозванцев, чтобы расчистить себе дорогу к трону, пользуясь, как Романовы, давними и нынешними брачными связями, сближающими их с Рюриковичами. Они испокон веков сами были Рюриковичами.

Орден сатанистов успешно выполнил первую часть своего плана – страна присягнула лжецарю и цареубийце, породив тем самым Великую Смуту – и политическую, и духовную.

Итогом политической Смуты стала целая армия самозванцев, стремящаяся к богатству и власти и отрицающая самим фактом своего существования сакральную, то есть божественную, сущность верховной власти.

Духовная Смута – привела к потере традиционных нравственных ориентиров, в соответствии с которыми жила страна прежде.

Это была катастрофа.

Но она, как воздух, была необходима Ордену кромешников, чтобы в мутной политической воде выловить золотую царь-рыбу.

Мы не открываем ничего нового, утверждая, что первую скрипку в Великой Смуте играли кромешники из рода Радши-Бяконта-Кобылы.

Этой теме Максим Зарезин посвящает отдельную главу в своей книге «В пучине русской Смуты. Невыученные уроки истории». Она называется

Генеалогия предательства

Когда новоявленный Вор со своим воинством, обложив Москву, обосновался в июне 1608 года на Тушинском холме, Василий Шуйский предложил служилым людям, готовым сидеть в осаде, целовать крест в верности. «Все же начата крест целовати, что хотяху все помереть за дом Пречистые богородицы в Московском государстве и целовали крест. На завтре же и на третий день и в иные дни многие, не помня крестного целования и обещания своего к Богу, отъезжали к Вору в Тушино: боярские дети, стольники и стряпчие, и дворяне Московские, и жильцы, и дьяки, и подъячие», — саркастически отметил летописец. Кто же оказался в числе споспешников нового Самозванца?

Борятинский Федор Петрович, ярославский воевода из черниговских князей, при приближении тушинских отрядов покаялся за себя и за горожан за присягу Василию Шуйскому и уверял Вора в том, что «готов за тебя, прирожденного государя, умереть». Борятинский подбил под измену и вологодского воеводу Пушкина. Ярославцы, явно по настоянию воеводы, послали в Тушино 30 000 рублей, обещались содержать 1000 человек конницы, но это не спасло их от притеснений, поляки врывались в дома знатных людей, в лавки к купцам, брали товары без денег, обижали простолюдинов. Отец князя Федора Петр Борятинский наряду с Малютой Скуратовым был наиболее доверенным лицом Грозного из верхушки опричников, он участвовал в совещаниях, где рассматривался план карательного похода на Великий Новгород, а затем проявил себя во время погрома новгородской земли, проявив исключительное рвение при взыскании контрибуций с горожан и крестьян. Так опричники во главе с Петром Борятинским разорили Ладогу и

ее окрестности. После «государеву правежу» в Ладоге уцелел 31 двор из прежних 108. Большинство жителей города умерли от побоев, либо разбежались.

Окольничий Бутурлин Михайла Матвеевич в 1608 г. перешел на сторону Лжедмитрия II и был одним из самых ревностных его сторонников. В 1610 г. захватил для самозванца Калугу, где убил здешнего воеводу. В том же году по приказу самозванца убил касимовского царя Ураз Мухаммеда. Его дед Василий Андреевич осенью 1564 года был одним из руководителей государева двора, составлявшего основу опричной гвардии. Брат В. А. Бутурлина Дмитрий — видный опричник, жил в Александровой слободе, участвовал в карательном походе на Новгород. Опричником стал третий из братьев Бутурлиных Иван. Дмитрий и Иван казнены в 1575 г. во время репрессий против бывших участников опричнины.

Князь Вяземский Семен Юрьевич в начале царствования царя Василия служил воеводой в Перми. Шуйский укорял его за притеснения вятских торговых людей и ямщиков — «бьешъ и мучишъ безъ вины напрасно, и продажу и насилство чинишь, и нашего указу не слушаешь». Перебежал к Тушинскому вору. В 1608 г. присоединился к толпе приволжских инородцев, осадивших Нижний Новгород. Нижегородцы поразили осаждавших и прогнали от города, причем Вяземского ополченцы взяли в плен и повесили, не давая знать в Москву. Вяземские прослыли одними из самых активных проводников опричной политики, князь Афанасий Вяземский был руководителем опричного корпуса вместе с Ф. Басмановым и М. Черкасским, играл роль «келаря» в опричном братстве Александровой слободы.

Дворянин Грязной Тимофей Васильевич в 1601 г. в качестве пристава отвозил в ссылку князя Ивана Сицкого, привлеченного по «Романовскому» делу. При Шуйском сначала служил ему, но зимой 1609 г. изменил; был одним из главных виновников бунта с требованием низложения Шуйского и сейчас же вслед за тем «отъехал» в Тушино. В феврале 1610 г. Грязной в составе посольства от части русских тушинцев явился под Смоленск бить челом Сигизмунду III о даровании его сына Владислава в цари Мо-

скве и успел получить от короля земельные пожалования и чин окольничего. «Приятель» Льва Сапеги, видный член оккупационного правительства при поляках, где ведал Монастырским приказом. Его отец Василий Григорьевич Грязной, по отзыву С. Б. Веселовского «ревностный опричник», попал в плен к крымскому хану, известна его переписка с Иваном Грозным. Заметим так же, что внук «Васюка» Грязного и сын Тимофея Васильевича Борис «защитил» фамильную «честь»: в 1634 г. во время Смоленской войны совершил измену и сбежал в Польшу.

После образования Тушинского лагеря двое князей Засекиных отъехали служить Вору. Князь Засекин Иван Васильевич «прославился» тем, что уже во время похода Второго ополчения возмущал народ против Д. М. Пожарского. Вместе с другими бывшими тушинцами князь стал «атаманов и козаков научать на всякое зло, чтобы разделение и ссору в земле учинить, начали наговаривать атаманов и козаков на то, чтоб шли по городам, в Ярославль, Вологду и другие города, православных христиан разорять». Князья Засекины во времена Грозного служили в опричнине.

Наумов Иван Федорович — тушинский боярин. Во главе воровского войска ходил на Ярославль приводить тамошнее население на верность Лжедмитрию II. Один из Наумовых был опричным постельничим.

Целый выводок Плещеевых отметился службой у всевозможных самозванцев. Плещеев Федор Кириллович — тушинский воевода в Суздале, летом 1607 г. стал приводить к целованию Тушинскому вору псковские волости. В ноябре 1608 г. он захватил Шую, восставшую против Вора, и сжег посады вместе «с мужиками, которые сели по дворам». Еще один тушинский воевода Матвей Плещеев, «стоя в Ростове, многие пакости градом и уездом делаше». Иван Васильевич Плещеев был зачинщиком того, что в январе 1612 г. остатки так называемого первого земского ополчения присягнули Лжедмитрию III — ивангородскому самозванцу. Лев Осипович Плещеев — еще один видный тушинский деятель. Плещеевы занимали заметное место в опричнине.

Салтыковы. Сын уже известного нам Михаила Глебовича Иван пошел по стопам отца. Когда патриарх Гермоген

отказался подписать грамоту к смолянам с призывом присягнуть королю Сигизмунду, И. М. Салтыков бросился на патриарха с ножом. Он же привел к присяге на верность Владиславу новгородцев, разослав по окрестным городам увещевательные грамоты последовать их примеру, но вскоре «за многие неправды и злохитрство» новгородцы посадили его на кол. Михаил Михайлович Салтыков при первом восстании москвичей в марте 1611 г. посоветовал полякам поджечь город, который за три дня выгорел дотла. По свидетельству летописца, командир польских отрядов Гонсевский «многую кровь христианскую неповинную пролил по заводу Михаила Салтыкова». Иван Никитич Салтыков назначен Сигизмундом в оккупационном правительстве главой Казанского дворца. В грамоте к Льву Сапеге Салтыков жаловался: «Здесь, в Москве, меня многие люди ненавидят, потому что я королю и королевичу во многих делах радею». Впрочем, они знали, за что рискуют. Оценив преданность Салтыковых, Сигизмунд пожаловал им бывшие вотчины Годуновых. Салтыковы также отметились в опричнину. Лев Андреевич Салтыков был одним один из руководителей опричнины, А. А. Зимин полагает, что опричником был кравчий Ф. И. Салтыков.

Сицкий Алексей Юрьевич, князь, из ярославских Рюриковичей. В 1590 г. — стольник, в 1600 г. пострадал по делу Романовых. В 1606 г. участвовал в церемонии свадьбы Лжедмитрия I. В 1608–1610 гг. находился в числе сторонников Лжедмитрия II. Из семьи опричников.

Воевода рязанского ополчения Сунбулов Григорий Федорович в сентябре 1607 г. примкнул к Болотникову. Пытался участвовать в попытке свержения Шуйского вместе с Тимофеем Грязным и князем Романом Гагариным и стал под Москвой «для осады», но через месяц со своими рязанцами явился к царю Василию Ивановичу Шуйскому с повинной, помог ему «отбросить от Москвы» Болотникова и получил звание «государева воеводы на Рязани». Но в начале 1609 г. он оказался в числе мятежников, требовавших у бояр низложения Шуйского. Помилованный последним, он снова его предал, пристав к тушинцам. После распадения воровского лагеря стал на сторону бояр, присягнувших

королевичу Владиславу. Его отец Ф. М. Сунбулов и дядя С. М. Сунбулов принадлежали к государеву двору, состоявшему из бывших опричников.

После того как годуновское войско перешло на сторону Самозванца, князь Телятевский Андрей Андреевич до последней минуты не бросил порученной ему артиллерии и убежал в Москву, только когда понял, что изменники осилили. Впрочем, верность князя царю Борису объясняется просто: Телятевский приходился зятем боярину Семену Никитичу Годунову. Вскоре Андрей Андреевич одумался и прибыл к Отрепьеву в Тулу с повинной. Кстати, его тестя, ведавшего при царе-родиче сысками и пытками, в эти же дни задушили в Переяславле. Впоследствии князь Телятевский прославился тем, что сделал блестящую карьеру в войске своего бывшего холопа Ивашки Болотникова, возглавив его повстанческие отряды. Заседал в походной думе «царевича Петра». Андрей Андреевич Телятевский — сын опричника. Более того, по отзыву С. Б. Веселовского, его отец А. П. Телятевский «неизменно пользовался расположением Ивана Грозного». Характеристика уникальная, если учесть подозрительность и переменчивость царя. Именно Телятевский-старший проводил розыск в доме бывшего царского фаворита Алексея Адашева, когда тот попал в опалу.

Князь Трубецкой Дмитрий Тимофеевич — одна из виднейших фигур Смуты. В декабре 1608 г. он отъехал в Тушинский лагерь, был пожалован Вором в бояре, остался с ним после бегства из Тушина в Калугу, где стал главой воровской думы. После гибели Вора в декабре 1610 г. возглавил отряды южного дворянства и казаков, один из руководителей первого ополчения. Еще один Трубецкой — Юрий Никитич, находясь в войске, защищавшем Москву от Вора, участвовал в заговоре против Василия Шуйского, входил в тушинское посольство к королю Сигизмунду, пожалован им в бояре. Как отмечал А. П. Павлов, возвышение Трубецких происходило в годы опричнины, а затем в особом дворе Ивана Грозного. Опричный боярин Ф. М. Трубецкой являлся номинальным главой «дворовой» думы. Отец Дмитрия Трубецкого Тимофей Романович Трубецкой — оприч-

ник. Сам князь Дмитрий был женат на дочери опричника В. Ф. Воронцова.

Черкасский Дмитрий Мамстрюкович, стольник при дворе Бориса Годунова, при царе Василии Шуйском «отъехал» в Тушинский лагерь к Лжедмитрию II, заседал в воровской думе. В царствование Михаила Романова князь Дмитрий Мамстрюкович стал одним из виднейших вельмож — главным воеводой, в 1619 г. пожалован боярством, а в мае 1635 г. государь поручил ему на время своего отсутствия «ведать Москву», что было признаком высочайшего доверия. Его отец Мамстрюк и дядя Михаил — братья второй жены Грозного Марии Темрюковны — занимали видные места в царствование Ивана IV. Старший из братьев, Михаил в 1565 г. стал главнокомандующим опричным войском царя и получил боярство. Но после набега хана Девлет-Гирея на Москву в 1571 г. и неудачного отпора ему со стороны опричных войск, в числе других вождей опричнины Михаил Темрюкович был казнен. Младший брат Мамстрюк, вероятно, не попал под каток репрессий благодаря тому, что в 1570 г. после жестокого сражения с крымцами попал в плен, где находился восемь лет.

Этот список можно было продолжать: Тушинскому вору, например, служили и родственники убиенного в Угличе отрока Димитрия Нагие, и родичи царя Бориса Годуновы: и те, и другие — выходцы из опричнины. Иван Годунов, троюродный племянник царя Бориса, например, писал такие слезные челобитные тушинскому военачальнику Яну Сапеге: «О разорен до основанья и живот свой мучил в деревнишке за приставы и скитался меж двор с женишком и с людишками от его государева изменника, от Василия от Шуйскаго. И нынеча, господине, яз сведал про государя своего прирожденнаго царя и великого князя Дмитрея Ивановича, всеа Русии, что пришел под свою государеву отчину под Москву; и яз, холоп его, прибрел пеш в Володимер и ему, государю, крест целовал и володимерцов всех с собою и с уездом ко крестному целованию привел...». «Прирожденный государь» заслуг просителя не оценил — Ивана Годунова по его приказу утопили в Оке.

В наши дни проблему «самозванчество и опричнина» рассматривает Р. Г. Скрынников: «Надев на себя личину

сына Грозного, Отрепьев невольно воскресил тени опричнины. В его окружении появились люди, принадлежавшие к самым известным опричным фамилиям...». Сходную картину исследователь видит в окружении Тушинского вора: «Лжедмитрий II охотно принимал в свою думу выходцев из старых опричных фамилий». Исходя из этих оценок, можно сделать вывод о том, что в случае с Расстригой само имя сына Грозного порождало ностальгические настроения и привлекало опричников, словно огонь мотыльков. Что касается Вора, который якобы с охотой принимал представителей опричных фамилий, то биографические данные Тушинского «царика», несмотря на свою скудость, дают основание предположить, что он, в отличие от Григория Отрепьева, смутно представлял политические процессы, происходившие в последние десятилетия в Москве, и роль в них различных групп московской элиты. Вряд ли Тушинский вор проводил целенаправленную «кадровую политику». Лжедмитрий II, как, впрочем, и царь Василий Шуйский, был рад воспользоваться услугами любого, кто выказывал готовность служить под его знаменами. Выбирали не лидеры, выбирали лидеров, каждая свита играла своего «короля».

Только мы не согласны с главным в утверждении Руслана Скрынникова: это не мышь породила слона (не огонь привлекал мотыльков), а Орден кромешников порождал и наделял силой лжецарей как исполнителей сатанинского замысла Ордена, чтобы на их кровавом фоне собственное мирное лжевоцарение Радшичей не было столь очевидным и столь роковым для Ордена, как это случалось прежде.

Сатанисты прекрасно знали, что самое слабое место человека – это его алчность, которую никогда и ничем не насытишь.

Поэтому «тушинские ворята» использовали самый верный путь, который уже был ими отработан в Опричнине, – они щедро жаловали от имени Лже-Дмитриев предателей и изменников такими чинами и вотчинами, которые бы они никогда не смогли бы получить по местническим правилам. Вот что пишет Л.

Морозова по этому поводу: «Например, князь Ф. П. Барятинский был до этого всего лишь жильцом и не имел шансов выдвинуться. М. М. Бутурлин вообще до этого не имел чина. М. И. Вельяминов был всего лишь московским дворянином. Н. Д. Вельяминов находился в опале как дальний родственник царя Бориса Годунова. И. И. Волынский был также жильцом. И. И. Годунов, близкий родственник царя Бориса, носил чин окольничего, но находился в опале и при Лжедмитрии I, и при В. И. Шуйском. И. М. Заруцкий до этого был казачьим атаманом и при московском дворе, конечно, никогда бы не стал боярином. Князь А. Ф. Жировой-Засекин имел раньше чин окольничего. Его родственники И. П. Засекин и С. П. Засекин были всего лишь жильцами. Князь С. Г. Звенигородский был воеводой Чернигова. Перейдя на сторону Лжедмитрия II, он не только получил боярство, но и стал дворецким. А. А. Нагой, единственный из мнимых родственников самозванца, перешедший на его сторону, ранее не служил. И. Ф. Наумов-Хрулев был до этого воеводой Медыни. И. В. Плещеев-Глазун, Ф. М. Плещеев и М. И. Плещеев-Колодка также раньше не служили. А. Н. Ржевский и И. Н. Ржевский считались рязанскими дворянами. Князья А. Ю. Сицкий, Р. Ф. Троекуров, Д. Т. Трубецкой и Ю. Н. Трубецкой были стольниками, но этой службой, видимо, тяготились, поскольку принадлежали к знатным родам. Быстро выдвинуться при престарелом царе Василии у них не было возможности. Князь И. Д. Хворостинин носил чин окольничего. Будучи воеводой Астрахани, он отказался присягать Шуйскому. Князь Д. М. Черкасский носил чин московского дворянина, но мечтал о большем. Князь Г. П. Шаховской был вызволен самозванцем из ссылки и получил не только боярство, но и самое почетное звание слуги».

Тушинские «ворята» были главными противниками царя Василия Шуйского, воцарившегося против воли Ордена, и правительство ЛжеДмитрия II, которое возглавил «воровской патриарх» Филарет (Федор Никитич Романов, облагодетельствованный обоими ЛжеДмитриями) и

его родственники, предпринимало просто неимоверные усилия, чтобы свергнуть Шуйского.

Царь Василий IV был со всех сторон окружен кромешниками, но у него оставались и верные люди, одним из которых был Иван Федорович Крюк Колычев.

Именно Крюк Колычев и Михаил Васильевич Скопин-Шуйский были той силой, на которую мог опереться царь Василий в своей борьбе за трон.

Именно благодаря этим полководцам были разгромлены войска «холопа» князя Андрея Андреевича Телятевского Болотникова и ЛжеПетра, которые вели свою собственную, несогласованную с Орденом кромешников политическую игру, почему против них выступила тогда объединенная, как и при свержении ЛжеДмитрия I, сила патриотов (Скопин-Шуйский, Колычев) и кромешников — полководцы Борис Михайлович Лыков-Оболенский, Иван Никитич Романов, Михаил Игнатьевич Татищев…

Об отце князя Хрипуна Телятевского находим запись у В. Б. Кобрина: «Еще до учреждения опричнины он пользовался большим доверием царя: ему был поручен «обыск <…> в Юрьеве Ливонском про Олексееву смерть Одашева». В опричнину он вошел сразу при ее учреждении и был там одним из ведущих воевод <…>, а в 1569 г. назначается в опричные войска под Калугой первым воеводой полка правой руки, местничается с первым воеводой большого полка Ф. А. Басмановым. Тогда же в Калуге он заболел и умер».

Поэтому встать под одни знамена с Басмановыми он не мог. Как и Басманов, которого под Кромами совершенно, вероятно, умышленно, поставили в подчинение к Телятевскому : «И как тое роспись прочли бояре и воеводы, и Петр Басманов, падчи на стол, плакал, с час лежа на столе, а встав с стола, являл и бил челом боярам и воеводам всем: «Отец, государи мои, Федор Алексеевич точма двожды больши деда князя Андреева… а ныне Семен Годунов выдает меня зятю своему в холопи, князю Андрею Телятевскому; и я не хочю жив бытии, смерть приму, а тово позору не могу терпети»» (Разрядная книга 1475–1605. Т. IV. Ч. 2. С. 91–92).

В 1605 году князь Телятевский — один из немногих воевод, которые остались верными новому царю, Фёдору Борисовичу, и, когда он увидел измену Петра Басманова и войска при переходе армии под Кромами и понял, что приверженцы самозванца одержали верх, он вынужден был бежать в Москву.

Есть известие, что по прибытии в Москву он был арестован, но потом, когда положение дел окончательно повернулось в пользу Лжедмитрия, присягнул ему и получил свободу. 3 июня 1605 года Телятевский вместе с Иваном Воротынским был избран московским населением идти в Тулу, где находился самозванец, с повинною от столицы. Лжедмитрий встретил посланных грубою и резкою речью, приближённые его также их позорили, а Телятевского, как остававшегося дольше других верным Годуновым, чуть не убили. Во всё время царствования Самозванца он, по-видимому, находился в опале и влияния на дела не имел. В 1606 году был воеводой в Чернигове.

Ставший во главе восстания против Шуйского Иван Болотников был раньше холопом Телятевского, и последний имел на него, по-видимому, сильное влияние. При Лже-Петре Телятевский начальствовал значительною частью его приверженцев. В феврале 1607 года разбил правительственные войска под Венёвом. В марте около Тулы разбил московского воеводу Воротынского и занял Тулу и Дедилов. Затем он двинулся к Калуге и по дороге к ней встретился с сильным московским войском. В жестокой битве при Пчельне, происшедшей 2 мая 1607 года, Телятевский разбил наголову царское войско, причём Татев и Черкасский погибли, 15 тысяч человек перешли на сторону Болотникова, а остальная часть в беспорядке бежала к Калуге в стан Фёдора Мстиславского.

Эта решительная и блестящая победа Телятевского произвела в Москве ошеломляющее впечатление. Потребовались неимоверные усилия со стороны московского правительства, чтобы собрать новое значительное войско, а прежнее, деморализованное неудачами и ненадёж-

ное, привести в боевое состояние. Дав отдых своим людям после битвы при Пчельне, Телятевский соединился с Болотниковым и направился затем к Кашире с намерением занять её, но при реке Восме встретился с московскими полками. 21 мая на берегах этой реки произошло новое сражение, в котором верх одержало царское войско.

О роли Телятевского в этой битве существуют две версии. По одной из них, он был в лагере мятежников и после поражения с небольшим уцелевшим отрядом бежал в Тулу, где и скрывался вместе с Шаховским, Болотниковым и Лже-Петром. По другому известию, Телятевский в самый разгар сражения с четырёхтысячным отрядом перешёл на сторону Шуйского и тем решил дело в пользу последнего.

Как известно, царь Василий лично осадил Тулу; Тула продержалась только до 10 октября, когда голод и болезни принудили осаждённых сдаться. Своё категорическое обещание помиловать мятежников Шуйский не сдержал: Болотникова утопили, Лже-Петра повесили, Шаховского сослали в пустынь. При перечислении этих лиц и постигших их кар о Телятевском ничего не говорится.

Существует позднее указание (в одном из томов «Древней российской вифлиофики» Н. И. Новикова), согласно которому Телятевский умер в 1612 году в боярском сане. Аргументация защитников достоверности этого известия сводится к голословному утверждению, что многие сведения новиковского издания были будто бы «почерпнуты из сгоревших в 1812 г. при московском пожаре документов».

Боярин князь Андрей Андреевич Телятевский оставил после себя двух детей: Фёдор Андреевич Телятевский (ум. 1645), стольник и воевода, Ирина Андреевна Телятевская, жена Якова Никитича Головина.

Нечто общее связывает Хрипуна с князем Григорием Шаховским, который также не был связан с кромешниками.

Шаховской (кн. Григорий Петрович) — деятель смутного времени. Служил Лжедмитрию I и не хотел признать царем Шуйского. Уже в минуту смерти самозванца Ш. за-

думал воскресить его и с этой целью унес государственную печать. Василий Шуйский за приверженность его к Лжедмитрию сослал его воеводой в Путивль, наиболее волновавшуюся окраину Московского государства, и тем помог Ш. в его замысле. Ш. немедленно взбунтовал путивльцев, объявив им, что Дмитрий жив и скрывается от своих врагов. При помощи Молчанова и особенно Болотникова, холопа князя Телятевского, Ш. удалось разжечь огонь восстания на юге и востоке; с этой целью он призвал к себе казацкого самозванца лже-Петра. При реке Ворсме мятежники были разбиты и бежали сначала в Калугу, а потом затворились в Туле, но вынуждены были сдаться. Ш., «всей крови заводчик», по выражению летописцев, был сослан на Кубенское озеро в пустынь. Оттуда Ш. освободился во время занятия северных городов польско-русскими отрядами Лжедмитрия II и пробрался в Тушино. Когда Скопин-Шуйский двинулся из Новгорода для освобождения Москвы, Ш. начальствовал над русскими в отряде польского воеводы Зборовского. Скопин разбил этот 4-тысячный отряд. Ш. бежал с Лжедмитрием II в Калугу, куда он привел из Царева-Займища свой отряд казаков. После смерти Лжедмитрия Ш. просил калужан отпустить его в Москву, чтобы испросить себе повинную, но его не пустили. Затем мы видим Ш. среди казаков под Москвой, в ополчении князя Пожарского: как видно из грамоты Пожарского, он пытался увлечь казаков на грабеж русских городов, но это ему не удалось».

Оставил наследников – Петра и Афанасия.

Разбив совместными усилиями войска «незапланированного» Орденом Болотникова и ЛжеПетра, Орден кромешников лице «тушинских ворят» и их московских приспешников начал готовить низложение царя Василия Шуйского.

А для этого нужно было, прежде всего, покончить с верными ему боярами – дворецким Иваном Федоровичем Крюком Колычевым и полководцем Михаилом Васильевичем Скопиным-Шуйским.

Колычева оклеветал один из кромешников: «Дворецкого Ивана Крюка-Колычева погубил чашник Василий

Бутурлин. Чашник имел репутацию доносчика. В списке «ушников» царя Василия о нем сказано: «А такова вора и довотчика нет, и на отца своего родного доводил».

…На протяжении двух десятилетий Колычев был едва ли не самым верным сторонником Шуйских. По словам Исаака Массы, в народе Крюк пользовался большим уважением. Заговор угрожал жизни монарха, и тот не пощадил прежнего любимца. Воеводу вывели на Пожар и казнили».

Во время следствия Колычева пытали, но он ни в чем не сознался и никого не выдал. По доносу же он был участником заговора, целью которого было убийство царя Василия.

Доносчик — Василий Иванович Граня Бутурлин, племянник казненного в 1575 году кромешника Дмитрия Андреевича Бутурлина, был прелюбопытной фигурой Великой Смуты – подлецом и предателем.

В 1610 году в битве под Клушином он попал в плен к полякам, но был тотчас освобожден, как польский отряд вступил в Москву и присягнул царевичу Владиславу, но при этом сносился с Прокопием Ляпуновым: «Однажды посланец Ляпунова был пойман и под пытками выдал Бутурлина, после чего пытали и его. Бутурлин повинился, а после бежал из Москвы в стан Ляпунова».

В 1611 году он был послан в Новгород просить помощи у шведов в борьбе с поляками и предложил шведам захватить Новгород, что они успешно и осуществили. При этом Бутурлин всячески мешал воеводе Ивану Никитичу Одоевскому руководить обороной города. Когда шведы вошли в Новгород, «Бутурлин вышел из города, ограбив предварительно новгородские лавки и дворы под тем предлогом, что если не русские, то шведы разграбят всё».

В конечном итоге, в 1614 году Бутурлин снова попадает в плен к шведам, перешел в шведское подданство под именем Wasilius Butterlin, сохранив там свое дворянство и поступив на военную службу. В 1649 году он был подполковником, получил герб и женился на дворянке Анне Кнутсон, но умер в 1651 году бездетным.

У оклеветанного им и казненного царем Василием на Лобной площади в Москве Ивана Федоровича Крюка Колычева остался сын Дмитрий Иванович.

А следующей жертвой Ордена кромешников стал Михаил Васильевич Скопин-Шуйский, талантливый полководец, еще одна надежда и опора царя Василия Шуйского.

В смерти полководца романовские историки обвинили самих… Шуйских. Якобы дочь Малюты Скуратова, жена Дмитрия Ивановича Шуйского, брата царя Василия, дала ему яд на торжествах по случаю рождения сына у князя Воротынского, подозревая, что трон после смерти царя Василия может достаться не Дмитрию Ивановичу, а Михаилу Васильевичу.

Да, в атмосфере всеобщего предательства, наушничества, подлости верили всему, во что хотели верить, тем более что против Шуйских была запущена Орденом мощнейшая для того времени пропаганда. И поэтому историки верят и по сей день в то, что Скопина-Шуйского убили сами Шуйские, хотя его смерть была выгодна только… Ордену.

Первую неудачную попытку свергнуть царя Василия предприняли князь Роман Гагарин, Тимофей Грязной и рязанец Григорий Сунбулов, бежавшие затем к Тушинскому «вору», где и варилось идеологическое зелье нового политического переворота:

Вот что сообщал основоположник романовской истории Н. М. Карамзин: «Дни текли, и Василий еще сидел на троне, измеряя взорами глубину бездны пред собою, мысля о средствах спасения, но готовый и погибнуть без малодушия. Уже блеснул луч надежды: оружие Царское снова имело успехи; Лавра стояла непоколебимо; восток и север России ополчились за Москву, — и в сие время крамольники дерзнули явно, решительно восстать на Царя, боясь ли упустить время? боясь ли, чтобы счастливая перемена обстоятельств не утвердила Василиева державства?

Известными начальниками кова были царедворец Князь Роман Гагарин, Воевода Григорий Сунбулов (про-

щенный изменник) и Дворянин Тимофей Грязной: знатнейшие, вероятно, скрывались за ними до времени. 17 Февраля вдруг сделалась тревога: заговорщики звали граждан на лобное место; силою привели туда и Патриарха Ермогена; звали и всех Думных Бояр, торжественно предлагая им свести Василия с Царства и доказывая, что он избран не Россиею, а только своими угодниками, обманом и насилием; что сие беззаконие произвело все распри и мятежи, междоусобие и самозванцев; что Шуйский и не Царь, и не умеет быть Царем, имея более тщеславия, нежели разума и способностей, нужных для успокоения державы в таком волнении. Не стыдились и клеветы грубой: обвиняли Василия даже в нетрезвости и распутстве. Они умолчали о преемнике Шуйского и мнимом Димитрии; не сказали, где взять Царя нового, лучшего, и тем затруднили для себя удачу. Немногие из граждан и воинов соединились с ними; другие, подумав, ответствовали им хладнокровно: «Мы все были свидетелями Василиева избрания, добровольного, общего; все мы, и вы с нами, присягали ему как Государю законному. Пороков его не ведаем. И кто дал вам право располагать Царством без чинов государственных?» Ермоген, презирая угрозы, заклинал народ не участвовать в злодействе, и возвратился в Кремль. Синклит также остался верным, и только один муж Думный, старый изменник, Князь Василий Голицын — вероятно, тайный благоприятель сего кова — выехал к мятежникам на Красную площадь; все иные Бояре, с негодованием выслушав предложение свергнуть Царя и быть участниками беззаконного веча, с дружинами усердными окружили Шуйского. Не взирая на то, мятежники вломились в Кремль; но были побеждены без оружия. В час опасный, Василий снова явил себя неустрашимым: смело вышел к их сонму; стал им в лицо и сказал голосом твердым: «Чего хотите? Если убить меня, то я пред вами, и не боюсь смерти; но свергнуть меня с Царства не можете без Думы земской. Да соберутся великие Бояре и чины государственные, и в моем присутствии да решат судьбу отечества и мою собственную: их суд будет для меня законом, но не воля крамольников!» Дерзость злодейства об-

ратилась в ужас: Гагарин, Сунбулов, Грязной и с ними 300 человек бежали; а вся Москва как бы снова избрала Шуйского в Государи: столь живо было усердие к нему, столь сильно действие оказанного им мужества!

К несчастию, торжество закона и великодушия было недолговременно. Мятежники ушли в Тушино для того ли, что доброжелательствовали Самозванцу, или единственно для своего личного спасения, как в место безопаснейшее для злодеев? Их бегством Москва не очистилась от крамолы. Муж знатный, Воевода Василий Бутурлин, донес Царю, что Боярин и Дворецкий Крюк-Колычев есть изменник и тайно сносится с Лжедимитрием. Измены тогда не удивляли: Колычев, быв верен, мог сделаться предателем, подобно Юрию Трубецкому и столь многим другим, но мог быть и нагло оклеветан врагами личными. Его судили, пытали и казнили на лобном месте. Пытали и всех мнимых участников нового кова и наполняли ими темницы, обещая невинным, спокойным гражданам утвердить их безопасность искоренением мятежников».

В современной интерпретации это звучит так: «Еще в феврале 1609 г. несколько дворян во главе с Романом Гагариным, Григорием Сунбуловым и Тимофеем Грязным направились к боярам и стали требовать, чтобы В. И. Шуйский был сведен с престола и заменен другим человеком. Но бояре не захотели их слушать. Тогда мятежники схватили патриарха Гермогена и повели его на Лобное место, чтобы заставить отречься от царя Василия. Но и он проявил твердость и отказался решать с ними вопрос о новом государе. Вскоре на помощь Шуйскому прибыли воеводы, охранявшие город, и разогнали смутьянов. Тем пришлось бежать в Тушино. Оказалось, что общее число недовольных царем было более 300 человек. Естественно, что это не могло не обеспокоить Василия.

После восстания дворян началось разбирательство, которое показало, что противники царя находились в самом ближнем его окружении. Одним из них оказался любимец Шуйского боярин и дворецкий И. Ф. Крюк-Колычев. В назидание другим изменникам он был публично казнен на Красной площади» (Л. Морозова).

Тушинские кромешники распустили слухи, на которые и сегодня опираются историки: «Расспросные речи московских выходцев. 8 мая 1609 г. «…которые бояре, и дворяне, и дети боярские, и торговые люди были в заговоре с Иваном с Федоровичем Колычевым, и хотели Шуйского убить на Вербное воскресенье, и тогда не случилося; из их думы один Иван Федорович был на пытке и ни на кого из них не говорил, потому одного и казнили; а их никого казнить не велел: и оне же своим старым заговором умышляют и хотят его убить на Вознесеньев день из самопала; а на Николин день какая замятия будет ли, того не ведают. А дети боярские и чорные всякие люди приходят к Шуйскому с криком и вопом. А говорят: до чево им досидеть? Хлеб дорогой, а промыслов никаких нет, и ничего не где, и купити не чем. И он у них просит сроку до Николина дня, а начается де на Скопина, что будет идет к нему Скопин с немецкими людьми, а немец де с ним семь тысяч: Король будто бы дал четыре тысячи, а еще де нанял три тысячи… А весть де про Скопина на Москве есть, что пошол из Новагорода; а в котором ныне городе, тово неведомо подлинно. А про Шереметева сказывают, что в Нижнем, а из Нижнево ждут ево во Владимир, а из Володимеря ждут к Москве; а сказывают, что с ним с Шереметевым идет вся Понизовая сила, а ждут на просухе, как вода сольет и коньской корм поспеет» (АИ. Т. 2. СПб., 1841. № 212).

Версия о провокации кромешников даже не рассматривается. А зря. На провокации Орден был горазд. Иван Федорович Крюк Колычев был вторым по значимости полководцем Смутного времени после Михаила Васильевича Скопина-Шуйского, и победа над Болотниковым — это прежде всего и во многом полководческий успех Ивана Федоровича.

«Сам царь Василий Иванович подошел к Туле с Государевым полком. Его возглавляли И. И. Шуйский и боярин и дворецкий И. Ф. Крюк-Колычев. В состав этого полка входили уже хорошо известные бояре: Ф. И. Мстиславский, И. М. Воротынский, И. И. Голицын, В. В. Голи-

цын, М. Ф. Нагой, а также новые бояре, получившие свой чин при Шуйском: М. Б. Шеин, М. Ф. Кашин, М. С. Туренин. Вместе с ним двигалась и артиллерия под командованием нового боярина В. Т. Долгорукова и Д. В. Туренина. Путь им должны были обеспечивать новые окольничии С. И. Колтовский, А. В. Измайлов и Ф. В. Головин».

И далее: «С триумфом царское войско вернулось в Москву. Там с большим размахом была отмечена победа над всеми «крамольниками и супостатами». После этого Петрушу публично казнили (повесили) под Даниловым монастырем у Серпуховской дороги. Болотникова сослали в Каргополь, где его заточили в темницу. Князя Телятевского постригли в монахи в Троице-Сергиевом монастыре. Князя Г. Шаховского сослали на Кубенское озеро. Правда, пробыл он там недолго. Его освободили отряды нового самозванца Лжедмитрия II и привезли в Тушинский лагерь. Там он получил боярский чин и звание «слуги». Позднее он вошел в состав Первого ополчения и погиб в одном из боев.

Царь Василий не стал сурово наказывать болотниковцев, надеясь, что со смутами и крамолами покончено раз и навсегда. Он даже распустил по домам всех воинских людей для отдыха. При этом Шуйский упустил из виду, что далеко не все северские города «отстали от воровства» и били ему челом о своих винах. В Путивле, Стародубе и некоторых других городах по-прежнему оставались люди, которые желали служить «царю Дмитрию», хотя его уже давно не было в реальности» (Л. Морозова).

Второй заговор против Шуйского оказался для земщины хитроумной ловушкой (то есть очередной провокацией) Ордена:

«…буйные братья Ляпуновы (люди Ордена кромешников – С. В.) вновь решили свергнуть Василия Шуйского. Этот замысел одобряли агенты Лжедмитрия II, которые сулили одновременно низложить и своего Вора, чтобы потом примириться с москвичами и всей русской землёй выбрать общего царя. 17 июля 1610 толпа народа во главе с Захаром Ляпуновым ворвалась во дворец и потребовала, чтобы Василий Шуйский «положил царский

посох». Василий отказался. Заговорщики тогда вышли на улицу и созвали народ, который вынес общий приговор бить челом Шуйскому, чтобы он сошёл с престола. Желанию всей Москвы царь Василий уже не мог противиться. Свергнутый Шуйский выехал с женой из Кремля. На следующий день пришла весть, что люди Лжедмитрия обманули москвичей и не желают отрекаться от своего «царя». Ляпуновы, тем не менее, спешили закрепить совершившийся в Москве переворот. 19 июля их люди пришли к Шуйскому и насильно постригли его в монахи».

«Положение оставалось крайне неопределенным, и заговорщики решили довести дело до конца. Вместе с Захаром Ляпуновым в их «совете» участвовали князь Петр Засекин, думный дворянин Гаврила Пушкин, князья Василий Тюфякин-Оболенский, Василий Туренин-Оболенский и Федор Волконский, «иные дворяне мелкие» и немногие стрельцы.

Чудов монастырь вновь был вовлечен в водоворот политических страстей. 19 июля Ляпунов и его сообщники явились на двор к Шуйским в сопровождении чудовских монахов. Они предложили низложенному царю принять постриг. Тот отказался подчиниться. Тогда его постригли насильно. Дворяне держали бившегося в их руках самодержца, пока монах совершал обряд пострижения. Клятву за Шуйского дал князь Василий Туренин (по другим сведениям – Тюфякин – С. В.). От царя Туренин получил чин чашника. Но он плохо помнил благодеяния. Турениы совершили второе насилие над членами дома князей Шуйских (его брат – Иван Самсонович умертвил по приказу Годунова Ивана Петровича Шуйского – С. В.).

Участь царя Василия разделила царица. Ее принудительно постригли в монахини» (Л. Морозова).

Сверженного царя позже отдадут полякам. И только через двадцать лет прах преданного русскими подданными русского царя Василия Шуйского и его брата возвратят в Россию и похоронят с царскими почестями… Да, через двадцать лет можно было уже и торжественно похоронить…

Представление пленного русского царя Василия Шуйского польскому королю

О братьях Ляпуновых в исторической литературе, как правило, пишется как о героях Великой Смуты.

Но вот какие сведения мы отыскали в дореволюционном издании: «Ляпунов, Прокопий Петрович, известный деятель Смутного времени. В царствование Феодора Ивановича и Бориса Годунова ни он, ни другие члены его рода не занимали видного положения в Москве. Участие в 1584 г. Ляпуновых вместе с Кикиными в возмущении черни в Москве против Богдана Бельского и близость их к «дворовому дьяку» Иоанна Грозного, Андрею Шерефединову (убийце ЛжеДмитрия I – С. В.), много повредили им. Брат Прокопия Петровича, Александр Ляпунов помогал Шерефединову захватывать на Рязани чужие земли и чужих людей, и это оставалось безнаказанным вследствие благоволения Грозного к Шерефединову. По вступлении же на престол Феодора Иоанновича, Шерефединов был отставлен от должности Годуновым, а Александр Ляпунов, вероятно, подвергся ссылке.

Весьма естественно, что Ляпуновы, считавшиеся Годуновым людьми неблагонадежными, воспользовались

первым представившимся случаем, чтобы выместить свое недовольство. Сохранилось известие, будто бы при появлении названного царя Димитрия в Польше бояре тайно отправили к королю одного из племянников Прокопия Ляпунова с просьбой помочь Самозванцу. Будучи в войске под Кромами в 1605 г., Прокопий Ляпунов много способствовал успеху Самозванца, как видно из следующих слов знатока Смутного времени С. Ф. Платонова: «Прокопий Ляпунов среди рязанских детей боярских играл большую роль, потому что был на первом месте в числе «окладчиков» Окологородного стана на Рязани. За ним, как за избранным и доверенным лицом, должна была пойти вся дружина рязанцев, не только Переяславля-Рязанского, но и других городов, например, Ряжска, где у Прокопия были также знакомцы, даже обязанные ему поручительством по службе... Когда же рязанцы вошли в «совет» к Басманову и Голицыным, за ними легко увлеклись служилые люди и других южных городов. По свидетельству одного Хронографа, Прокопий Л. с «братиею» и с «советниками» своими, т. е. единомышленниками, целовали втайне крест Самозванцу, затем приехали к разрядному шатру, где сидели бояре и воеводы, и стали бить и вязать воевод, а ратных людей приводить к кресту, по умышлению Петра Басманова».

То есть совершенно не случайно ЛжеДмитрий избрал путь из Польши в Москву через южные крепости.

А вот и причина гибели Скопина-Шуйского: «В конце 1609 г., когда кн. Мих. Вас. Скопин-Шуйский и боярин Шереметев с войском находились в Александровской слободе, Ляпунов отправил кн. Скопину со своими посланными грамоту, в которой называл его не *князем*, а *царем*. Пылкий и энергичный Ляпунов, выводимый из себя медлительностью и неустойчивостью царя Василия Шуйского, преклонялся перед личностью и деятельностью кн. Мих. Вас. Скопина-Шуйского, сумевшего заключить выгодный договор со шведами и в короткое время одержавшего блестящие победы над Сапегой и Лисовским под Троице-Сергиевым монастырем и на пути от этого монастыря к Москве. Поздравляя его с царством,

Ляпунов «царя ж Василия яко змия угрызающе, укоряше его непотребными словесы, хотя то учинити, дабы князя Михаила в гордость привести и на Царя Василия хотя его вооружити». В порыве гнева кн. Скопин хотел переслать эту грамоту в Москву вместе с посланцами Ляпунова. Но они упросили его не делать этого, и он отпустил их на Рязань. Нашлись люди, которые сообщили царю Василию о грамоте Ляпунова, и он вместе с братьями заподозрил кн. Михаила Васильевича в намерении завладеть престолом. 23 апреля 1610 г. кн. Скопин умер. Ляпунов начал рассылать грамоты по городам; писал, что смерть произошла от отравы, винил царя Василия и высказывал намерение отомстить ему за смерть кн. Скопина. Есть известие, что будто бы даже Ляпунов стал ссылаться с Тушинским вором» («Русский биографический словарь»).

И, наконец, само низложение Василия Шуйского: «Вскоре после смерти кн. Скопина у Ляпунова стала «дума большая на царя Василья с боярином со князь В. В. Голицыным»; затем эта дума высказывалась уже более определенно: «как бы царя Василия ссадити». Подготовив рязанский край к восстанию против Шуйского, Ляпунов прислал в Москву какого-то Олешку Пешкова к кн. Голицыну и к своему брату Захарию, побуждая их Шуйского «с государства ссадити». В Москве, как мы знаем, в продолжение осады 1608—1610 гг. жило много рязанцев со своими семьями, следовательно, Ляпуновы могли действовать, опираясь на вполне преданных людей. Как видно, они намеревались, после низвержения Шуйского, передать власть кн. Вас. Вас. Голицыну. 17-го июля 1610 г. Шуйский был сведен с престола, а 19-го насильственно пострижен в монахи и заточен в Чудовом монастыре.

Вот краткое изображение того положения, в каком очутилась Москва вслед за пострижением Шуйского. «Москва лишилась правительства в такую минуту, — пишет С. Ф. Платонов, — когда крепкая и деятельная власть была ей очень необходима. Враги подходили к стенам самой Москвы, владели западным рубежом государства, занимали города в центральных и южных областях страны. С этими врагами необходимо было бороться не толь-

ко за целость государственной территории, но и за независимость самого государства, потому что успехи врагов угрожали ему полным завоеванием. Нужно было скорее восстановить правительство; это была такая очевидная истина, против которой никто не спорил в Московском государстве. Но большое разногласие вызывал вопрос о том, как восстановить власть и кого к ней призвать. Разные круги общества имели на это разные взгляды и высказывали разные желания. От слов они переходили к действию и возбуждали или открытое народное движение, или тайную кружковую интригу. Ряд таких явных и скрытых попыток овладеть властью и создать правительство составляет главное содержание последнего периода Смуты».

Сам гетман Ян Сапега, польский оккупант, дал в письме князю Юрию Никитичу Трубецкому свою оценку обоим, видя в них своих союзников: «И писали ко мне с великим прошением бояре с Москвы (в половине января), чтоб я шел на Рязанские места, на Прокофья Ляпунова, и на вас, и на те городы, которые с вами в совете; и яз то ведаю, что вы с Прокофьем Ляпуновым в совете и стоите за православную крестьянскую веру заодин, и вам бы со мною ссылаться и совет держать, и к Прокофью Ляпунову о том писать, чтоб вам со мною быть в совете заодин: а я Московских бояр не слушаю и с вами биться не хочу, хочу с вами быти в любви и в братстве».

Юрий Никитич Трубецкой — сын опричника Никиты Романовича Трубецкого.

Летом 1608 года после неудачных боёв под Москвой стольники князья Юрий Никитич Трубецкой, Иван Михайлович Катырев-Ростовский и Иван Фёдорович Троекуров попытались перейти на сторону Лжедмитрия II, но были схвачены и отправлены в ссылки. Князь Ю. Н. Трубецкой был сослан в Тотьму, откуда вскоре перебрался в Тушинский лагерь. Лжедмитрий II назначил князя Юрия Трубецкого боярином и конюшим, то есть руководителем Конюшенного приказа (это неверно: «Известный знаток московских традиций Г. Котошихин писал о чине конюшего: «А кто бывает конюшим, и тот

первый боярин чином и честью, и, когда у царя после его смерти не останется наследия, кому быть царем, кроме того конюшего, иному царем быти некому, учинили бы его царем и без обирания». С чином конюшего, как видно, была связана некая старинная традиция. В силу ее в случае пресечения династии вся полнота власти в Московском царстве переходила к думе в лице первого из бояр – конюшего»).

И далее: в октябре 1611 года князь Юрий Никитич Трубецкой вместе со своим тестем, боярином Михаилом Глебовичем Салтыковым, возглавил посольство от временного правительства Семибоярщины в Речь Посполитую. Послы должны просить польского короля Сигизмунда III Вазу прислать новые войска и отпустить королевича Владислава в Москву. В Россию князь Юрий Никитич Трубецкой уже не вернулся и вместе со своей семьей остался в Польше. Князь Ю. Н. Трубецкой перешёл на службу к польскому королю Сигизмунду Вазе, отказался от православия и перешёл в римско-католическую веру под именем Юрия-Вигунда-Иеронима. Входил в состав двора нареченного московского царя Владислава Жигимонтовича.

В 1617–1618 году князь Юрий Никитич Трубецкой сопровождал польского королевича Владислава Вазу во время его неудачной военной кампании против Русского государства.

В 1621 году король Речи Посполитой Сигизмунд III Ваза пожаловал князю Юрию Трубецкому в удельное владение его старинную родовую вотчину — город Трубчевск с «половиной Трубчевских земель».

В 1634 году после смерти князя Юрия Никитича Трубецкого Трубчевское княжество разделили между собой его сыновья Пётр и Александр Трубецкие.

Князь Юрий Никитич Трубецкой был женат на дочери воеводы и боярина Михаила Глебовича Салтыкова, от брака с которой имел двух сыновей (Александра и Петра). Князь Пётр Юрьевич Трубецкой (ум. 1644), подкоморий и маршалок стародубский, камергер польского двора, был женат на княжне Эльжбете Гальше

Друцкой-Соколинской, от брака с которой имел единственного сына — Юрия. Князь Юрий Петрович Трубецкой (ум. 1679) в 1657 году перешёл из польского в русское подданство, став стольником, боярином и воеводой.

Впоследствии Прокопий Ляпунов с другим князем — Дмитрием Тимофеевичем Трубецким (племянником опричника Никиты Романовича) и донским казачьим атаманом Иваном Заруцким (последним мужем Марины Мнишек) создали Первое народное ополчение и Земское правительство, которое и возглавили.

Князь Дмитрий (зять князя Бориса Петровича Татева) в декабре 1608 года, когда после боя на Ходынке «отъехал» в тушинский лагерь, якобы «недовольный» правлением Шуйского (а скорее всего именно потому, что его двоюродный брат занимал при тушинском воре первое место в воровской Думе). В лагере Лжедмитрия II он стал боярином и входил вместе с многими родовитыми людьми (в том числе и родственниками воровского патриарха Филарета) в его правительство (возглавлял Стрелецкий приказ).

После убийства ЛжеДмитрия II пытался встать во главе Первого, а потом и Второго ополчения.

За свою деятельность получил титул «Спасителя отечества» и был одним из претендентов на царский престол на земском соборе февраля 1613 года.

Царь Михаил Федорович не раз привлекал князя к ответственным делам и жаловал в Подмосковье имениями Беседы (1619), Копытово (Алексеевское, 1621) и обширное имение Гребнево (1623), позднее назначил Дмитрия Трубецкого наместником в Сибирь, где он скончался в Тобольске 24 июня 1625 года.

Михаил Ломоносов в своей поэме «Петр Великий» так писал о завершении Смуты:

…Везде свирепый век отечество терзал,
Пока Пожарского и Трубецкого ревность,
Смотря на праотцов, на славну россов древность,
Пресекла наконец победою напасть,
И обществом дана Петрову деду власть.

Ляпунов оказался лишним звеном в этом триумвирате – и был ликвидирован казаками Заруцкого, которые обвинили его в измене.

И Первое ополчение тотчас рассыпалось на многочисленные банды грабителей и убийц.

Но, судя по дальнейшим событиям, связанным с воцарением Романовых, Ляпуновы, как и Трубецкие, не были забыты правительством.

В 1623 году Мария Григорьевна Ляпунова, племянница вождей Смутного времени Прокопия и Захария, была выдана замуж за астраханского царевича. Она была дочерью Григория Петровича Ляпунова и Алены, дочери Булгака (Анисима) Андреева Таптыкова, происходившего из старинного рода рязанских бояр Таптыковых. Сестрой Алены и была та самая Мария, которая была замужем за Тимофеем Васильевичем Грязновым, прадедушкой царя Михаила Федоровича Романова.

В отношении заключения этого брака есть несколько важных особенностей, на которые обращают наше внимание историки: «Во-первых, невесты подбирались царями или в некоторых случаях, быть может, одобрялись ими. Во-вторых, невесты в большинстве случаев происходили из семей старинной первостепенной московской знати. Исключение составляет Мария Ляпунова. Ляпуновы относились к крепким рязанским родам и набрали силу благодаря событиям Смутного времени. В-третьих, невесты по преимуществу происходили из вымирающих родовых ветвей. Из общего ряда выбивалась только Мария Ляпунова»

Спрашивается, почему же Ляпунова стала исключением из общего правила?

Сохранилась роспись выдачи одежды, еды и питья из казны на бракосочетание царевича. Эта дача беспрецедентна для Чингисидов в XVII столетии, хотя, по-видимому, обычна для XVI в. Помимо подмоги в размере годового оклада (250 руб.) молодым дали одежды и ювелирных украшений (серьги и ожерелья, в том числе и немецкой работы) более чем на 650 руб. <…> нижнее белье из царских мастерских, шитое золотом и серебром, более

чем 100 ведер питья (питьевые меды, водка, привозные вина), а также иные продукты, пряности и экзотические фрукты [РГАДА, ф. 134, оп. 1, 1630 г., д. 1, л. 41–49]. Всего более чем на 2000 рублей.

Сохранился и свадебный разряд. В отцовом месте у жениха был боярин Федор Иванович Шереметев, в материнском — вдова Юрия Григорьевича Пилемова, Анастасия. В отцовом месте у невесты указали присутствовать окольничему Федору Леонтьевичу Ворону Бутурлину. Тысяцким был Иван Петрович Шереметев.

С Шереметевыми понятно – Михаил Михайлович Кайбулин был сыном астраханского царевича Михаила Кайбуловича и дочери Ивана Васильевича Большого Шереметева, погибшего в период политических репрессий, — Агафьи Ивановны, а ее сестра была выдана царем замуж за князя Василия Агишевича Тюменского. Их двоюродная сестра, Елена Ивановна, дочь Ивана Васильевича Меньшого Шереметева, была замужем за сыном Ивана Грозного Ивана Ивановича и осталась вдовой. «Наконец, Фёдор Иванович Шереметев оказывался царским родственником сразу по четырем линиям. Его сестра, Елена Ивановна Шереметева, была последней женой царевича Ивана Ивановича, старшего брата царя Фёдора. Двоюродный брат, князь Иван Фёдорович Троекуров, был женат на Анне Никитичне Романовой, еще одной сестре патриарха Филарета, т. е. двоюродной сестре царя Фёдора. И, наконец, сам Фёдор Иванович первым браком был женат на княжне Ирине Борисовне Черкасской (ум. в 1616 г.), дочери князя Бориса Камбулатовича Черкасского и Марфы Никитичны Романовой, также сестры патриарха Филарета. Следовательно, жена Фёдора Ивановича Шереметева по матери была двоюродной сестрой Михаила Фёдоровича Романова. Князь же Борис Камбулатович Черкасский – это двоюродный брат царицы Марии Темрюковны, а значит, одновременно жена Фёдора Ивановича Шереметева была троюродной сестрой Симеона Бекбулатовича. Напомню, что именно Шереметев возглавил посольство Земского собора в Костромской уезд с приглашением Михаила Фёдоровича на престол».

Но за какие же заслуги столь высоко вознес Михаил Романов (а точнее вернувшийся из польского «плена» ЕГО ОТЕЦ ГОСУДАРЬ-ПАТРИАРХ Филарет) Марию Григорьевну Ляпунову?

Безусловно, только за заслуги, оказанные кромешниками ее дядьями, погибшими в Смуту, – Прокопием и Захарием, не забытыми царем.

И не случаен в роли отца невесты окольничий Бутурлин – именно он встречал в 1619 году в Звенигороде возвращающегося из Польши нового правителя России Филарета Романова, а в 1604 году воеводой Рязани был его родственник Ефим Варфоломеевич Бутурлин (это его брат Степан Варфоломеевич упоминается в синодике опальных), — и, по всей видимости, именно он вместе с Ляпуновыми готовил встречу «человека Романовых и Черкасских» — первого русского Самозванца.

«Трагичной в Смутное время была судьба окольничего Ивана Ивановича Годунова (троюродного племянника царя). Он попал в плен к Лжедмитрию II в 1610 г. и по приказу самозванца сброшен с башни, но остался жив. Годунова бросили в Оку, он сумел выплыть и ухватился за борт лодки. Тогда приверженец самозванца, Матвей (Михаил Матвеевич – С. В.) Бутурлин, отрубил ему руку, и Иван Иванович утонул на глазах у своей жены, Ирины Никитичны Романовой, родной сестры сосланных царем Борисом братьев Романовых».

В 1608 году стольник Михаил Бутурлин вместе с некоторыми другими дворянами и стольниками перешёл из Москвы в Тушино на службу к Лжедмитрию II. В Тушинском лагере М. М. Бутурлин ревностно служил самозванцу. В 1610 году, когда самозванец вынужден был бежать из Тушина в Калугу, помогал ему в этом, заставил калужан принять Лжедмитрия и даже лично умертвил местного воеводу Ивана Ивановича Годунова. В том же году по приказу Лжедмитрия II М. Бутурлин вместе с другим тушинским воеводой Игнатием Михневым

убил касимовского царя Ураз-Мухаммеда, обвиненного в измене самозванцу, за что впоследствии был убит князем Петром Урусовым и сам Лжедмитрий II. Летопись говорит, что «Михаила Бутурлина порази дух неприязненный лют зело, и пребысть тако до кончины своея».

При Романовых он окольничий и воевода, в 1622 году – воевода Рязани. Потомства не оставил.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Боярин, а впоследствии и дворецкий царя Василия Шуйского Иван Федорович Крюк Колычев в соответствии с тем, что наука растиражировала список «опричников», датированный 1573 годом, теперь твердо относится историками к опричникам. Они на веки вечные поставили ему это клеймо.

В «Русском биографическом словаре» сообщается следующее: «Колычев-Крюк, Иван Федорович, боярин и воевода, казнен в 1608 г. В 1580 г. был воеводой в Старой Русе. В 1585 г. получил чин окольничего; в 1587 г., когда разыгралось столкновение Б. Годунова с Шуйским, окончившееся торжеством первого, был заключен в тюрьму в Нижний Новгород. В царствование Годунова был не у дел; Лже-Димитрий вызвал его в Москву; Василий Шуйский сделал его воеводой; Колычев начальствовал частью войска кн. Скопина-Шуйского в битве с полчищами Болотникова, в декабре 1606 г.; после нее Колычев получил сан боярина и звание дворецкого. 10 октября 1607 г. он взял Тулу и захватил в плен Болотникова и самозванца Илейку. В следующем году явился донос на него, будто он составил заговор убить царя Василия. Колычев был допрашиваем, пытан и, хотя, по-видимому, заговор не был доказан, боярин был казнен на лобном месте.

Карамзин, т. IX, XI, XII; Соловьев, книга II; «Боярский род Колычевых», 133—141.».

О военных заслугах Ивана Федоровича не преминул написать и сам Н. Карамзин: «10 Октября Боярин Колычев, вступив в Тулу с воинами Московскими, взял подлейшего из злодеев, Илейку. Болотников явился с головы до ног вооруженный, пред шатрами Царскими, сошел с коня, обнажил саблю, положил ее себе на шею, пал ниц и сказал Василию: «Я исполнил обет свой: служил верно

Болотниковъ передъ царемъ Василіемъ Шуйскимъ.

тому, кто называл себя Димитрием в Сендомире: обманщик или Царь истинный, не знаю; но он выдал меня. Теперь я в твоей власти: вот сабля, если хочешь головы моей; когда же оставишь мне жизнь, то умру в твоей службе, усерднейшим из рабов верных». Он угадывал, кажется, свою долю. Миловать таких злодеев есть преступление; но Василий обещал, и не хотел явно нарушить слова: Болотникова, Шаховского и других начальников мятежа отправили, вслед за скованным Илейкою, в Москву с приставами; а Князя Телятевского, знатнейшего и тем виновнейшего изменника, из уважения к его именитым родственникам, не лишили ни свободы, ни Боярства, к посрамлению сего Вельможного достоинства и к соблазну государственному: слабость бесстыдная, вреднейшая жестокости!

Но общая радость все прикрывала. Взятие Тулы праздновали как завоевание Казанского Царства или Смоленского Княжества; и желая, чтобы сия радость была еще искреннее для войска утомленного, Царь дал ему отдых: уволили Дворян и Детей Боярских в их поместья, сведав, что Лжедимитрий, испуганный судьбою Лжепетра, ушел назад к Трубчевску. Вопреки опыту презирая нового злодея России, Василий не спешил ис-

требить его; послал только легкие дружины к Брянску, а конницу Черемисскую и Татарскую в Северскую землю для грабежа и казни виновных ее жителей; не хотел ждать, чтобы сдалася Калуга, где еще держались клевреты Болотникова с Атаманом Скотницким: велел осаждать ее малочисленной рати и возвратился в столицу. Москва встретила его как победителя. Он въезжал с необыкновенною пышностию, с двумя тысячами нарядных всадников, в богатой колеснице, на прекрасных белых конях; умиленно слушал речь Патриарха, видел знаки народного усердия и казался счастливым! Три дни славили в храмах милость Божию к России; пять дней молился Василий в Лавре Св. Сергия, и заключил церковное торжество действием государственного правосудия: злодея Илейку повесили на Серпуховской дороге, близ Данилова монастыря. Болотникова, Атамана Федора Нагибу и строптивейших мятежников отвезли в Каргополь и тайно утопили. Шаховского сослали в каменную пустыню Кубенского озера, а вероломных Немцев, взятых в Туле, числом 52, и с ними медика Фидлера, в Сибирь. Всех других пленников оставили без наказания и свободными. Калуга, Козельск еще противились; вся южная Россия, от Десны до устья Волги, за исключением немногих городов, признавали Царем своим мнимого Димитрия: сей злодей, отступив, ждал времени и новых сил, чтобы идти вперед, — а Москва, утомленная тревогами, наслаждалась тишиною, после ужасной грозы и пред ужаснейшею! Испытав ум, твердость Царя и собственное мужество, верные Россияне думали, что главное сделано; хотели временного успокоения и надеялись легко довершить остальное».

Что нам еще известно из других источников?

«В 1605 году Лжедмитрий I вызвал его к царскому двору в Москву.

В 1606 году новый царь Василий Иванович Шуйский назначил Ивана Фёдоровича Крюка Колычева полковым воеводой. Под командованием талантливого военачальника князя Михаила Васильевича Скопи-

на-Шуйского сражался против болотниковцев. В декабре 1606 года был пожалован в бояре и дворецкие.

Осенью 1607 года боярин Иван Фёдорович Крюк Колычев участвовал в осаде и взятии царской армией Тулы, где были взяты в плен повстанческие вожди Иван Болотников и Лжепетр.

В 1608 году дворецкий Иван Федорович Крюк Колычев был вторым дружкой на свадьбе царя с Марией, в том же году был обвинен в организации заговора против царя Василия Шуйского. По доносу его арестовали, допрашивали и пытали. По царскому приказу И. Ф. Крюк Колычев был казнен в 1609 году на Лобном месте в Москве».

Два его брата — Андрей и Захарий Фёдоровичи Колычевы — погибли во время Московского осадного сидения.

Женой Ивана Федоровича была княжна Анна Андреевна Голицына (ум. 1653), дочь князя Андрея Ивановича Скурихи Голицына (ум. 1607), сестра которого была замужем за Александром Никитичем Романовым (брак этот был коротким, она умерла в 1597 году, и бездетным).

И не эта ли родовая связь оказалась для Колычева Крюка роковой?

«После убийства самозванца в Москве наступило безвластие. Теперь на престол могли претендовать десятки князей Рюриковичей и Гедеминовичей. Формально главными претендентами были бояре Василий Шуйский, Федор Мстиславский и Василий Голицын. Последние двое были потомками литовского князя Гедемина. Дед Федора Ивановича Мстиславского князь Федор Михайлович Мстиславский переселился в Москву из Литвы в 1526 г. и стал боярином Василия III.

Предки Василия Васильевича Голицына служили еще Дмитрию Донскому. Фамилию роду дал Михаил Иванович Булгаков-Голица, боярин Василия III. Любопытный момент – все три претендента на престол не имели мужского потомства или их дети умерли в младенчестве.

Романовы, естественно, тоже рвались к власти, но их положение было сложным.

Во-первых, героями восстания против самозванца были Василий Шуйский и Василий Голицын, а не Романовы. Иван Никитич Романов подъехал к Кремлю лишь через два часа после убийства Отрепьева и присоединился к победителям, а Филарет весь день 17 мая из дома носа не показывал и никого не принимал.

Во-вторых, Федор Никитич Романов был монахом Филаретом и по церковным и светским законам не мог занять престол. Конечно, можно было объявить акт пострижения насильственным и фиктивным, но народ бы этого не понял и вряд ли захотел менять расстригу Гришку на расстригу Филарета. Михаилу же Федоровичу, хоть он и числился стольником, было только 10 лет от роду.

Наиболее подходящим кандидатом на московский престол из всего клана Романовых был Иван Никитич, произведенный в 1605 г. в бояре Отрепьевым. Однако Иван Никитич не пользовался особой популярностью ни в среде знати, ни среди простых людей. Мало того, сам Филарет был против передачи престола брату Ивану. Так что в мае 1606 г. у клана Романовых шансов на престол было очень мало» (А. Широкорад).

Но эти шансы были (и оставались впоследствии) у князей Голицыных… И Шуйский понимал, что опасность для него исходит не только от «воровского патриарха» Филарета… но и от семьи Голицыных, с которой породнился и Крюк Колычев.

Эту версию рассматривал и Р. Скрынников:

«От любви до ненависти, как известно, всего один шаг: ««Дворецкого Ивана Крюка Колычева погубил донос чашника Василия Бутурлина. На протяжении двух десятилетий Колычев был едва ли не самым верным сторонником Шуйских. По словам Исаака Массы, в народе Крюк пользовался большим уважением. Заговор угрожал жизни монарха, и тот не пощадил прежнего любимца. Воеводу вывели на Пожар и казнили.

Заговор был обезглавлен, но сообщники Крюка не отказались от своих намерений. 6 мая Сапега получил весть о новых волнениях в Москве. Тотчас после этого в Тушино бежал молодой подьячий Чубаров, служивший

в Судном приказе. Он сам знал немного и не мог ответить на простейшие вопросы, заданные ему в Тушине. Однако перед побегом Чубаров имел беседу с участником заговора сыном боярским Саввой Таракановым. Этот человек, видимо, и послал молодого подьячего к «вору» с важными вестями.

Савва поведал Чубарову, что «из их думы» казнен Колычев, который был на пытке, но «ни на кого из них не говорил, потому одного и казнили»; «и оне же своим старым заговорам умышляют и хотят его (царя Василия. — *Р. С.*) убить на Вознесенье в день из самопала». Итак, уцелевшие участники заговора отложили покушение на последнюю декаду мая. Тараканов подтвердил, что в заговоре с Колычевым состояли бояре, дворяне и посадские торговые люди.

Секретари Сигизмунда III в январе 1610 г. записали в Дневнике: «…в самой Москве русским стало ненавистно правление Шуйского. Множество бояр, а мир чуть ли не весь, хотели иметь князем Голицына, пока не узнали о нашествии короля». <…> По всей вероятности, именно Голицын был главным сообщником Колычева. Крюк был женат на княжне А. А. Голицыной. Не Голицыну ли заговорщики намеревались передать корону?

Василий Голицын отличался честолюбием и неуемной энергией. «Это весьма беспокойная голова, — писал о нем современник, — нрав тиранский, сердце изменническое, а жизнь дурная, безбожная. Он хотел бы поскорее видеть себя царем». Шуйский не стал распутывать клубок измены, так как не хотел множить раздоры с боярами» (Р. Скрынников. Три Лжедмитрия).

Сын Крюка – Дмитрий Иванович Колычев – был одним из немногих в их боярском роду, кто стал на какое-то время его продолжателем. Для нас именно эта линия рода наиболее важна, так как Иван Федорович Крюк Колычев является (по одной из генеалогических версий) прадедом камчатского ссыльного Василия Ивановича Колычева.

Родовая цепочка такая: Иван Федорович — его сын Дмитрий Иванович, у которого два сына — Иван Дмитриевич и Михаил Дмитриевич.

Женой Михаила Дмитриевича была Анна Неустроева-Секирина.

Сын Михаила Дмитриевича — Иван Михайлович — и его жена княгиня Мавра Григорьевна Долгорукова («мамка» царя Петра») были родителями Василия Ивановича Колычева, который, в свою очередь, женился на «мамке» царевича Алексея княгине Прасковье Лыковой-Оболенской-Нарышкиной.

Поэтому мы более подробно попытаемся понять, что же произошло с Иваном Федоровичем и кому он на самом деле служил верой и правдой?

Мы оставили Колычевых в 1570-х годах, когда они — около двух десятков человек — делали успешную карьеру при царском дворе, будучи, согласно официальным источникам, самыми надежными и близкими людьми царя.

Но впоследствии сведения о них постепенно угасают. И исчезают вовсе.

По сути дела, самой яркой звездой рода – первой величины – был в то время только Иван Федорович Крюк Колычев.

Как показало будущее, взорвавшееся Великой Смутой, в стране после Опричнины политическое равновесие устанавливалось с большим трудом. В связи с гибелью крупнейших политических деятелей Земщины на смену им пришли представители более молодых родовых кланов, которые начали устанавливать новые политические союзы. Не дремали и кромешники…

Новый резкий политический перелом произошел в 1584 году и снова был связан с династическим кризисом. На этот раз претендентами на престол выступали две конкурирующие партии, связывающие свои ближние интересы с воцарением либо Федора Иоанновича (слабоумный по отзывам иностранцев, и «святой благоверный Феодор I Иоаннович, царь Московский» или Федор Блаженный по оценкам соотечественников), либо малолетнего царевича Дмитрия.

За избрание царем Федора Иоанновича стояла партия его ближайших родственников – дяди Никиты Рома-

новича Юрьева и шурина Бориса Федоровича Годунова, которые даже породнились ради такого случая – дочь Никиты Романовича Ирина вышла замуж за внучатого племянника Годунова Ивана Ивановича. Своим общим родством (через дочерей Малюты Скуратова!) они были связаны и с Шуйскими.

За кандидатуру царевича Дмитрия выступал другой их родственник -- фаворит царя Ивана Грозного Богдан Яковлевич Бельский (племянник Малюты Скуратова), которому будто бы поручил в опеку своего сына сам Грозный. На его стороне, естественно, была и вся родня царевича Дмитрия по его матери – Нагие.

Но царевич Дмитрий (если придерживаться традиционной истории) считался незаконным претендентом на русский трон, так как он был рожден в результате восьмого брака, а православная церковь считала таких детей незаконнорожденными.

В тот год союз объединенных политических сил Романова-Годунова-Шуйского был более разворотлив: «Иван Грозный скончался вечером 18 марта 1584 года, а уже ночью Дума выслала из Москвы многих «услужников Иоанновой лютости», других арестовали, к родственникам царицы Марии Нагой приставили стражу…».

Нагие тотчас после смерти Ивана Грозного получили опричный удел в Угличе и были высланы из столицы.

Богдан Бельский, попытавшийся самолично распорядиться судьбой трона, был сослан в Нижний Новгород.

31 мая 1584 года Федор Иоаннович был венчан на царство.

И сразу же началась борьба за влияние на царя.

Борис Федорович – как шурин царя, при царском венчании 31 мая 1584 г. был осыпан милостями: он получил знатный чин конюшего, звание ближнего великого боярина и наместника царств Казанского и Астраханского, земли по р. Волге, луга на берегах р. Москвы, а также разные казенные сборы.

А Главой Боярской думы стал Никита Романович Юрьев-Романов, но он был уже стар, немощен и болен и поэтому, взяв клятву с Годунова быть в «завещательном

союзе дружбы», вверил попечению Бориса своих детей, а затем его «хватил удар», и он скончался в 1586 году.

Но Орден кромешников – семейный союз Радши-Бяконта-Кобылы, — как показали события Великой Смуты, не распался со смертью Никиты Романовича, а продолжал действовать и расставлять своих людей на важнейших государственных постах. И если уходили в опалу одни кромешники, их место у трона занимали другие – благо Орден снова «свил свое гнездо» непосредственно у самого трона.

Смерть Никиты Романова, конечно же, очень серьезно ослабила ключевые позиции Ордена, поскольку престолоблюститель Борис Годунов не желал выпускать бразды правления из своих рук и делиться властью.

Как сообщает Руслан Скрынников, в регентский совет при Федоре Иоанновиче вошли бояре князь Иван Фёдорович Мстиславский, князь Иван Петрович Шуйский, Богдан Яковлевич Бельский, казначей Пётр Иванович Головин и дьяк Андрей Яковлевич Щелкалов, ведавший Посольским приказом.

Старейшие из Рюриковичей, князья Шуйские с боярами своей партии (в которую и вошли, вероятно, в союзе с Голицыными, Колычевы) задумали изменить политическую картину в свою пользу.

Но у старого и больного Романова были, по всей видимости, не только договоренности о судьбе его детей, но и сам Романов, в свою очередь, используя возможности Ордена, гарантировал Годунову поддержку кромешников (и мы действительно видим бывших опричников в окружении Годунова).

Удивительно, как события 1585 года напоминают первые дни Опричнины.

Первый удар соправители нанесут по клану казначеев Головиных.

Точно так же, как это сделали Захарьины в самом начале Опричнины.

Вспомним, что первой женой Никиты Романовича Юрьева, которая умерла в 1552 году, была дочь царского казначея Ивана Дмитриевича Ховрина (из рода Хов-

риных-Головиных) — Варвара Ивановна, мать старшего из сыновей Никиты Романовича — Федора Никитича, будущего государя-патриарха всея Руси Филарета, отца первого из царей Романовых Михаила Федоровича.

А второй его женой была княжна Евдокия Александровна Горбатая- Шуйская, дочь и сестра казненных Орденом кромешников последних из рода князей Горбатых-Шуйских — знаменитого полководца Александра Борисовича и его сына Петра.

Но и это еще не все — матерью самой Евдокии Александровны была Анастасия Петровна Головина, братья которой, казначей Петр Петрович и Михаил Петрович Меньший Головины, были казнены вместе с Горбатыми-Шуйскими в 1565 году.

Но и это еще не все: Головины, с которыми расправились уже Годуновы-Романовы, также — через Малюту Скуратова! — были в общем родстве: Зиновия Григорьевна Скуратова-Бельская была женой стольника и воеводы Никиты Ивановича Головина (1584 – 6.9.1669) (Казанский П. Родословная Головиных, владельцев с. Новоспасского. 1847 г.).

Именно два этих родства — с Головиными и Шуйскими, которые играли в Земщине первенствующую роль, — некогда спасли Никиту Романовича и его детей от расправы 24 мая 1571 года.

От этих двух браков у Романова было десять детей — пять сыновей и пять дочерей.

Но кромешники, как известно, не считались с родством — они его только использовали в интересах Ордена…

Чем же на этот раз не угодили Головины Ордену?

Наверное, в первую очередь, своим происхождением: Ховрины-Головины происходили от византийского императорского дома Комнинов, младшая ветвь которого правила в Крыму, а затем перебралась в Великое княжество Московское.

Кромешники Захарьины-Романовы, напитывавшись чужой родословной кровью, впоследствии устраняли своих возможных политических конкурентов – и Рю-

риковичей (Горбатых-Шуйских), и Комнинов (Ховриных-Головиных)...

«В конце правления царя Ивана Грозного Пётр Иванович Головин являлся главным казначеем и входил в состав Боярской думы. После смерти Ивана Грозного (18 марта 1584) стал одним из лидером Боярской думы и членом опекунского совета при царе Фёдоре Иоанновиче.

Обычно царской казной владели два лица, контролировавшие друг друга. Петр Иванович Головин добился, чтобы вторым казначеем был назначен его двоюродный брат — Владимир Васильевич Головин. Казенный приказ стал «вотчиной» сторонников группировки князей И. Ф. Мстиславского и И. П. Шуйского, они стали распоряжаться казной совершенно бесконтрольно.

Располагая поддержкой регентов князей Ивана Фёдоровича Мстиславского и Ивана Петровича Шуйского, П. И. Головин добился изгнания из правительства бывших опричников. С Борисом Фёдоровичем Годуновым (также бывшим опричником), имевшем в то время большой вес при дворе из-за своего родства с царём, казначей Пётр Головин обращался дерзко и неуважительно.

В Пискаревском летописце имеется сообщение «о разделении <…> в боярех». Поводом к конфликту послужил местнический спор между П. И. Головиным и бывшим любимцем Ивана Грозного, оружничим Богданом Яковлевичем Бельским. На стороне Головина, согласно летописи, выступили Мстиславские, Шуйские, Голицыны, Романовы и Шереметевы. Богдана Бельского поддержали Годуновы, Трубецкие и дьяки Щелкаловы. Человек большой храбрости, П. И. Головин не побоялся бросить вызов Бельскому и, выиграв спор, стал ждать случая, чтобы посчитаться и с Борисом Годуновым. Тогда Борис решил нанести упреждающий удар. По его требованию Боярская дума постановила провести ревизию царской казны.

В декабре 1584 года проверка наличности обнаружила столь большие хищения, что боярский суд вынужден был приговорить казначея П. И. Головина к смерти. Борис Годунов понимал, однако, что кровавая расправа не

принесет ему популярности. И потому, когда Головина возвели на Лобное место, и палач, сорвав с него одежды, уже занес над ним топор, Борис отменил казнь. Головину объявили помилование и сослали в начале 1585 года в Арзамас. Охранять опального П. И. Головина было поручено приставу И. В. Воейкову, бывшему опричнику и любимцу Б. Ф. Годунова, который, по слухам, и умертвил Петра Ивановича Головина по дороге в ссылку. Потомства не оставил. Его младший брат, воевода Михаил Головин, в 1584 году бежал в Литву».

А далее события развивались следующим образом, согласно версии Р. Г. Скрынникова:

«Осенью 1585 г., — читаем у Руслана Скрынникова в его книге «1612 год», — Годунов обратился с тайным ходатайством к английскому двору. Он просил в случае беды предоставить его семье убежище в Англии.

Шуйские добились устранения Бельского, и теперь наступила очередь другого опричного временщика — Годунова. Планы бегства за рубеж свидетельствуют о том, что Борис утратил поддержку Боярской думы.

Кризис власти вновь выдвинул бояр Шуйских на политическую авансцену, как это случилось после смерти Василия III. Князь Василий и его родня как никогда были близки к тому, чтобы захватить власть в государстве. Боярская дума была на их стороне.

По словам летописца, бояре «разделяхуся надвое: Борис Федорович Годунов с дядьями и з братьями, к нему же приставша и иные бояре и дьяки, и думные, и служивые многие люди; з другую же сторону князь Иван Федорович Мстиславский, а с ним Шуйские, и Воротынские, и Головины, и Колычевы, и иные служивые люди, и чернь московская». Против Годунова объединились старшие бояре думы, многие дворяне и дети боярские, приказные чины и столичный народ — «чернь».

Летописец не упомянул о Романовых. После отставки регента Бельского большим влиянием при дворе Федора стал пользоваться его дядя, боярин Никита Романов. Знатностью Романовы далеко превосходили Годуновых, но в глазах Рюриковичей Шуйских и Гедиминовичей

Мстиславских они были худородными выскочками. Аристократическая реакция грозила покончить с высоким положением этой семьи. Неудивительно, что Романову пришлось искать поддержки у «дворовых» бояр Годуновых. Родня Федора должна была объединиться перед лицом общей опасности. Благодаря Романову Борис Годунов получил по случаю царской коронации высший боярский чин конюшего и вошел в опекунский совет.

Однако Никита Романович вскоре тяжело заболел. Положение Годунова осложнилось.

Казначей Петр Головин добился устранения Бельского. Его подвиг был вознагражден. При коронации Федора он нес перед царем шапку Мономаха. Чувствуя поддержку думы, Головин стал обращаться с царским шурином Борисом дерзко и неуважительно. Если бы Головин затеял местническую тяжбу с Годуновым, он выиграл бы ее.

Интрига встревожила Бориса, и он решил нанести упреждающий удар. Ему удалось добиться решения о ревизии казны. Проверка обнаружила столь большие хищения, что боярский суд приговорил Головина к смерти. Казнь была отменена в самый последний момент.

Распри в Кремле множились день ото дня. В былые времена Грозный неоднократно принуждал главу думы Мстиславского к публичным покаяниям. При Федоре на его голову посыпались новые обвинения. Главный боярин якобы поддался уговорам Шуйских и замыслил призвать Годунова в свой дом на пир и там убить.

Конечно, Мстиславский и Шуйский имели возможность бороться с Борисом, не составляя заговора.

В Боярской думе зрели планы развода царицы Ирины с государем, и в качестве царской невесты называли дочь Мстиславского. Посольский приказ выступил со специальным заявлением о том, что девица Мстиславская выдана замуж за князя Василия Черкасского. В русской дипломатической практике разъяснения по поводу браков в боярской среде были случаем из ряда вон выходящим. Дело было в том, что девица Мстиславская метила в жены царю.

Окружение царя Федора усмотрело в действиях главы думы измену и предложило ему подать в отставку и уйти в монастырь. Иван Мстиславский доводился государю троюродным братом, и ссора была улажена чисто семейными средствами. Первый боярин думы был принужден сложить регентские полномочия и постричься в монахи в далеком Кирилло-Белозерском монастыре. Согласие боярина на изгнание избавило от опалы членов его семьи.

Каждый шаг Годунова приближал торжество Шуйских. Тяжелая болезнь Никиты Романова и отставка Мстиславского подкрепили их уверенность в том, что они господа положения.

В глазах князя Василия Шуйского отъезд Бориса и его семьи в Лондон представлялся лучшим выходом из создавшегося положения.

Думская оппозиция чувствовала себя достаточно сильной, чтобы действовать открыто. Ее ходатайство преследовало верноподданнические цели: бояре старались не допустить пресечения законной династии и следовали воле Грозного. Члены собора строго придерживались московских традиций, согласно которым бесплодие жены считалось достаточной причиной для развода. Под таким предлогом Василий III отправил в монастырь жену Соломониду Сабурову. Иван IV постриг двух своих жен по той же причине.

Последовавшие за демаршем репрессии позволяют установить круг лиц, участвовавших в соборном постановлении. То были бояре Иван Петрович Шуйский, Василий, Андрей и Дмитрий Шуйские, Василий Скопин-Шуйский, боярин князь Петр Татев-Стародубский, боярин Федор Шереметев, воевода Иван Крюк-Колычев. Шведский агент Петрей упомянул о том, что бояре выбрали «сестру князя Флора Ивановича Мстиславского, родственницу великого князя, самого знатного рода в стране, и хотели ее выдать замуж» за царя Федора. Позиция главы думы имела существенное значение.

Записки английского посла Джильса Флетчера дают полное представление о первых лицах думы. О Федоре

Мстиславском и Василии Скопине посол дал убийственный отзыв. Они «более знатны родом, нежели замечательны по уму, и потому, сколько можно судить, назначены (в Боярскую думу) больше для того, чтобы <…> делать честь своим присутствием, нежели для советов».

Скупой на похвалы, Флетчер выделил среди членов думы князей Василия и Андрея Шуйских. Первый «почитается умнее своих прочих однофамильцев», второй «почитался за человека чрезвычайно умного». Высокой оценки удостоился также Иван Петрович Шуйский, «человек с большими достоинствами и заслугами». Трое бояр Шуйских, по-видимому, и были вдохновителями интриги.

Хотя оппозиция действовала обдуманно, она тем не менее допустила роковой промах, сбросив со счетов слабоумного царя. Федор давно подчинился авторитету умной Ирины Годуновой и цепко держался за свою семью. Ходатайство чинов было отвергнуто. В молодости Федора угнетал страх перед отцовскими побоями. Но даже своенравному деспоту-отцу не удалось принудить безвольного сына к разводу. Еще меньше шансов на успех имели бояре и митрополит, предпринявшие попытку вмешаться в его семейную жизнь.

Сослав Шуйских в деревню, Борис приказал следить за каждым их шагом. Регент Иван Петрович Шуйский из Кинешмы был переведен в суздальскую вотчину — село Лопатниче. Не позднее весны 1587 г. боярин ездил к вдове царевича Ивана Ивановича в Покровский монастырь в Суздале. Вскоре старица посетила Шуйского в Лопатниче.

Борис заподозрил неладное и отрядил в Суздаль бывших опричников — боярина князя Дмитрия Хворостинина и казначея Дмитрия Черемисинова. Они провели розыск в монастыре. Вслед за тем в село прибыл князь Иван Туренин, родня и доверенное лицо правителя. Он арестовал боярина и под охраной отвез на Белоозеро. В Кирилло-Белозерском монастыре регента насильно постригли в монахи. Монастырь стал местом одновре-

менного заточения двух главных душеприказчиков Грозного — Мстиславского и Шуйского.

Старец Иов Шуйский недолго жил в глухой северной обители. В конце 1588 г. по всей стране прошла молва о его смерти. Англичане Джильс Флетчер и Джером Горсей, летописцы московские и псковские упомянули о том, что «великий боярин» был убит по приказу Бориса. Но кто может сказать, записали ли они достоверные сведения или клеветнические слухи? Рассеять сомнения помогают подлинные документы, найденные в фондах Кирилло-Белозерского монастыря.

На страницах монастырских вкладных книг кирилловские монахи записали, что 12 ноября 1588 г. в их обитель прибыл пристав князь Туренин, а 28 ноября этот пристав внес большое денежное пожертвование на помин души князя Ивана Шуйского. «А корм на преставление его (князя Шуйского. — *Р. С* .), — отметили старцы, — ноября в 16 день». Очевидно, Туренин не мог пожертвовать деньги на опального без прямого царского повеления. Чтобы снестись с Москвой, ему нужен был самое малое месяц. Следовательно, распоряжение из столицы он не мог получить раньше середины декабря. Как же случилось, что Туренин «упокоил» душу опального в ноябре, на 12-й день после его кончины? Неизбежно предположение, что правитель поручил Туренину не только привезти Шуйского на Белоозеро, но и убить его.

По словам псковского летописца, Борис «утуши сеном» бывшего опекуна. Аналогичные сведения сообщает англичанин Горсей. Боярина удушили «дымом от зажженного сырого сена и жнива». Самый способ казни свидетельствовал о том, что Борис старался убрать соперника без лишнего шума. В тех же целях был затеян маскарад с пострижением.

Казнь Шуйского можно назвать поистине «благочестивым» убийством. Московские государи перед кончиной обычно надевали иноческое платье. Не всем это удавалось. Грозный сподобился пострижения уже после того, как испустил дух. По понятиям людей того времени, «ангельский образ» облегчал потустороннюю жизнь.

Сколь бы критической ни казалась ситуация, убийство Шуйского было продиктовано не трезвым политическим расчетом, а чувством страха. Пострижение регента покончило с его светской карьерой, ибо в мир он мог вернуться лишь расстригой. По словам Горсея, все оплакивали знаменитого воеводу. Репутация Годунова была загублена окончательно. Отныне любую смерть, любую беду молва мгновенно приписывала его злой воле.

Признанным главой антигодуновского заговора был Андрей Шуйский, но его казнь была отсрочена на год. Согласно семейным преданиям, князя Андрея умертвили в тюрьме 8 июня 1589 г. Его палачом стал стрелецкий голова Смирной Маматов. Местом гибели боярина называют разные места, включая Буй-город, Каргополь и Самару. Дата смерти не поддается проверке.

Вместе с Шуйскими от гонений Годунова пострадали многие знатные лица. В качестве их главных сообщников летописи называют князей Татевых-Стародубских. Подобно Шуйским, Татевы принадлежали к суздальской знати. В самом начале розыска об измене Шуйских боярин Петр Татев принял постриг в Троице-Сергиевом монастыре (12 сентября 1586 г.). Князь Иван Андреевич Татев был сослан в Астрахань и заточен в тюрьму. Всего за месяц до пострижения Татева монашеский куколь надел думный дворянин Михаил Безнин, добившийся больших успехов по службе.

Наряду с Шуйскими гонениям подверглись семьи, принадлежавшие к первостатейной старомосковской знати, — Шереметевы и Колычевы. Известного воеводу Ивана Крюка-Колычева в опале увезли в Нижний Новгород и посадили в каменную тюрьму. Боярин Федор Шереметев побывал в польском плену и присягал там на верность Баторию. В 1588 г. он был послан с ратными людьми в Казань, а через год ушел в монастырь. Боярина обвиняли в том, что он «с князем Иваном Петровичем Шуйским государю царю Федору изменял».

Среди сообщников Шуйских источники называют дворян — Андрея Быкасова и князей Урусовых. По преданию, в связи с делом Шуйских попал в монастырь ро-

стовский сын боярский Аверкий (Авраамий) Палицын, знаменитый впоследствии писатель Смутного времени.

Московские власти многократно подчеркивали вину «торговых мужиков», которые «поворовали» и «не в свойское дело вступилися». Жестокое наказание «мужиков» объяснялось тем, что они располагали крупными капиталами и, по всей видимости, финансировали интригу Шуйских. Имеются основания полагать, что в числе опальных «мужиков» были не только столичные купцы, казненные «на Пожаре», но и богатейшие солепромышленники Строгановы.

…В свое время Иван Грозный в страхе перед боярской крамолой приказал перевезти сокровищницу в Вологду и вступил в переговоры с Лондоном о предоставлении ему и его семье убежища в Англии. Аналогичным образом поступил Борис Годунов в период острого конфликта с Шуйскими».

Казначея Петра Ивановича Головина убили в конце 1584 года. Исполнителем был кромешник: «***Воейков Иван Васильевич Меньшой***. Дворянин, служилый человек из захудалого боярского рода; выдвинулся в опричнину. Фаворит Бориса Годунова; в 1584 г. по его приказу убил отправленного в ссылку казначея П. И. Головина. Присягнул Отрепьеву. В мае 1606 г. участвовал в заговоре против Лжедмитрия и был одним из его убийц».

Затем наступила очередь земской оппозиции: в 1585 году был, как мы теперь знаем, насильственно пострижен в монахи в Кирилловом монастыре старый князь Иван Федорович Мстиславский, глава Земской Боярской думы во времена Опричнины (Иван Фёдорович Мстилавский был дважды женат. Его первой женой была княжна Ирина Александровна Горбатая (ум. 1566), дочь князя Александра Борисовича Горбатого-Шуйского, то есть он тоже был в родстве и с Головиными и с Романовыми. Вторично женился на княжне Анастасии Владимировне Воротынской, дочери князя Владимира Ивановича Воротынского, который также был в партии заговорщиков князей Шуйских-Головиных-Колычевых).

Историки пишут о том, что оппозиция якобы подала челобитную царю о разводе с бездетной царицей Ириной, сестрой Бориса Годунова, и вступлении в новый брак «царского ради чадородия» с дочерью князя Мстиславского.

Думаю, что это просто выдумки – с чего бы вдруг Шуйские, старшие из Рюриковичей, главные претенденты на трон в случае смерти бездетного царя Федора Иоанновича, опечалились бы его бездетностью?

Но вот что пишет Юрий Федосеев: «Душой и мозговым центром антигодуновской оппозиции стало семейство Шуйских, которых активно поддерживали посадские московские люди, недовольные протекционистскими действиями Бориса по отношению к английским купцам. Это не укрылось от всевидящего ока шпионов и доброжелателей Годунова, и он начал кампанию по вытеснению своих недругов из царского окружения. Попытка митрополита Дионисия примирить враждующие стороны не только не принесла успеха, а, наоборот, спровоцировала Годунова на откровенную расправу с некоторыми из своих противников. Тогда митрополит и князья Шуйские, Урусовы, Колычевы, Быкасовы вместе с купцами и частью воинских и гражданских чиновников, желая избавиться от властолюбивого правителя, решили лишить его сестриной поддержки и «бить челом» царю Федору о том, чтобы тот развелся с Ириной Годуновой, в связи с отсутствием наследника, и взял бы себе новую жену, которая будет в состоянии родить ему здоровое потомство. Узнав о заговоре, Борис с помощью своего красноречия смог уговорить митрополита, и тот отказался от инициирования бракоразводного процесса. Со своей стороны Годунов пообещал не мстить злоумышленникам. Однако уже через короткое время по ложному обвинению в измене все замешанные в истории «лучшие люди» были взяты под стражу. И хотя суд не получил веских доказательств их вины, все они подверглись опале — кто пострижен в монахи, кто посажен в тюрьму, а семерым купцам отсекли головы на площади. Возмущенный неправосудным решением, митрополит Дионисий в при-

сутствии царя обвинил правителя в тирании и клеветнических измышлениях, за что и поплатился — как его, так и крутицкого архиепископа Варлаама свели с кафедр и заточили по разным монастырям, а ранее сосланные князья Андрей Иванович и Иван Петрович Шуйские были задушены в своих кельях. Произошло это в 1588 году».

В книге «Россия накануне смутного времени» историк Руслан Скрынников уточняет: «Распря между соправителями ослабила правительство изнутри. Борис Годунов подвергся нападкам с двух сторон: против него выступили и бывшие опричники Нагие, и знать, близкая к Шуйским. Оказавшись в состоянии изоляции, Годунов прибегнул к репрессиям, которые свидетельствовали о слабости его позиции. По меткому замечанию В. О. Ключевского, современные летописцы верно понимали затруднительное положение Бориса и его сторонников при царе Федоре: оно побуждало бить, чтобы не быть побитым.

В обстановке нараставшего политического кризиса власти завершили розыск об измене Шуйских. Следствие вели с применением обычных в то время средств. Участников заговора брали на пыточный двор и допрашивали с пристрастием. Некоторые из арестованных дворян, убедившись, что дело их проиграно, поспешили сменить знамена. Федор Старой (вспомним Старых, казненных вместе с Умным-Колычевым – С. В.), служивший в свите Шуйских, подал донос на своих государей. Власти получили важные улики, изобличившие вождей оппозиции в изменнических связях с Речью Посполитой. Бояре Шуйские, сосланные в деревню, в 1587 г. оказались под стражей. Как значится в книгах Разрядного приказа, «того же году 95-го сослан в опале в Галич князь Василий Иванович Шуйский». Из записи следует, что приставами у опального боярина были А. В. Замыцкий (родственник опричников Пушкиных-Бутурлиных – С. В.) и галицкий судья князь М. Д. Львов (родственник князьям Троекуровым – С. В.). Оба дворянина внесены в список двора Федора (1588–1589 гг.). Против имени Замыцкого имеется помета «у Шуйских», против имени Львова – «у колодников, в Галич».

Более позднее «Сказание» свидетельствует, что Годунов перевел опальных Шуйских из их вотчин в темницы: князя Андрея – в Буй-город, князей Василия и Александра – в Галич, князей Дмитрия и Ивана – в село Шую. Список двора Федора подтверждает факт содержания Шуйских под стражей в трех местах. Так, в нем фигурируют трое дворян – А. В. Замыцкий, Ф. П. Чудинов-Окинфов (также, как и Замыцкий, из рода Ратши – С. В.) и И. Р. Вырубов (из семьи опричников – С. В.), служившие в конце 1588–1589 гг. приставами у опальных Шуйских.

«Из прочих братьев Шуйских также погиб в тюрьме князь Андрей Иванович, признанный глава антигодуновского заговора. Обстоятельства его смерти в точности не известны. Поздние летописцы в один голос говорят о насильственной смерти А. И. Шуйского, но местом ссылки боярина называют Каргополь, Самару и другие места, что ставит под сомнение их осведомленность. Есть сведения о том, что князь А. И. Шуйский был убит в темнице в Буй-городе приставом С. Маматовым 8 июня 1589 (7097) г. Последнее известие, однако, не поддается проверке.

Московские летописи четко очертили круг лиц, которые подверглись гонениям в связи с опалой Шуйских. К нему принадлежали князья Татевы (женой одного из которого была Марфа – дочь Ивана Юрьевича Голицына – С. В.), а также знатные дворяне Колычевы (Иван Федорович Крюк Колычев был женат на дочери Андрея Ивановича Голицына Скурихи, брата Марфы Ивановны – С. В.).

Видный воевода и боярин князь П. И. Татев-Стародубский занимал влиятельное положение в думе. Он постригся в монахи еще в сентябре 1586 г., т. е. до опалы Шуйских. Возможно, его пострижение было вынужденным. Сын боярина князь И. П. Татев был сослан в Астрахань в прямой связи с розыском об измене Шуйских. Соратник Шуйского И. Ф. Крюк-Колычев, один из лучших воевод конца Ливонской войны, попал в каменную тюрьму в Нижний Новгород. В связи с разоблачением заговора против Годуновых го-

нениям подверглись не только знатные бояре, но и многие дворяне средней руки, приказные чины и столичные торговые люди. «Сказание о Гришке Отрепьеве» повествует, что после расправы с Шуйскими Борис «**многих дворян и служилых людей, и приказных, и гостей, и воинских людей разослал в Поморские городы, и в Сибирь, и на Волгу, и на Терек, и в Перьм Великую в темницы и в пусты места**» (выделено мной – С. В.).

И снова исполнителем тайного приговора Ордена выступает, по всей видимости, кромешник нового поколения – из Оболенских: «Туренин Иван Самсонович — князь из черниговских Рюриковичей. В 1587 г. — пристав при князе Иване Петровиче Шуйском — герое обороны Пскова в годы Ливонской войны. На Белоозере, куда Шуйского отправили в ссылку, Туренин, очевидно, по указанию Годунова умертвил опального. В 1591 г. Иван Самсонович получил чин окольничего. Умер он в 1597 г., а вот его брат Михаил Самсонович отличился в Смуту. В 1607 г., получив от Шуйского боярство, занимался расспросами и пытками болотниковцев, взятых в плен при осаде Тулы. В 1610 г., будучи воеводой в Коломне, присягнул Лжедмитрию II и бежал в Тушинский лагерь. В 1611 г. Туренин-младший подписал приговор боярской думы о сдаче Смоленска польскому королю и о призвании на престол королевича Владислава» (М. И. Зарезин. В пучине Русской Смуты. Невыученные уроки истории).

Наши предположения о его связях с Орденом подтверждаются и брачными союзами этого княжеского дома: его дочь, Дарья Ивановна Туренина, была жена окольничего и воеводы Петра Фёдоровича Басманова, сына и внука главарей Ордена кромешников, убитого М. И. Татищевым при низложении ЛжеДмитрия I в 1606 году.

Для справки: Татищев Михаил Игнатьевич — одна из ярких фигур Смуты. Его отец Игнатий Петрович получил в опричнине чин думного дворянина. В 1589 г. Михаил Татищев вел расследование против бояр Шуйских, при этом, угождая Годунову, бесчестил Василия Шуйского — «даже и до рукобиения». За свои заслуги перед

Борисом Татищев получил чин ясельничего, а затем думного дворянина. Татищевы не остались в долгу и помогли взойти на трон Годунову. Татищев-старший (умер в 1604 г.) занял пост казначея. Михаил Татищев легко сошелся с Отрепьевым и даже считался любимцем первого Лжедмитрия, вошел в его Думу с чином окольничего. Правда, после какого-то инцидента был сослан в Вятку, но быстро вернулся, прощенный Отрепьевым. Не оценив широкого жеста, Татищев принял участие в заговоре Василия Шуйского. Он сыграл важную роль в свержении Отрепьева — именно Татищев убил Петра Басманова, до конца защищавшего расстригу, и, по свидетельству П. Петрея, первым ударил саблей своего благодетеля «императора Деметриуса». Воцарившийся Шуйский, наблюдая, как легко Татищев перебегает из одного лагеря в другой, счел за лучшее сослать его в Новгород. «… Михаил очень старался опять возвратиться из изгнания в царствующий город и прежним способом, некоторыми своими злоухищрениями, добиться приближения к царю», — писал о нем все тот же Тимофеев, который в то время служил в Новгороде. Татищев навлек на себя ненависть новгородцев поборами и притеснениями. Кончил Михаил Игнатьевич плохо — его растерзала толпа горожан, заподозривших (очевидно, небезосновательно) в измене Шуйскому» (Михаил Зарезин).

Вторая дочь Туренина — Гликерия Ивановна (ум. 1624) — была женой боярина и воеводы князя Ивана Семёновича Куракина, по поводу которого существует мнение, считающее его сначала единомышленником с Салтыковым, Филаретом Никитичем и князем Мстиславским, а потом отошедшим от «седмочисленных» бояр и соединившимся с «русскими мятежниками», упразднившими власть семибоярщины. Только он и Михаил Салтыков впоследствии официально признавались изменниками, служившими непосредственно королю Сигизмунду, пожелавшему покорить Московское государство и стать царем всея Руси.

Для справки: «Салтыков Михаил Глебович, ставший летом 1592 г. окольничьим, по предположению А. А. Зи-

мина, в конце 90-х годов был близок к Романовым, однако именно он руководил розыском о заговоре братьев Никитичей. Годунов оценил его рвение, и в 1601 г. мы уже видим его боярином. В качестве главы посольства он едет в Польшу. Несмотря на благоволение царя Бориса, М. Г. Салтыков перешел на сторону Самозванца, руководил розыском о заговоре против него Шуйского. Выслуживаясь перед Отрепьевым, Михаил Глебович и здесь извернулся, сойдясь с недавним своим подследственным — Шуйским. Василий, взойдя на трон, все же попомнил Салтыкову былые прегрешения, отправив того в Ивангород воеводой, где Михаил Глебович благополучно перешел на службу Тушинскому вору. Принимал участие в переговорах об избрании на царство королевича Владислава, затем поддерживал кандидатуру самого короля Сигизмунда. Один из немногих, кого правительство Михаила Романова официально признало изменником, жил в Польше, где и умер около 1618 г.» (Михаил Зарезин).

Еще одна из дочерей Туренина — Марья Ивановна — была женой князя Андрея Владимировича Кольцова-Мосальского, отец которого, победитель сибирского царя Кучума, получил боярство от ЛжеДмитрия I.

Как видим, брачные (политические) союзы очень четко обозначают политические ориентировки внутри родов.

Сделаем некоторые выводы.

Наш рассказ вновь, совершая исторический круг, возвращается к роду князей Патрикеевых — Хованских, Щенятьевых, Булгаковых, Голицыных и Куракиных. У Юрия Михайловича Булгакова-Голицы, земского боярина во времена Ивана Грозного, было двое сыновей — бояре Иван и Василий Голицыны.

Женой Василия Юрьевича Голицына была княжна Варвара (по другим данным — Софья, бывшая при Михаиле игуменьею Вознесенского Кремлевского монастыря, ум. 1624 г.) Сицкая — вдова казненного опричника Федора Алексеевича Басманова-Плещеева, от которого у нее был старшие сыновья — Петр и Иван Федоровичи Басмановы. А сводными его братьями соответственно

— Василий (1572 г. р.), Иван и Андрей. Вполне вероятно, как мы уже об этом говорили, именно этот брак княжны Варвары Сицкой с князем Василием Юрьевичем Голицыным спас жизнь ей и сыновьям 24 мая 1571 года.

Андрей Иванович Скуриха Голицын, тесть Крюка-Колычева, был двоюродным братом детей Василия Юрьевича, племянником княгини Сицкой-Голицыной.

У Ивана Юрьевича тоже было два сына — Андрей Скуриха (женат на Сабуровой) и Иван (женат на княжне Телятевской), оба погибнут в Смуту, в 1607 году, и дочери Елена (замужем за Григорием Михайловичем Аминевым), Марфа (за Степаном Александровичем Волоцким), Евдокия, которая была первой женой Александра Никитича Романова (умерла 1 августа 1597 г.), дяди будущего царя Михаила Федоровича Романова.

Андрей Скуриха войдет в историю Смуты как старец Дионисий, постригшийся в монахи в Иосифо-Волоколамском монастыре незадолго до Смутного времени: осенью 1606 года он возглавил оборону своей обители от отрядов Ивана Болотникова (в которые входили донские и дедиловские казаки): «Чтобы усыпить бдительность мятежных казачьих атаманов, старец радушно принял их в монастыре и одарил крупными денежными суммами. В другой раз Голицын пригласил предводителей отряда Солому и Шестова (Шестакова) и, „оманом перепоя“, велел их перебить. Взятые в плен „радные“ люди были отосланы позже в Москву. Повстанческий отряд, стоявший в Волоколамске, немедленно осадил монастырь. Но обитель имела мощную крепость. 18 ноября старцы раздали щедрую награду „монастырским людем, которые в казачей приход в монастыре в осаде сидели“». То есть это был настоящий патриот Отечества.

После него остались двое сыновей: Иван и Андрей, а также дочери: Анна — жена Ивана Федоровича Крюка-Колычева, Ирина и Федора. Последняя была впоследствии супругой князя Дмитрия Михайловича Пожарского – победителя Смуты и освободителя Отечества.

Старший брат Федоры Андреевны Пожарской — боярин царя Михаила Федоровича (23 февраля 1634 года)

князь Иван Андреевич Голицын, воевода новгородский, тульский (1624 г.), астраханский, главный судья владимирского Судного Приказа, умерший 30 августа 1655 г. в поместье своем — селе Ошуркове, Тверского уезда, от брака с княжною Софьей Андреевной оставил одну дочь Ульяну Андреевну, бывшую замужем за князем Алексеем Никитичем Одоевским (потомком Никиты Романовича Одоевского, брата Евдокии Романовны Старицкой, второй жены князя Владимира Андреевича).

То есть, как мы видим, родовые связи наших героев очень четко ориентируют нас в истории…

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Боярский род Колычевых действительно был погублен кромешниками. Если он и не был еще истреблен на корню количественно, то погублен был весь его цвет. За весь последующий период истории только двум представителям этого рода удалось подняться на прежний уровень, соответствующий их старомосковскому боярскому статусу.

Правда, и тут сплошные «непонятки», кто есть кто.

Согласно поколенной росписи бояр Колычевых, созданной князем Петром Владимировичем Долгоруковым, династия казненного Колычева Крюка обрывается вместе с его жизнью.

По другой родословной версии, которая основывается на наследственной собственности Колычевых села Ворсино (то есть подтверждена документально), у Ивана Федоровича Крюка Колычева был сын Дмитрий Иванович, у которого, в свою очередь были сыновья. О них и речь: «…село находилось во владении Ивана и Михаила Дмитриевичей Колычевых — «…они выкупили в 1637 году из Вознесенского монастыря родовую вотчину деда своего боярина Ивана Федоровича Колычева».

А в книге М. Л. Боде-Колычева «Боярский род Колычевых» перечислены владельцы Ворсина:

Андрей Федорович – убит в 1445 году;

Семен Андреевич – двоюродный брат Филиппа митрополита Московского;

Григорий Семенович – стольник Ивана Грозного, умер в 1592 году в опале, похоронен в церкви села Ворсино;

Алексей Меньший Григорьевич;

Иван Федорович Крюк-Колычев – боярин, воевал на стороне царя Шуйского против поляков;

Анна Колычева – вдова боярина, 1629 год;

Михаил Дмитриевич — 1646 год;

Иван Михайлович — 1678 год;

Иван Иванович;

Александр Иванович — 1744 год;

Лев Александрович — 1805 год, секунд-майор.

Михаил Дмитриевич – родной отец Ивана Михайловича Колычева и, соответственно, родной дедушка камчатского ссыльного Василия Ивановича Колычева.

Поколенная роспись рода Колычевых, опубликованная на форуме сайте Союза возрождения родословных традиций (https://forum.svrt.ru/topic/8399-колычёвы-и-боде-колычёвы/), хотя и выводит ветвь Ивана и Михаила Дмитриевичей от некоего Дмитрия Васильевича, служившего прежде по Костроме и погибшего в 1608 году во время Московского осадного сидения, тем не менее дает нам очень интересную информацию:

«274.244 Михаил Дмитриевич Колычев (ум. 1656), воевода в Рыльске и стольник при царе Михаиле Федоровиче
Жена Анна Неустроевна Секирина (ум. после 1658), дочь Неустроя Андреевича Секирина

275.244 Иван Дмитриевич Колычев Хромой (ум. 1653), воевода в Костроме и стольник при царе Михаиле Федоровиче

1-я жена княжна Ксения Борисовна Черкасская (ум. 1604), дочь князя Бориса Канбулатовича Черкасского и Марфы Никитичны Романовой, двоюродная сестра царя Михаила Федоровича

2-я жена Дарья Ивановна Язвицева, дочь Ивана Жука Язвецова, сестра Ивана Ивановича Язвецова, воеводы в Ливнах

3-я жена Авдотья Васильевна Рышкевич, в 1654 году вышла замуж за стольника Акинфиева».

И далее. Оказывается, Мавра Григорьевна Долгорукова была второй женой Ивана Михайловича:

«305.274 Иван Михайлович Колычев (ум. 1713), воевода в Вологде (1680), стольник и чашник при царе Алексее Михайловиче 1656, 1658, 1663, 1673, 1684
1-я жена (брак с до 1657) Анна Степановна Стрешнева (163? – ум. после 1661), дочь воеводы Степана Федоровича Стрешнева, сестра Михаила Степановича Стрешнева
2-я жена (брак с до 1668) княжна Мавра Григорьевна Долгорукая (ум. после 1713), дочь стольника князя Григория Даниловича Долгорукого, сестра князя Прохора Григорьевича Долгорукого, за ней приданое д. Ташлыково Белевского у.; в 1713 постриглась в монахини. Была мамкою царевича Петра Алексеевича».

Далее в этой поколенной росписи следуют дети Ивана Михайловича, братья и сестры камчатского ссыльного Василия Ивановича Колычева:

«350.305(1) Иван Иванович Большой Колычев (род. около 1655 — ум. 1713), ближний комнатный стольник и стольник при царе Петре I
1-я жена (брак с до 20.08.1676 г.) княжна Мавра (Марфа) Петровна Прозоровская (около 1660 — ум. после 1684), дочь боярина князя Петра Семеновича Меньшого Прозоровского (1637–1691) и княжны Евдокии Савельевны Козловской; от неё 2 сына. В некоторых источниках названа Марфою Петровною, но у неё была сестра с таким именем (замужем за князем Василием Дуарташиным, сыном калмыцким).
2-я жена (брак с сер./конца 1680-х гг.) Евдокия Петровна N (? — ум. после 23.06.1722)
351.305 (1 или 2) Григорий Иванович Колычев (род. 1660-е — ум. 1714), стольник и полковник
Жена (брак с 1690 г.) княжна Софья Васильевна Солнцева-Засекина (1670-е — ум. 1722), дочь князя Василия Андреевича Солнцева-Засекина (ум. до 1690) и Мавры

Ивановны Траханиотовой, сестра князя Ивана Васильевича Солнцева-Засекина

352.305(2) Иван Иванович Меньшой Колычев (1664–26.03.1748), стольник и капитан в Коломенском полку. В 1703 г. служил в л.-гв. Преображенского полка солдатом, поручик (1703), капитан (1719). В 1713 году его мать, Мавра Григорьевна Колычева, отдала ему свою вотчину в Белевском уезде.

1-я жена Ксения Семеновна Кутузова (ум. после 1722), дочь Семена Никитича Кутузова; мать Александра и Николая.

2-я жена (брак с 1720-х гг.) Дарья Ивановна Свечина (? — ум. после 9.03.1754)

353.305 (2) Василий Иванович Колычев, сослан на Камчатку по делу царевича Алексея

Жена (брак с конца 1708 г.) княжна Прасковья Алексеевна Лыкова (около 1660 — ум. до 1725), дочь князя Алексея Алексеевича Лыкова-Оболенского (ум. 1667) и Дарьи Федоровны Погожевой (ум. 1693), в 1-м браке (с 1.10.1674 г.) за Иваном Кирилловичем Нарышкиным (1658–15.05.1682), растерзанным стрельцами.

354.305 (1 или 2) Федосья Ивановна Колычева (1652–1724)

Муж Неронов

355.305(2) Мария Ивановна Колычева (167?–1699)

356.305(2) Екатерина Ивановна Колычева (167? – ум. до 1755)

1-й муж Федор Иванович Лихарев (ум. 1702?)

2-й муж (брак с 29.09.1704 г.) Михаил Иванович Приклонский (13.10.1652–4.03.1724), стольник».

А теперь нужно сказать несколько слов по поводу первой жены Ивана Михайловича. Эта тема также весьма и весьма любопытная, которая и является для нас определяющим политическим вектором смены Колычевыми своего родового оппозиционного курса.

Стрешневы — это прямая ветвь родственников царя Петра I. Самых ближних после Нарышкиных. И не только потому, что Евдокия Лукьяновна Стрешнева была женой царя Михаила Федоровича и матерью царя Алексея

Михайловича, а потому, что, по утверждению знаменитого русского генеалога Петра Владимировича Долгорукова, биологическим отцом самого царя Петра был Стрешнев – Тихон Никитич — впоследствии его официальный «дядька», доверенное лицо, московский губернатор, сенатор.

А отцом Анны Степановны Стрешневой-Колычевой был Степан Федорович Стрешнев — родной дядя царицы Евдокии Лукьяновны Стрешневой-Романовой.

То есть, судя по этим брачным связям, Колычевы – прямые потомки Ивана Федоровича Крюка Колычева – пошли, как в свое время братья Федор и Василий Умные Колычевы, на политический альянс с Романовыми.

И случилось это в тот период, когда Колычевы были в опале, а Иван Федорович находился в тюрьме. И Орден не упустил своей возможности…

Судите сами: Иван Дмитриевич Колычев, внук Крюка, воевода в Костроме и стольник при царе Михаиле Федоровиче, был женат первым браком на княжне Ксении Борисовне Черкасской — дочери князя Бориса Канбулатовича Черкасского и Марфы Никитичны Романовой, двоюродной сестре будущего царя Михаила Федоровича, которая умерла в 1604 году.

Но особенно нагляден этот политический альянс при воцарении Романовых: брачные связи новых бояр Колычевых (по типу новых русских) с теми, кто занял при дворе Романовых ближние к трону места, – открывается созвездие из самых благозвучных фамилий России – Бутурлины, Плещеевы, Пушкины, Мстиславские, Долгоруковы, Прозоровские, Волконские…

Но обновления как раз и не случилось, – род бояр Колычевых к середине XIX века угас…

Хотя были и среди новых Колычевых свои политические звезды.

Самым известным в отечественной истории из Колычевых «новой волны» — из так называемых «птенцов гнезда Петрова» — был первый герольдмейстер России Степан Андреевич Колычев.

Герб рода Колычевых

В своем очерке «Первый герольдмейстер России» Александр Юрасов отмечал: «До 1711 г. кадровыми вопросами службы дворян ведал Разрядный приказ, после его ликвидации эти функции возложили на Разрядный стол Сената. В начале 1721 г. Петр I решил сосредоточить дела о дворянстве в ведении специального человека — герольдмейстера. Для этого требовалась новая должность, необычная пока для Российского государства. 12 января 1722 года по именному указу № 3877, данному Сенату, «Об обязанности сенатских членов», в п. 4 определялось: «Быть при Сенате... Рекетмейстеру, Экзекутору и Герольдмейстеру или иной какой чин, кто б дворян ведал и всегда представлял к делам, когда спросят». С этого времени должность герольдмейстера начала существование при Сенате. Однако, для герольдмейстера, несмотря на столь определенное название его деятельности, на первом месте пока еще стоял вопрос не о гербах, а об организации дворянской службы в государстве. 28 января 1721 года в списке кандидатов на должность герольдмейстера была наложена собственноручная царская резолюция: «Із сих надлежит быт двум, одному герольдмейстеру, другому Рекейтместеру, которых выбрат балатированием. А для оного в прибафеку к Сенату призват из колегъских членоф, которые лутче, человек до двадцати Із русских (понеже иноземцы оных персон не знают), а особливо Із Военной, понеже там много знатных». Главный реформатор Российской государственной машины лично представил список царедворцев из 7 преданных сподвижников 28 января 1721 г. сенаторам для «балатирования по указу». <…> Список возглавляли князья Ф. М. Волконский и Н. М. Жировой-Засекин, далее А. М. Апраксин, К. А. Нарышкин и М. В. Сабакин, ближайшие родственники монарха, затем В. Ф. Салтыков и потомок древнего рода Андрея Кобылы С. А. Колычев. Между прочим, в 1722 г. в своей работе «Исторіографія вкратцѣ» Колычев истолковывал прозвище как искажение имени литовского князя Камбилы. Результаты тайного голосования 27 сенаторов, проходивше-

го 30 января 1721 г., показали: за Степана Андреевича Колычева (1674–1735 гг.) – воронежского вице-губернатора более всего «выпало балов»: 19 – «достойных», 4 – «сумнительных», 4 – «недостойных». Остальные претенденты получили следующие баллы: В. Ф. Салтыков соответственно – 17, 4, 6; Н. М. Жировой-Засекин – 10, 7, 10; К. А. Нарышкин – 8, 8, 11; А. М. Апраксин – 6, 10, 11; М. В. Сабакин – 4, 10, 13; Ф. М. Волконский – 1, 9, 17. В результате голосования новую должность с начала февраля занял Степан Андреевич Колычев, получивший больше всех «достойных» баллов. Ближайший стольник при дворе с 1696 г. С. А. Колычев в Успенском соборе Кремля в Москве 25 февраля 1722 г. принял присягу герольдмейстера. Высокие покровители в Кремле, влияние тестя князя Бутурлина помогли занять столь высокий и ответственный пост».

А вот его самые первые шаги на поприще новой истории Отечества, переписываемой рукой царя Петра: «…в 1695 г. пошел служить вновь сформированный Бутырский полк. В 1696 г. энергичный молодой инициатор многих идей С. А. Колычев был «взят ко двору». В марте 1697 г. вместе с князьями М. Оболенским, Ф. Волконским, И. и Т. Шаховским Степан вошел в команду 22 человек, которых Петр I отправляет за границу «для обучения наук воинских дел». По возвращении из Англии и Голландии 20 февраля 1699 г. «птенец гнезда Петрова» был пожалован ближним стольником и переведен в Семеновский полк на офицерскую должность.

<…> В 1709 г. на волне «неслыханной виктории» вместе с Ф. Апраксиным, К. Крюйсом, А. Курбатовым получил шведскую шпагу. Её бережно хранили как фамильную реликвию последующее поколение четырех его сыновей. Данная реликвия вошла в фамильный дворянский герб Колычевых».

Затем он был поочередно вице-губернатором Воронежа и Азова.

Его брачные союзы также весьма показательны. Первой женой Степана Андреевича была Евдокия Петровна Бутурлина (ум. 1712), старшая дочь окольничего Петра

Васильевича Бутурлина и Анисьи Михайловны Самариной. От неё у Степана Андреевича был сын Петр. Евдокия Петровна умерла в 1712 году.

Знаменитый во времена царствование Петра I князь-папа Петр Иванович Бутурлин был племянником окольничего Петра Васильевича Бутурлина.

Второй женой Степана Андреевича Колычева в 1716 г. стала Евдокия Андреевна Бельская – последняя представительница князей Бельских, ведущих свой род от Рюрика. А жили они в доме покойного первого тестя П. В. Бутурлина.

От двух браков у Степана Андреевича было несколько детей. Можно посмотреть, какой в результате получился брачный цветник:

«371.339(1) Петр Степанович Колычев (1710–около 1776), полковник и воевода в Вятке в 1763–1768 гг. Подпоручик первого Московского полка (1735), майор (1742), премьер-майор Киевского пехотного полка (1744), подполковник (1751), полковник и воевода в Вятке (1763). 1-я жена княжна Екатерина Петровна Коркодинова (ум. апрель 1735), дочь стольника кн. Петра Алексеевича Коркодинова (ум. ок. 1716) и Евдокии Васильевны Долгорукой (1677–1723). Детей не оставила.

2-я жена (брак с 1735/36) Елена Васильевна Шереметева (около 1718–ум. кон. 1730-х/нач. 1740-х), дочь ген.-майора Василия Петровича Шереметева (1659–1733) и второй его супруги княжны Прасковьи Михайловны Черкасской; от неё сын Василий

3-я жена (брак с до 1743 г.) Екатерина Михайловна Милославская (1715/1719 – ум. 1769), дочь Михаила Сергеевича Милославского (ум. 1725) и княжны Марии Андреевны Шаховской (1698–1721), единственной внучки (по матери) и наследницы известного дипломата Емельяна Игнатьевича Украинцева. В январе 1739 г. еще не была замужем. От неё 5 сыновей: Федор, Петр, Степан, Михаил и Николай.

372.339(2) Алексей Степанович Колычев (1717-1752), капитан (1743), секунд-майор (1752).

Жена Екатерина Ивановна Ржевская (сер. 1720-х – ум. 1769/70), дочь Ивана Юрьевича Ржевского (1699–1728) и Лукерьи Степановны N, которая во 2-м браке была замужем за ген.-майором князем Андреем Трофимовичем Барятинским (1698–1740-е); овдовев, в 1754 году Екатерина Ивановна вышла замуж за князя Дмитрия Васильевича Ухтомского (1719–1774). По др. сведениям, в январе 1758 г. замужем (за Ухтомским) еще не была.

373.339(2) Степан Степанович Колычев (1718–21.03.1756), капитан

1-я жена (брак с 1.10.1750 г.) княжна Анна Михайловна Волконская (11.06.1713–17.09.1751), единственная дочь князя Михаила Дмитриевича Волконского (1691–1750) и (брак с августа 1712 г.) княжны Прасковьи Петровны Хованской (1690-е–1713); вышла замуж после смерти своего отца в 1750 году за Колычева, через год скончалась от родов вместе с младенцем. Детей не оставила.

2-я жена (брак с около 1755 г.) гр. Варвара Федоровна Головина (ок. 1737– 1756?), старшая дочь ген.-поручика графа Федора Ивановича Головина (1704–1758) и гр. Натальи Павловны Ягужинской (1716–1756); от неё сын Степан.

374.339(2) Федор Степанович Колычев

375.339(2) Марфа Степановна Колычева (род. около 1724 — ?)

Муж (брак с до 1754 г.) князь Евграф Федорович Волконский; у них была только одна дочь княжна Анастасия Евграфовна Волконская (ум. 1823), девица, после смерти которой её имения перешли в род Колычевых.

376.339(2) N Степановна Колычева

Муж Григорий Михайлович Собакин, обер-рекетмейстер. По другим сведениям, Г. М. Собакин был женат дважды: 1) на княжне Аграфене Петровне Хованской; 2) на Анне Ивановне N (Колычевой?), упомянутой в 1743 году вдовою».

Следующий звездный час Колычевых будет уже в другой эпохе – отличатся уже внуки Степана Андреевича:

Степан Алексеевич Колычев (15.07.1746–14.03.1805), российский вице-канцлер, действительный тайный советник, посол в Вене и Париже.

Жена (брак с 6.02.1799 г.) Наталья Захаровна Хитрово (13.06.1774–25.10.1803), фрейлина императрицы Марии Федоровны, дочь действ. статского советника Захара Алексеевича Хитрово (1734–1798) и Александры Николаевны Масловой (1754–1829)

Степан Степанович Колычев (3.03.1756-14.10.1810), гофмаршал при императрице Екатерине II, камергер. Холост.

А далее род Колычев исчезает… Последним его представителем был сын Натальи Федоровны Колычевой (7.06.1790–21.04.1860), кавалерственной дамы ордена св. Великомученицы Екатерины 2-ой степени и ее мужа (брак с 1815 г.) барона Льва Карловича (Карла-Людовика) Боде (20.01.1787–28.04.1859), обер-гофмейстера и действительного тайного советника.

Лев Карлович (Людвиг-Карл) Боде (19.01.1787, замок Бергцаберне близ г. Сульц-Суфор, Эльзас – 28.04.1859, Москва), барон Священной Римской Империи, барон Российской Империи (6.09.1840 г.), гофмаршал, затем обер-гофмейстер и действительный тайный советник. 25 июня 1839 г. был признан в России иностранным бароном, 6 сент. 1840 г. причислен к баронам Российской империи. С 1849 г. обер-гофмейстер, президент Московской дворцовой конторы. В 1858 г. вышел в отставку по болезни. Умер в Москве в 1859 г. Похоронен в с. Лукино Звенигородского уезда близ Москвы.

Жена (брак с января 1815 г., СПб) Наталья Федоровна Колычева (7.06.1790–21.04.1860), последняя представительница древнего боярского рода Колычёвых, дочь капитана Федора Петровича Колычева (6.04.1746–11.11.1790) и Анны Никитичны Локисовой (Лакщовой) (18.08.1769–10.11.1842); кавалерственная дама ордена св. Екатерины 2-ой степени. В браке имела 11 детей.

Михаил Львович Боде. Художник А. П. Антропов

Но и эта ветвь рода была обречена:

Анна Львовна Боде (7.12.1815–4.12.1897), фрейлина императрицы Александры Федоровны

Муж (брак с весны 1854 г.) князь Александр Иванович Долгорукий (7.06.1793–7.12.1868), русский поэт и проза-

ик, первым браком с 1832 г. был женат на Елене Ивановне Колошиной (1790–1850). Умер бездетным.

Наталья Львовна Боде (5.05.1817–30.11.1843), фрейлина императрицы Александры Федоровны, умерла от простуды, полученной на балу

Мария Львовна Боде (6.05.1818–7.02.1864), фрейлина императрицы Александры Федоровны, в сравнении с сестрами была некрасива, жила при родителях, после их смерти, в 1862 году приняла постриг в Вознесенском монастыре под именем Паисии. Похоронена в Новоспасском монастыре в Москве.

Екатерина Львовна Боде (16.06.1819–30.12.1867), фрейлина императрицы Александры Федоровны

1-й муж (брак с лета 1843 г.) Павел Александрович Олсуфьев (2.04.1819–4.02.1844), умер от чахотки

2-й муж (брак с 1850 г.) князь Александр Сергеевич Вяземский (4.05.1806–9.10.1867), ген.-лейтенант. Первым браком с 1832 г. был женат на Анастасии Николаевне Римской-Корсаковой (1810–1848)

Лев Львович Боде (23.10.1820–18.06.1855), барон, майор и камер-юнкер, умер от тифа. Предводитель дворянства Московской губернии Подольского уезда. В 1842 году с разрешения митрополита Филарета женился на троюродной сестре.

Жена (брак с 1842 г.) Анна Петровна Колычева (18.07.1824–1867), троюродная сестра своего мужа, единственная дочь штабс-капитана Петра Николаевича Колычёва (ум. 1.06.1837) и Варвары Николаевны Бартеневой (1798–20.03.1830). После смерти мужа поселилась с детьми около Нового Иерусалима, часто ездила на богомолье по святым местам. В своем имении в Землянском уезде устроила монастырь, где жила в последние годы жизни, там умерла и похоронена. Была в тайном постриге под именем Марии. По воспоминаниям её современника Ф. И. Буслаева (1818–1897): *«Она [Анна Петровна Боде] страстно любила своего мужа, но недолго наслаждалась сча-*

стием: в 1855 г., во время крымской войны, он скоропостижно скончался от заразительной горячки, свирепствовавшей в отряде ополченцев, которым командовал. Безутешная скорбь, сменившая тупое, окаменелое отчаяние, навсегда охватила подавляющим гнетом ее нравственное бытие. Зародыши замкнутого в себе отчуждения, которое так заинтересовало меня в оригинальной девочке-сироте, завершилось в молодой, тридцатилетней вдове самоотречением от всяких интересов жизни и упорным разобщением с людьми и миром. Свои радости и заботы, свои думы и мечты похоронила она в могиле вместе с обожаемым мужем, и теперь ничего другого не осталось ей на земле, как скитаться с своими малолетними детьми по юдоли плача и проливать свои горькие слезы в молитвах к Богу, щедрою рукою жертвуя Ему на алтарях монастырей и скитов всем, что осталось у нее в здешнем мире, – не только своим громадным состоянием, но даже и детьми. Своего сына, уже зачисленного в пажеский корпус, она отдала послушником в Оптину пустынь, а оттуда перевела, в том же звании, в Задонский монастырь; но по совершеннолетии он поступил в гусары. Старшую дочь, красавицу пятнадцати лет, отдала она в Бородинский девичий монастырь, где и скончалась эта несчастная на двадцать третьем году, будучи пострижена в монахини. После многолетнего странствования по монастырям, Анна Петровна пожелала, наконец, водвориться на покой в своей собственной обители и построила себе в Землянском уезде, Воронежской губернии, в так называемой «Рай-Долине» Знаменский монастырь, где и скончалась монахинею в тайном пострижении, которое разрешает монашествующим носить светскую одежду.»

Софья Львовна (1821–1821), умерла в младенчестве

Александр Львович, умер в младенчестве

Дмитрий Львович, умер в младенчестве

Михаил Львович Боде, с 13.05.1875 барон **Боде-Колычёв** (17.12.1824, Москва – 22.03.1888, Москва), барон, историк, археолог, коллекционер, обер-гофмейстер двора, вице-президент Комитета по постройке храма Христа Спасителя в Москве, создатель усадьбы «Лукино». Поскольку ко второй половине XIX века в роду Колычевых не осталось представителей мужского пола, в 1875 г. высочайшим со-

изволением бар. Михаилу Львовичу Боде было разрешено принять герб и называться бароном Боде-Колычёвым. Жена Александра Ивановна Черткова (16.06.1827–5.01.1898), дочь действительного тайного советника Ивана Дмитриевича Черткова (1796–1865) и баронессы Елены Григорьевны Строгановой (1800–1832); владелица земельных угодий хутора Котоленцев и села Воскресенское в Острогожском уезде Воронежской губернии

Елена Львовна Боде (1.05.1826–9.03.1862), фрейлина императрицы Александры Федоровны

Муж (брак с 19.04.1846 г.) Андрей Ильич Баратынский (10.11.1813–24.02.1889), поручик, помещик Хвалынского уезда

Александра Львовна (24.02.1828 — ?), фрейлина императрицы Александры Федоровны

Муж (брак с 1848 г.) князь Николай Андреевич Оболенский (21.03.1822–28.03.1867), детей не было.

Последние из Боде-Колычевых:

Ольга Львовна Боде (1843–1865), в 15 лет была отдана матерью своею в Бородинский девичий монастырь и в 1865 году перед смертью своею была пострижена под именем Олимпиады. Из воспоминаний Ф. И. Буслаева: *«Старшую дочь, красавицу пятнадцати лет, отдала она [Анна Петровна Боде] в Бородинский девичий монастырь, где и скончалась эта несчастная на двадцать третьем году, будучи пострижена в монахини»*.

Яков Львович Боде (1846 — ?), барон, паж. Уже зачисленного в пажеский корпус, мать его Анна Петровна отдала его послушником в Оптину пустынь, а оттуда перевела, в том же звании, в Задонский монастырь; но по совершеннолетии он поступил в гусары в Лубенский гусарский полк, вышел в отставку корнетом сразу после смерти матери

Жена Наталья Егоровна Зяблова (? — ум. после 1897), помещица Воронежской губернии Землянского уезда.

Федор Львович Боде (31.10.1849–21.12.1851), барон, умер в детстве.

Анастасия Львовна Боде (25.08.1852–27.12.1878).
Муж (брак с 18.10.1868 г.) Александр Иванович Хрущов (18.08.1838 — ?), почетный мировой судья Землянского уезда (1866–1869). У них была дочь Мария (род. 2.09.1869).

Николай Львович Боде (14.08.1854–24.11.1854), барон, умер в младенчестве.

Михаил Михайлович Боде (10.07.1849–10.07.1849), барон, умер в младенчестве.

Наталья Михайловна Боде (17.06.1851–1916), фрейлина Высочайшего двора.
Муж (брак с 4.02.1873 г.) граф Фёдор Львович Соллогуб (9.02.1848, Москва — 29.10.1890, с. Рождествено Московской губ.), известный театральный художник.

Елена Михайловна Боде (1853–1853), умерла в младенчестве, похоронена в Лукино Звенигородского уезда, в усадебной церкви.

Мария Михайловна Боде-Колычёва (9.03.1856–22.03.1897), фрейлина

Муж (брак с 27.04.1877 г.) Михаил Сергеевич Сухотин (1.01.1850–4.08.1914), камер-юнкер, новосильский (Тульской губ.) уездный предводитель дворянства, член 1-й Государственной думы от Тульской губернии; вторым браком с 1899 г. был женат на гр. Татьяне Львовне Толстой (1864–1950), дочери графа Льва Николаевича Толстого.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

И снова мы должны вернуться во времена Ивана Грозного. Дело в том, что из книги в книгу гуляет такая легенда: «Предпоследней женой Ивана стала Василиса Мелентьева. Она тоже была не девушкой, но замужней матроной. Что за беда? Царь отравил ее мужа и сделал ее царицей. Но Василиса проявила характер: два года она держала царя в черном теле, не позволяя физической близости. (Заметим в скобках, как легко Грозный царь входил в роль подкаблучника! Может, он так компенсировал недополученную материнскую ласку или вздыхал об Анастасии?)

Меры физического воздействия Василисы дали свои плоды: Иван присмирел, переехал из Александровской слободы в Москву. И тут обнаружил, что у Василисы (вот напасть!) есть любовник! Это был Иван Колычев.

Василису и Колычева похоронили рядом в двух гробах. Поговаривали, что царицу захоронили живой, связав ее и с кляпом во рту, чтобы не кричала…».

В «Истории казачества» А. А. Гордеева эта история получает иное развитие: «Чтобы удерживать под своим влиянием Астрахань и ногайскую орду, Иван Грозный старался также быть «вежливым» и поддерживал с ними дружественные отношения, обещал присылать денежные подарки.

Для защиты от нападений со стороны яицких казаков послал отряд стрельцов под начальством головы Кобелева и со строгим наказом донским и гребенским казакам не нападать на ногайцев и на крымские владения. Казаки видели в распоряжениях царя не государственную целесообразность, а слабость царя, и с приказами его не всегда считались. В 1577 году на западном фронте прои-

зошла смена казачьих полков с их атаманами, и атаман Янов и Ермак возвратились на Дон.

Против набегов ногайской орды со стороны Астрахани на Переволоке между Волгой и Доном донские казаки держали все время сильную заставу. По прибытии на Дон Ермак был назначен атаманом этой заставы. Как опытный воин, Ермак видел, что обороной против ногайских хищников безопасности достигнуть нельзя, и решил покончить с ними решительными мерами. Он привлек к намеченному плану разгрома орды яицких и гребенских казаков с их атаманами Нечаем и Андреевым. Кроме яицких и гребенских казаков, к отряду Ермака присоединился отряд «вольницы» под начальством Ивана Колычева, вошедшего в историю под названием Ивана Кольцо, история которого тесно связана с событиями, происходившими в то время при московском дворе.

Установленная царем «Опричнина» и производившиеся казни княжеских и боярских родов вызвали в стране недовольство и порицание царя. В числе первых обвинителей царя оказался митрополит Филипп, принадлежавший к роду бояр Колычевых. Он открыто стал порицать царя за его жестокости и несправедливые казни подвластных ему людей. Митрополит был лишен сана и отправлен в заточение, а весь род Колычевых подвергся жестокой расправе. Воевода Колычев был казнен, один из племянников митрополита попытался скрыться во владениях Челядиных, был схвачен и подвергся жестокой казни, отрубленная голова его была отправлена митрополиту. Второй племянник митрополита, состоявший при царе в качестве стремянного, или окольничего, бежал из московских пределов, и «Московские ведомости» сообщили, что «окольничий» Колычев «ушел в нети», что означало на языке писцов того времени – «бежал из Москвы». Окольничий Колычев появился под именем Ивана Кольцо на Волге, собрал отряд вольницы и стал заниматься «разбоем» в районе Самары. Будучи окольничим при царе, Иван Колычев не мог не знать атамана Ермака, находившегося в составе московских войск на Ливонском фронте.

Он присоединился к Ермаку и принял участие в походе против Ногайской орды.

Под начальством Ермака собрались яицкие, гребенские казаки и отряд Ивана Кольцо, что составляло дружину в несколько тысяч человек, с которыми Ермак и двинулся за Волгу. Отрядом было нанесено поражение Ногайской орде, был занят их главный городок Ногайчик и разрушен до основания. Отряд Ермака был достаточно силен, чтобы нанести окончательное поражение Ногайской орде и покончить с ней навсегда, обеспечив юго-восточную часть московских границ, а также и городки донских казаков от угрозы постоянных набегов. Но уничтожение Ногайской орды нарушало политику московского царя в отношении Крыма и Турции, и успехи Ермака явились преступлением против строгих царских указов – мирного сожительства с азиатскими ордами.

Хан Измаил послал жалобу царю на казачью «обиду». В то же время, как писали московские летописцы, «послы персидские, бухарские и казибанские были в Москве и получили царского величества милость и наградительное жалованье и с тем по реке Волге вниз плыли в Астрахань, и оный разбойник, Ермак, нападе на них и поби и животы их пограбиша…».

Разгром Ногайской орды и нападение на персидских и бухарских послов вызвало гнев царя, и им были приняты против Ермака решительные меры. По московским сведениям, против отряда Ермака из Москвы был послан отряд стрельцов под начальством головы Мурашкина. Мурашкин разгромил «шайку» Ермака и очистил от нее Волгу и Каспийское побережье.

Сведения подлинного Списка Императорской Публичной Библиотеки событие это представляют иначе: «При царстве Ивана Васильевича Всея России Самодержца, по 28 лето взятия Казани з Дона возсташа самовольно казаки с атаманом Ермаком Тимофеевым сыном, которые з Дону вышли на великую реку Волгу и многую пакость московского государства всякого чина людям деяша, животы и товары и государеву казну грабиша, и по указу царя многие посылки ратных людей на сего атама-

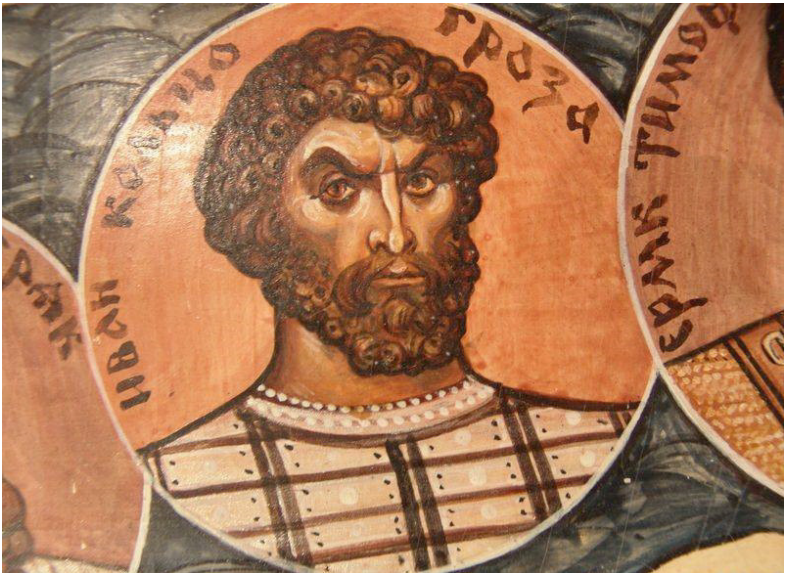
на Ермака по указу царя посланы были. И он же атаман Ермак с товарищи русскую рать побил…» (Сибирские Летописи, с. 368).

Сведения Публичной Библиотеки дают действительные сведения событий на Волге. Действительно, отряд стрельцов Мурашкина на далекой окраине был слишком слаб, чтобы бороться с отрядами казаков, тем более «стрельцы» по характеру сами были казаки, и когда их посылали против казаков, то они, даже в более позднее время, переходили на сторону казаков. Тем более в борьбе казаков против азиатской орды стрельцы не могли идти против соратников казаков. В нападении на персидских и бухарских послов, по московским сведениям, главным виновником был Иван Кольцо.

После того как московская власть оказалась бессильной остановить деятельность Ермака с дружиной против ногайцев на Волге и московские войска были побиты, царь послал гонца на Дон с требованием, чтобы Войско остановило «разбой» казаков, и требовал, чтобы виновники были присланы в Москву. По сведениям казачьих первоисточников, Витзен и Броневский пишут: «На Дону, после получения царского указа, атаман собрал Войсковой Круг, которым было принято решение против отряда Ермака выслать войско казаков, и Ермак должен был быть отправлен в Москву, как и его ближайшие сотрудники».

Ермак с казаками в то время был на Яике. Получив приказание Круга, казаки разошлись по своим «юртам». 800 яицких казаков с атаманом Нечаем оставались у себя, гребенские с атаманом Андреевым отправились на Гребень. Ермак и его отряд донских и волжских казаков, попавшие в опалу, не могли возвратиться на Дон и должны были искать какой-то выход.

В отношении виновных в Москве принято было решение, и, по некоторым сведениям, Ермак, Иван Кольцо и все ближайшие их сотрудники были приговорены к смертной казни, по другим – к смертной казни был приговорен только Иван Кольцо, который таким образом вторично приговаривался царем к смертной казни.

Опальными казаками был собран свой «круг», на котором искали выход из создавшегося положения. Было решено идти на Каму во владения Строгановых, где требовалась вооруженная сила против сибирских инородцев, делавших нападения на московские владения, — куда и направились казаки. С Яика Ермак с отрядом в составе 540–600 казаков двинулся с «Еика на Иргизскую вершину, да вниз по р. Иргизу, а Иргиз река впадала в Волгу с левой стороны, а Волгой Ермак шел вверх, а с Волги на Каму». Были ли казаки приглашены Строгановыми к себе на службу, или решение идти в этом направлении было принято казаками самостоятельно, вопрос остается до сих пор неразрешенным. По версии одной из Сибирских летописей сообщается, что Ермак с отрядом на Каму прибыл в 1577 году неожиданно. Пришли они в городок Орел, где находился Максим Строганов. Он принял казаков радушно и снабдил хлебом и всем необходимым.

По другой версии – Строгановы были «напуганы» прибытием казаков, и сообщается, что: «Казаки же придя

во владения Строгановых вопросиша тамо живущих: которое государство граничит с тамосущим? Они же реша: Сибирское государство и есть не в дальнем разстоянии отсюду, а царь же там именем Кучум». Дальше летопись повествует: «Он же, мужик, Строганов, убоялся атамана Ермака со товарищи и возвести ему обо всем Сибирском царстве и о зверях, что в той стране сибирская всякаго зверя изобильно, а люди, живущие там не храбры; мы же от них живем от зде за тысячу "поприщ"»… Получив необходимое у Строгановых, казаки из Орла двинулись по реке Чусовой, а потом по ее левому притоку Сыльве, поднявшись до ее вершины, построили городок и остановились в нем на зимовку.

Зима на Сыльве была использована казаками для подготовки к предстоящему походу: изучались пути движения за Урал, от местных жителей собирались сведения о характере местности, жителей и их средствах. Сведения заносились на бумагу, а местность изображалась в виде рисунков. Строились суда для движения, набирались проводники и переводчики. По сведениям историка Страсберга, казаки по берегам Чусовой распахали землю на 700 миль длиной. Приводился боевой состав отряда и порядок, вводилась дисциплина, причем несколько человек по суду были «посажены в воду». Одновременно Ермак «воевал» вогулов, обеспечивал от их нападений безопасность владения Строгановых и добывал у них необходимые средства для существования отряда.

Со стороны Сибирского царства, из-за Урала, все время велись нападения на владения Строгановых. В то время когда Ермак с отрядом находился на р. Сыльве, мурза Берберий «украдом» напал на строгановские владения с остяками и вогулами и ту «окресть живущих села и деревни пожжоша и поплеяиша и в плен многих поимаша». Ермак выступил с отрядом казаков против Берберия, разбил его, освободил много пленных, а их имущество и самого Берберия взял в плен.

Для похода в Сибирь казаки построили довольно легких стругов «со припасы». Весной же 1579 года казаки поплыли по реке Сыльве и рекой Чусовой прибыли

во владения Строгановых. Численность отряда Ермака была 840–900 боевого состава. Но на Каме оставалось много народу, прибывшего с Ермаком с Волги, не входившего в боевой состав отряда, которые с семьями остались в устроенном городке на Сыльве. По сведениям сибирских летописцев: «Овии же поплыша с Ермаком вниз по Сыльве до устья Чусовой, овии же осташася в городище с женами и детьми и вечно оселишася».

Прибыв к Строгановым, казаки потребовали необходимые средства для похода в Сибирь. Строгановы отказывались дать требуемое количество, казаки же требовали «угрозой», и среди них же наипаче Иван Кольцо и есаулы, и Кольцо кричал: «О, мужик, не знаешь ли, что я князь, и ты теперь уже мертв, возьмем и по клочку тя разстреляем…». «Напуганный Максим отворял амбары и день и ночь выдавал казакам по их запросам на струги».

Строгановыми было выдано казакам: по три фунта пороха, по три – свинца, по три пуда ржаной муки, по два пуда крупы и толокна и по половине соленой свиной туши. На вооружение дано было три пушки и пищали. Получив все необходимое, казаки 13 июня 1579 года пошли вверх по Чусовой до Тагильского волока и шли до р. Серебрянки четыре дня; по реке Серебрянке – два дня; и далее начинались сибирские земли. «Вожи были зыряне: добрии змерзли, а онии бежали, а инии незнани и попаша на р. Серебрянку». С верховья Серебрянки казаки должны были переправиться на р. Тагиль и перетащить волоком суда, около 25 верст. Легкие суда казаки перетащили, но тяжелые перетащить оказалось не по силам, и они были брошены в верховьях р. Серебрянки, где еще в XIX столетии осматривались путешественниками, и очевидцы писали: «И многия суда лежат и по ныне, сквозь днищ дерева поросли…»

Прибыв в стан Тагил, в урочище одного из местных властителей, Абугая, казаки построили лагерь, в котором зимовали и «воеваша всю зиму владения Пелымскаго хана».

В низовьях р. Тагила Ермак готовился к дальнейшему походу в пределы владений Кучума; казаки строили

суда и воевали окрестные улусы. «Весна же пришедше, половодьем» – Ермак выступил в поход. Для движения в глубь Сибири перед казаками лежали большие реки: Тура, Тобол и Иртыш. 1 мая казаки поплыли по р. Тагил и вошли в р. Тура».

Покорение Сибири Ермаком. Художник Василий Суриков

То, что Колычевы могли бежать, скрываясь от расправы, — факт исторический: Федор Степанович Колычев (будущий митрополит Филипп Московский), участник Старицкого «мятежа», спасаясь от казни, ушел на Русский Север и в конечном итоге нашел приют в Соловецком монастыре, где, не без участия княгини Старицкой, вскоре стал игуменом и получил от государства огромную материальную поддержку на усиление роли Соловецкого монастыря в духовной жизни страны.

События времен Опричнины, как мы помним, были еще более грозными для боярского рода Колычевых, лучший из которых не побоялся противостоять царской воле: «31 марта 1568 года, в воскресенье, Иван приехал к обедне в Успенский собор с толпою опричников. Все были в черных ризах и высоких монашеских шапках. По окончании обедни царь подошел к Филиппу и просил благословения. Филипп молчал и не обращал внимания на присутствие царя. Царь обращался к нему в другой, в третий раз. Филипп все молчал. Наконец царские бо-

яре сказали: «Святый владыка! Царь Иван Васильевич требует благословения от тебя». Тогда Филипп, взглянув на царя, сказал: «Кому ты думаешь угодить, изменивши таким образом благолепие лица своего? Побойся Бога, постыдись своей багряницы. С тех пор как солнце на небесах сияет, не было слышно, чтобы благочестивые цари возмущали так свою державу. Мы здесь приносим бескровную жертву, а ты проливаешь христианскую кровь твоих верных подданных. Доколе в русской земле будет

господствовать беззаконие? У всех народов, и у татар, и у язычников, есть закон и правда, только на Руси их нет. Во всем свете есть защита от злых и милосердие, только на Руси не милуют невинных и праведных людей. Опомнись: хотя Бог и возвысил тебя в этом мире, но и ты смертный человек. Взыщется от рук твоих невинная кровь. Если будут молчать живые души, то каменья возопиют под твоими ногами и принесут тебе суд».

«Филипп, — сказал царь, — ты испытываешь наше благодушие. Ты хочешь противиться нашей державе; я слишком долго был кроток к тебе, щадил вас, мятежников, теперь я заставлю вас раскаиваться». «Не могу, — возразил ему Филипп, — повиноваться твоему повелению паче Божьего повеления. Я пришлец на земле и пресельник, как и все отцы мои. Буду стоять за истину, хотя бы пришлось принять и лютую смерть»» (Н. Н. Костомаров).

И, как мы знаем, и сам святитель, и его ближние и дальние родственники приняли самую лютую смерть.

Кто-то сумел, если верить легенде об Иване Кольцо, бежать на Волгу и Дон, кто-то на Яик…

Посол Иван Кольцо с вестью о покорении Сибирского царства

В 1586 году история повторяется: за участие в заговоре против Бориса Годунова: «В связи с разоблачением заговора против Годуновых гонениям подверглись не только знатные бояре, но и многие дворяне средней руки, приказные чины и столичные торговые люди. «Сказание о Гришке Отрепьеве» повествует, что после расправы с Шуйскими Борис «многих дворян и служилых людей, и приказных, и гостей, и воинских людей разослал в Поморские городы, и в Сибирь, и на Волгу, и на Терек, и в Перьм Великую в темницы и в пусты места» (Р. Скрынников).

Вполне возможно, по этой причине мы и обнаруживаем под 1632 годом фамилию Колычева Костромитина (у которых, как и Романовых, Кострома и Ипатьевский монастырь – место родового захоронения) в списках яицких казаков, а кто-то из них, возможно, вместе с Иваном Кольцо преодолел и знаменитый Камень – Уральские горы и эта – тоже казачья — фамилия появляется позже в Сибири, а затем и на Камчатке…

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Роль Василия Ивановича Колычева в деле о царевиче Алексее Петровиче весьма символичная – он был другом детства царевича наравне с Нарышкиными.

Историки вообще стараются обойти стороной это дело. Летописец рода бояр Колычевых, унаследовавший их имя, — барон Боде-Колычев написал книгу по истории рода, в которой о Василии Ивановиче даже не упоминается.

Может быть потому, что генерал-герольдмейстер Степан Андреевич Колычев оказался в списке тех 124 палачей Алексея Петровича, которые поставили свои подписи под приговором о смертной казни царевича. А его родственник, «последний из могикан» этого рода — «церемониймейстер» (1856) и «гофмейстер» (1866), действительный статский советник (1862), обер-гофмейстер и действительный тайный советник (1883) — не осмелился замахнуться на святое имя Петра Великого.

Но ведь и по прошествии сотен лет никто из историков так и не нашел тех оснований для поступков, действий, высказываний Алексея Петровича, за которые его можно было казнить.

Вся его вина заключалась в одном – он был наследником русского престола.

А вся остальная историческая галиматья – о его недееспособности, патологической трусости, исторической никчемности – это пасквиль…

Был ли Алексей Петрович врагом своего отца?

Конечно, был – он ненавидел своего отца, заточившего не виновную ни в чем мать – Евдокию Лопухину, русскую боярыню – в монастырь. И это была реакция нормального человека на несправедливость, на жестокость.

Портрет царевича Алексея Петровича. Художник Иоганн Готфрид Таннауер

Он ненавидел своего отца – за все те грязные попойки, постоянный блуд и разврат, которые сопровождали Петра на протяжении всей его жизни.

Он ненавидел царя Петра так же, как ненавидел этого Антихриста весь русский народ, на головы и плечи которого обрушились и острие, и обух того самого топора, которым незаконновырожденный (рожденный в блуде) потомок Стрешневых-Нарышкиных прорубал «окно в Европу».

Он ненавидел царя Петра вместе со всей русской аристократией, которой Петр откровенно брезговал, как и всем отечественным, отдавая предпочтение иностранным легионерам.

Существует даже легенда о том, что царя Петра во время его заграничных странствий подменили, и на русский престол взошел иностранный легионер Исаакий, в честь небесного покровителя которого и создан в Санкт-Петербурге величайший Исаакиевский собор...

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

О камчатской и вообще дальнейшей судьбе Василия Ивановича Колычева мы пока ничего не знаем.

Но о судьбе казаков Колычевых кое-что удалось узнать.

Как я уже писал, в документах, датированных 1632 годом, мы находим в списках яицких казаков эту запись: «Колычев Ивашко Степ. Костромитин». И действительно, начиная с Ивана Семеновича Меньшого Колычева Хромого, бывшего костромского наместника, на этой земле проживали многие из Колычевых, имея здесь свои родовые поместья и родовое захоронение в Ипатьевском монастыре – например, в Костромском Ипатьевском монастыре записан род Ивана Борисовича Колычева: Андрей, Федор, Григорий, инокиня Ксения, Иван, Моисей, инокиня княгиня Наталья. Как мы помним, Святителю Филиппу Московскому принесли отрубленную голову либо Ивана Колычева Хромого, либо Ивана Борисовича Колычева Хлызнева…

Я просматриваю поколенную роспись рода Колычевых (VIII колено) – список имен времен Ивана Грозного, чтобы представить себе, кто из Иванов Колычевых мог бы стать по примеру сына Соломонии Сабуровой и Василия III разбойником – Иваном Кольцо или просто беглым, как Святитель Филарет Московский, найдя себе приют либо у ушкуйников на Русском Севере, любо у казаков на Волге, Дону или Тереке.

И нужно сказать, что таких Иванов — вероятных кандидатов на побег от Опричных репрессий не только в Литву, но и на Юг к казакам или на Север к ушкуйникам — было предостаточно:

Иван Борисович Меньшой Колычев-Хлызнев-Ослан (ум. после 1566). А может быть, и не умер?

Иван Григорьевич Колычев-Лошаков, полковой воевода. В этом списке этой же семейной ветви находится и Иван Иванович Колычев Немятый, семья которого прошла через репрессии Елены Глинской и Опричнины.

Иван Михайлович Колычев, брат Григория Михайловича Носа, владевший поместьями в новгородской земле, а также Иван Григорьевич Колычев, сын Григория Носа.

Иван Владимирович Колычев. Жил на поместье в Новгороде.

Но лучше всех для этой роли подходит, вероятно, Иван Иванович Колычев Хромого. Бездетен. Брат казненного окольничего Михаила Ивановича Колычева. Судьба его неизвестна.

Есть «кандидаты» и в IX колене, к которому принадлежал Иван Федорович Крюк, подвергавшиеся вместе с Иваном Федоровичем репрессиям за участие в заговоре князей Шуйских:

Иван Никитич Хлызнев-Колычев-Батуй.

Бездетный Иван Иванович Хлызнев-Колычев.

Иван Иванович (Иван-Богдан Ославович) Ослан Хлызнев-Колычев, он же Богдан Ославович.

Иван Григорьевич Колычев

Воевода Иван Никитич Колычев-Немятый, умерший (?) в 1582 году.

И еще один Иван Михайлович Колычев Хромого, который в 1574 г. был в Серпухове у царя Ивана Грозного в рындах, а умер, как показано в родословиях, до 1584 года, то есть незадолго до смерти Ивана Грозного (кстати, женой его была княжна Василиса Юрьевна Лыкова, дочь князя Юрия Васильевича Лыкова Оболенского — Чапли — боярина и воеводы удельного князя Владимира Андреевича Старицкого).

Любопытно, что в «Хронографе о браках царя Ивана Васильевича» называется совершенно иное имя любовника: «обручился со вдовою Василисою Мелентьевою, еже мужа её опричник закла; зело урядна и красна, таковых не быть в девах, киих возяще на зрение царю». Василиса

была потом заточена — «чтя ю зрящи яро на оружничьего Ивана Девятелева князя, коего и казни», и пострижена в Новгороде 1 мая 1577 года.

Но людская молва обрекла на эту казнь именно Ивана Колычева. Знаменитый русский драматург Александр Островский посвящает этой трагедии одну из своих пьес под названием «Василиса Мелентьева», и один из главных героев этой пьесы выведен под именем боярского сына Андрея Колычева, в которого влюблена Мелентьева, но который предан царю:

К о л ы ч е в
(*берет ее за руку и ставит на колени)*

Ну, кайся перед смертью!
Ну, сказывай дела свои, винися
Перед царем, что ты царицу Анну
Невинную оболгала!

В а с и л и с а

Винюсь.

К о л ы ч е в

Что извела ее...

В а с и л и с а

Во всем винюсь.

К о л ы ч е в

Ты повинись и в том, что обещала
Любить меня и быть рабой навек —
И разом ты слугу и государя
В обман ввела. Великий царь, я мало
Служил тебе, вели мне сослужить,
От рабского усердья, службу!

Василиса Мелентьева

Вели убить мне бабу-лиходейку,
Что заползла змеею подколодной,
Украдучись, в твой терем златоверхий!
(Ударяет ножом в грудь Василису.)
Коль говоришь, что любишь, так люби, —
А не вертись; забудь обычай женский
Обманывать!

Ц а р ь

Вот славно, вот спасибо!
Андрюшка, ты слуга хороший! Только
Ты старому, мне, в слуги не годишься:
Недаром же тобою бабы бредят.
Мне, старому, в своем дворе, при женах
Молоденьких, держать тебя не след!
Румян, кудряв, лицом ты красен больно,
А женский род по-заячьи труслив,
По-кошачьи блудлив. (*Малюте.*) Возьми, Малюта,
И прибери Андрюшку Колычева
От наших глаз куда-нибудь подальше...
Хоть в тот же гроб, где Василиса будет!

Правда, некоторые историки убеждены в том, что все эти истории со свадьбами Ивана Грозного – творения талантливого фальсификатора.

Но дыма без огня не бывает. И не случайно, что в период после Опричнины и перед Великой Смутой все более и более редеют ряды Колычевых-мужчин.

Но в годы Великой Смуты оставшиеся в строю Колычевы остаются верны Отечеству. Казнен оболганный Бутурлиными и другими кромешниками Иван Федорович Крюк, дворецкий и воевода царя Василия Шуйского, освободивший в 1607 году Тулу и взявший в плен Болотникова и ЛжеПетра (опричную гвардию князей Телятевского и Шаховского), но по-прежнему служат Отечеству его родные:

Захарий Федорович Колычев, родной брат Ивана Федоровича Крюка, служил под предводительством кня-

зя Скопина-Шуйского, был убит в 1608 г. Бездетен.

Андрей Федорович Колычев, в 1600 г. воевода в Лопшеве, убит в Москве в 1608 году во время осады города войсками ЛжеДмитрия II.

Дмитрий Васильевич Колычев, служил по Костроме. Также убит в Москве 1608 году.

Иван Иванович Колычев убит при осаде Пскова шведами в 1615 году.

Василий Иванович Колычев-Хлызнев, осадный воевода, воевода в Малом Ярославце. В 1619 находился в осадном положении в Москве, защищая русский престол от поляков. Бездетен.

В 1706 году в списках казаков Якутского полка в шестнадцатой пятидесятни записан Алексей Петров сын Колычев, который был послан на Камчатку. В 1712 году он жил в Нижнекамчатске, был старостой строящейся здесь Николаевской церкви, в 1718 году был в числе «выборных судеек».

В 1711 году в следствии по делу о бунте казаков, убивших камчатских приказчиков, в том числе и Владимира Атласова, участвовал вместе с приказчиком Василием Колесовым некий Иван Колычев, якутский казак (возможно Иван Харитонович, имя которого мы потом находим в списке якутских казаков за 1748 год вместе с его братом Яковом Харитоновичем).

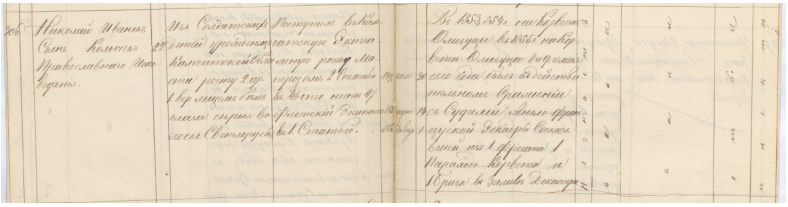
У Алексея Петровича Колычева, прибывшего, по всей видимости, на Камчатку «на вечное житье» или, быть может, наказанному «вечной ссылкой», как многие другие оседлые камчатские казаки, участвовавшие в убийстве камчатских приказчиков, была здесь уже своя семья.

В 1731 году, когда камчадалы подняли знаменитый Харчинский бунт, этот удар пришелся и по Колычевым – в устье реки Еловки были убиты два казачьих сына – Осип и Василий Колычевы.

Последние сведения, которые мы обнаружили в архиве Военно-Морского флота РФ о Колычевых: в 1853 и 1854 годах матрос 47 флотского экипажа Николай Иванович Колычев состоял членом экипажа корвета «Оливуца», а затем был переведен вместе со всем экипажем в

Николаевский-на-Амуре пост в состав 27-го Амурского флотского экипажа, и по пути к новому месту службы, находясь по-прежнему на «Оливуце», в мае 1855 года участвовал в сражении с судами англо-французской эскадры в заливе Де-Кастри.

Далее следы Николая Ивановича Колычева теряются. Вполне возможно, что в составе экипажа корвета «Оливуца» он поменял и место службы, и место жительства – корвет, как известно, вместе со всем экипажем, был отозван в 1856 году с Дальнего Востока на Балтику…

Вот, собственно, и все, что мы сегодня знаем…

Корвет «Оливуца»

Содержание

ВСТУПЛЕНИЕ 3
ГЛАВА ПЕРВАЯ 4
ГЛАВА ВТОРАЯ 26
ГЛАВА ТРЕТЬЯ 33
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ 47
ГЛАВА ПЯТАЯ 55
ГЛАВА ШЕСТАЯ 68
ГЛАВА СЕДЬМАЯ 81
ГЛАВА ВОСЬМАЯ 89
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ 95
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ 101
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ 108
ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ 127
ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ 135
ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ 165
ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ 169
ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ 174
НЕЗАВЕРШЕННОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ . 177
НЕЗАВЕРШЕННОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ . 195

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ 208
ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ 215
ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ 272
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ 298
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ 316
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ 327
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ . . . 330

Сергей Вахрин

ОРДЕН КРОМЕШНИКОВ

ISBN 978-5-4386-1712-9

«Свое издательство»
199053 Санкт-Петербург, 4-я линия В. О., д. 5
editor@isvoe.ru
http://isvoe.ru
(812) 900-21-45